

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**«ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 30
ББК 6/7

«Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (19 сентября 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — 142 с.

ISBN 978-5-4379-0004-8

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/7

ISBN 978-5-4379-0004-8

Оглавление

Секция 1.1. История социально-политических учений России 6

ЛИБЕРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В УЧЕНИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА
Фролов Глеб Станиславович 6

Секция 1.2. История и теория политики 11

ФЕНОМЕН ФАШИЗМА И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В XX
ВЕКЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 11
Аваков Артур Игоревич

Секция 1.3. Политика в России 17

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 17
Федотов Давид Сергеевич

Секция 1.4. Мировая политика 22

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПУТЬ К
ВОЗРОЖДЕНИЮ ИМПЕРИИ (1997—2011 гг.) 22
Валуев Антон Вадимович

Секция 1.5. Политический менеджмент 29

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНЕ 29
Мысльюк Юлия Васильевна
Тыжбиряк Дарья Сергеевна

Секция 2.1. Методология и методика социологического исследования 37

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И
СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ 37
Алексеенок Анна Алексеевна
Бараночников Василий Андреевич

ПРОЦЕДУРЫ ИЗУЧЕНИЯ И ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ 42
Каира Юрий Владимирович
Бобровский Олег Викторович

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТРАДИЦИЯХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ Чанкова Елена Вадимовна	47
Секция 2.2. Социология управления	52
ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ЖЕНСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Кузнецова Ольга Игоревна	52
Секция 2.3. Социология личности	59
ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЕМ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ Барг Анастасия Олеговна Рязанова Екатерина Александровна	59
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ СОТРУДНИКОВ УВД И МЧС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ Копылов Андрей Александрович	64
Секция 2.4. Социология коммуникаций	69
ГОРОД КАК ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОЙ ОБЫДЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ (Пермь в «Живом журнале») Дюкин Сергей Габдульсаматович	69
Секция 3.1. Философия и ее роль в современном обществе	74
ИГРА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН Загороднева Юлия Александровна	74
Секция 3.2. Социальная философия	80
ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ Данильченко Лариса Викторовна	80
ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ Иванова Ольга Сергеевна	89
АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ПАМЯТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА	93

Мокроусова Елена Александровна
Шабурова Ольга Викторовна

Секция 3.3. История философии 97

Д. ЮМ О ЧУДЕСАХ 97
Яковлев Валентин Валентинович

Секция 3.4. Философские проблемы образования 102

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ НРАВСТВЕННОСТИ ИММАНУИЛА КАНТА 102
НА ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
Локтева Рузалия Шайхулловна

Секция 4.1. История России 107

РАСКАЗАЧИВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ 107
ПРОБЛЕМА
Данилкин Олег Иванович

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 111
КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ НОВЫМ ПЕРЕДЕЛОМ МИРА
Ковшикова Галина Александровна

ИЗ ИСТОРИИ НОВНИКОЛАЕВСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО 115
ИНСТИТУТА (1917—1920 гг.)
Кочурина Светлана Анатольевна

Секция 4.2. Документоведение, архивоведение 128

РАЗРАБОТКА ИНСТРУКЦИИ ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ В 128
КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ООО «НВ-СТИРОЛ»
Золоторева Ксения Вячеславовна
Гасникова Светлана Юрьевна

Секция 4.3. Этнология 132

О РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ В ДРЕВНЕЙ 132
ГЯНДЖЕ (I тысячелетие до н.э. — I век н.э.)
Кулиева Нарги Мелик кызы
Гасанов Эльнур Лятиф оглы

Секция 4.4. Историософия 136

ПРОБЛЕМА НЕИСТОРИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ 136
СОВРЕМЕННОСТИ
Простяков Сергей Станиславович

СЕКЦИЯ 1.1.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИИ

ЛИБЕРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В УЧЕНИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Фролов Глеб Станиславович

соискатель ВГГУ, г. Владимир

E-mail: shagushina@rambler.ru

Создать либеральную доктрину для России, страны экономически, социально и интеллектуально отсталой от европейских государств, во второй половине XIX в. было весьма сложно. К тому же, исторические и культурные традиции страны находились в явном противоречии с основными, базовыми принципами и идеями европейского классического либерализма.

Решить задачу по ее созданию оказалось по силам только людям европейски образованным, подготовленным не только к восприятию, развитию, но и адаптации идей либерализма к российской действительности. Такие люди имелись, прежде всего, в университетской среде. В их числе, прежде всего, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин. Проблема состояла в том, как встроить либеральные идеи в жесткую систему российского абсолютизма, закрепить их в ней и подготовить тем самым ее эволюционную трансформацию в гражданское, демократическое общество.

С позиций либерализма Б.Н. Чичерин рассматривает огромное количество вопросов, таких как взаимоотношения между государством и гражданским обществом, государственные и негосударственные формы правления, организация местного самоуправления, соотношение публичного и частного права, место и роль партий в обществе, значение общественного мнения, взаимодействие личных прав и обязанностей граждан. Однако, основное внимание ученый уделяет проблемам народного представительства и характеристике конституционной монархии.

Борис Николаевич Чичерин в своих взглядах на государство и право исходил из идеи приоритета интересов человеческой личности перед государственными. Считая человека абсолютной ценностью, а его свободу фундаментом общества, он отстаивал идею о том, что не лица для учреждений, а учреждения для лиц. Мыслитель «разбавил» гегелевское положение об объективном и самоцельном характере государства элементами кантианского индивидуализма. Личность есть «корень и определяющее начало всех общественных отношений»; индивидуализм «составляет краеугольный камень всякого истинно человеческого здания». Таким образом, с одной стороны — личность, индивидуальная свобода, с другой — общий закон, общество и государство суть самостоятельные, не сводимые друг к другу начала, восходящие в конечном счете к «первопричинам» Абсолютного. Однако, в концепции Чичерина отсутствует ярко выраженный индивидуализм западной философии, личность не противопоставлена обществу. Свобода человека как бы переносится на общество. Особое внимание уделяет Чичерин вопросам морали и взаимоотношениям ее с правом, заостряет внимание не только на правах человека, но и на обязанностях его по отношению к обществу и государству.

С этими либерально-индивидуалистическими поправками Чичерин воспроизводит гегелевский подход к праву как развитию идеи свободы, реализации свободной воли. Обладание человеком свободной волей делает его личностью, имеющей права. Идея свободы у Чичерина имеет три ступени: внешнюю — право; внутреннюю — нравственность; общественную — отражающую переход субъективной нравственности в объективную и сочетающуюся с правом в общественных союзах. Внешняя свобода — это область права. Свободная воля человека, сталкиваясь с волей других личностей, должна иметь какие-то границы, регуляторы внешней свободы, нормы, устанавливающие взаимное ограничение свободы, что приводит к возникновению права. Чичерин говорит о двояком значении права — субъективном и объективном: «Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение: право — есть свобода, определенная законом» [3, с. 84]. Поскольку право является выражением свободы, дальнейшее развитие этих категорий взаимосвязано: развитие свободы ведет к развитию права. В свою очередь либерализация права приводит к расширению свободы индивидов и общества. Внутренняя свобода человека — нравственность. По мнению Чичерина, нравственность связана с

правом лишь общим источником происхождения — разумом свободной личности.

Так же как и Гегель, Чичерин рассматривает естественное право как часть философии права, называет его «философским правом». Но, если Гегель смысл абсолютного подхода к естественному праву раскрывает в конструкции абсолютной нравственности, Чичерин видит естественное право в виде идеальных юридических норм, которые разрабатываются наукой и служат руководством для законодателя. При определении прав и обязанностей, подчиняющихся его влиянию лиц, законодатель должен черпать руководящие начала из самого положительного права.

Чичерин отчетливо представлял прямую связь, взаимозависимость между экономической свободой и развитием политического сознания граждан, ведущим, в конечном счете, к пониманию необходимости политической свободы. Он считал, что свобода и свободные учреждения могут существовать лишь в государстве и рамках закона. Свобода не любит крайностей. Она является преимуществом умеренных правлений, где граждане более или менее ограждены против злоупотреблений власти. Во всяком образе правления необходимы сдержки и как только они исчезают, правление превращается в деспотию.

Важной гарантией соблюдения личных прав, Чичерин считал наличие в обществе господствующего в нем нравственного порядка, общественного духа, без которого народ перестает существовать как единое целое. В последнем случае он остается лишь толпой людей, соединенных только внешним образом, для которых все равно, подчиняться той или иной власти, лишь бы она исправно содержала полицию. Нравственный порядок в обществе, по его убеждению, должен был подкрепляться духовной свободой. Составными элементами, ее гарантиями призваны были стать: свобода совести, мысли, включающая свободу преподавания и печати, свободу собраний.

Считая судебные гарантии наиболее эффективным инструментом соблюдения личных прав граждан, Б.Н. Чичерин полагал, что это лишь предварительное условие соблюдения прав политических. Соблюдая гражданские права, общество должно научиться, осознать необходимость такой же юридической защиты политических прав.

Б.Н. Чичерин одним из первых русских либералов изучил проблему духовной, нравственной готовности народа к получению им личной свободы в широком смысле этого слова, его потенциальной возможности не только обладать, но и распоряжаться ею.

С либеральных позиций рассматривает Чичерин различные аспекты общественной жизни, неоднократно подчеркивая роль государства и настаивая на том, что руководящим принципом государственной политики должно быть стремление к достижению разумно-понятного общего блага.

Государство должно либерализовать национальную политику. Ничего не может быть опаснее стремления к насильственной ассимиляции подвластных народностей с господствующей национальностью — только живое единение свободных сил на почве уважения ко всякой национальности может служить источником государственной жизни.

Свою либеральную концепцию Чичерин создавал, учитывая особую роль абсолютной монархии в истории России. Задача либерализма, поэтому, состояла в том, чтобы не столько восстановить, сколько создать заново представительные учреждения и соответствующую им форму правления — конституционную монархию, являющуюся «наиболее приближенным к совершенству» образом государственного правления [1, с. 90]. Достоинство этой формы государственности состоит в разделении властей: монарх воплощает в себе власть, народ — свободу, аристократическое собрание — закон [2, с. 161]. Соглашение элементов в конституционной монархии, по учению философа, достигается в результате распределения между ними, т. е. монархом и народом (аристократией и демократией), верховной власти путем предоставления им участия в отраслях верховной власти [2, с. 75, 168, 178]. Разделение же верховной власти на отрасли, по его мнению, вытекает из «самого назначения» власти [3, с. 320-321], из ее отношения к различным элементам государства (закону, свободе, общей цели, или идеи) [2, с. 78], из «многообразных прав, которые могут быть присвоены отдельным органам», каждый из которых «заключает в себе известную сумму или систему прав». Преимущество конституционной монархии состоит в том, что она смягчает противоречия между элементами общества. Главным средством достижения этой цели Б.Н. Чичерин считал свободу, понимаемую им в самом широком правовом и нравственном смысле.

Учение Чичерина о разделении властей и конституционной монархии преследует цель не только ограничить абсолютизм и гарантировать буржуазные свободы, но также обеспечить дальнейшее безреволюционное развитие общества, возможность не прибегать к «разрушительной силе черни» для перестройки формы государства в результате изменения соотношения классовых сил. Другие образы правления, по мнению Чичерина, подлежат падению, ибо они

представляют интересы главным образом одного класса или его группы.

Таким образом, в основе либеральных идей Б.Н. Чичерина лежали представления о естественном праве, правовом государстве, разделении властей; мыслитель отстаивал обязанность государства охранять гражданские и политические свободы, независимость суда.

Список литературы:

1. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. — М., 1899. — 810 с.
2. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. — М., 1894. — 482 с.
3. Чичерин Б.Н. Философия права. — М., 1900. — 336 с.

СЕКЦИЯ 1.2.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ФЕНОМЕН ФАШИЗМА И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В XX ВЕКЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аваков Артур Игоревич

*аспирант кафедры политологии и права Московского
государственного областного университета, г. Москва*

E-mail: megler@mail.ru

На современном этапе развития политической ситуации в России необходимо тщательно и углубленно изучить ультраправые движения, прежде всего, итальянский фашизм и немецкий национал-социализм. Особенную важность этому придает усиливающаяся тенденция возникновения и развития ультраправых элементов в современной России. Важно понять суть этого процесса — его причины и возможные последствия.

В имеющихся исследованиях фашизм рассмотрен в историческом аспекте, мы же считаем необходимым провести политологический анализ, так как именно он позволит выявить сущность явления, способного возродиться в XXI веке под модернизированными лозунгами.

Мы считаем, что вся ультраправая риторика строится на демагогичном и популистском сочетании национализма, как фактора нивелирующего классовые противоречия и борьбу, и социализма, как элемента, усыпляющего бдительность наиболее угнетенных слоев населения государства.

Чтобы больше углубиться в понимание фашизма, необходимо обратиться к такому явлению как национализм.

Первой составляющей национализма является идея политической независимости. Она прослеживается ещё в период становления первых империй.

Второй важной чертой национализма является идея сохранения «святой истории», служение государству, его святыням, противоборство всему, что размывает национальное сознание. Обе эти тенденции направлены на сохранение собственной самобытности.

Третьей, основной идеей национализма можно считать национализм титульных наций. Это государственный национализм, ставший частью государственной идеологии. Он выражается в построении национальных мифов, претензии на гегемонию в мире [5, с. 35]. Как подчёркивает профессор А.И. Панов: «Из истории нам известны периоды, когда, например, в Европе чуть ли не все страны пережили периоды болезни манией мирового (как минимум европейского) господства» [7, с. 28]. Главной особенностью государственного национализма является сращивание общественных форм национализма с официальными политическими лозунгами.

Необходимо отметить, что первые два признака национализма связаны с национально-освободительной борьбой, а так же с борьбой за культурную самобытность, что в целом сказывается на обществе положительно. В тоже время третий признак делает национализм агрессивным и деструктивным. Идею государственного национализма эксплуатировал фашизм.

Государственный национализм оказался востребованным, в значительной степени, из-за того, что, содержа в себе идею единства нации, он позволяет нивелировать классовую борьбу. Таким образом, мы можем наблюдать, как правящая элита развивает государственный национализм каждый раз, как обостряется классовая борьба. По сути дела, правящие элиты формировали миф о нации при помощи национальной идеологии, то есть национализма. Опорой же мифу служат обычаи, традиции, преемственность, ландшафт, язык, кровь, соседи и так далее. Те же, кто не принимал миф о нации, отчуждались от своих корней, становились чужими.

Второй, социалистический компонент в ультраправой идеологии обусловлен объективными требованиями большинства населения тех государств, где правительства не желали идти на уступки. Н.В. Устрялов в своей книге «Германский национал-социализм» отмечает, что Первая Мировая Война ввергла Германию в нищету, но революция не сделала нищету повальной. Банкиры, спекулянты и капиталисты устояли, их благоденствие вызвало глубокую обиду в сердцах обнищавшего народа. То есть революция не сделала нищету всеобщей, не произошло примерного погрома богатых [11; 12] Именно для того, чтобы народные массы не воплотили задуманное в жизнь, крупная буржуазия слила воедино националистическую риторику с элементами социализма, получив в итоге наиболее человеконенавистнический режим, но удержавшись у власти и сохранив свои капиталы.

Отдельного обсуждения заслуживают философские основания ультраправого дискурса. В книге С.В. Котова и В.Х. Сахибгоряева

«Европейский фашизм: социокультурные псевдоценности политического движения», авторы подробно останавливаются на философской концепции фашизма, выделяя в ней 4 пункта:

1. Мироззренчески фашизм представляет собой совокупность идей, объясняющих проблемы мироздания и человека на основе неклассической антропологии.

2. Фашизм питали оккультные источники и древние мифы. В силу этого фашизм создавал новую мифологию. Это обстоятельство освобождало философию фашизма от логической стройности, где внутренние противоречия сведены к минимуму либо отсутствуют вовсе. Онаучивание мифов, мифологизация реальности, преобладание идеологии, фантазмов над очевидными фактами бытия формировали представление о неполноценности не только истории, но и самого человека.

3. Отрицание современного мира в фашистских доктринах проводилось под видом отрицания капиталистической современности. Центральная идея фашизма — «кровь и почва».

4. Вся история видится фашистам как процесс деградации человека. Единственное решение этой проблемы им видится в изоляции расы [5, с. 34].

Здесь уместно упомянуть Б. Бессонова, который критиковал фашизм, в частности, и за то, что он объявил себя наследником классической философии. Он отмечает, что история еще не знала фальсификаций, подобных тем, что проводили фашисты. Превратить Лейбница, Гердера, Канта, Фихте, Гегеля и других в предшественников Гитлера и его шайки, как пишет Бессонов, можно только путем самого грубого, ни с чем не считающегося вранья [2, с. 103]. В целом же гитлеровскую Германию Бессонов характеризует как страну невежд, авантюристов и безумцев, дорвавшихся до власти и обративших власть на служение античеловеческим, разбойничьим и другим низменным инстинктам и вожделениям.

Фашизм так и не выстроил своей четкой теории, в которой с фашистских позиций можно было бы научно рассуждать об экономике, о движущих силах человеческого общества и так далее. Фашизм игнорировал социально-экономические запросы общества, создавая вокруг него вымышленный мир.

В другой работе В.Х. Сахибгореева «Фашизм как историко-философская проблема», мы встречаем три установки, которыми, по его мнению, должны руководствоваться исследователи в определении понятия «фашизма»:

1. Фашизм порожден причинами системного характера и ведущим принципом их сочетаемости является их органическая взаимосвязь, взаимодействие.

2. Необходимо отрешиться от околонуточных спекуляций, связанных с исключительно оккультной, потусторонней, потаенной сущностью фашизма.

3. Опереться на отстранённо-научную позицию, исключающую возможность идеологических спекуляций [9, с. 14].

Как отмечает Сахибгоряев, в развернувшейся полемике о фашизме в 1960—1970 годы XX века, понятие «фашизм» стало обозначать зло в пиковом значении (то есть все самое радикальное, жестокое, беспринципное и так далее). По его мнению, первоначально фашизм был политическим движением, которое основывалось на принципах консервативной революции. Консервативная революция подразумевает антикапитализм, национальное возрождение, национальное единство и социализм. Расовая составляющая вошла в фашизм позднее, когда понадобились идеи национальной гомогенности и культурного превосходства.

Советская наука определяла фашизм следующим образом: «это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [2, с. 236]. Опираясь на данное определение, Бессонов выделил цель фашизма, заключающуюся в «пресечение в результате государственных переворотов демократических и революционных процессов, предотвращении социалистической революции рабочего класса, обеспечении террористическими средствами господства наиболее реакционных кругов национального либо интернационального монополистического капитала» [2, с. 237].

Мы разделяем эти положения, с той лишь разницей, что считаем нужным отдельно прописать определение национал-социализма. Если фашизм мы определяем как диктатуру, то есть как режим, то национал-социализм — это идеология, основанная на стремлении нивелировать классовую борьбу, путем сращивания националистической и социалистической риторики, с целью сохранить положение господствующих элит.

В заключение обратим внимание на имеющиеся в современной литературе различия в трактовках фашизма, который царит в современном мире. Современный итальянский учёный Умберто Эко стремится преодолеть подобные разночтения, вынося список типичных характеристик так называемого «вечного фашизма», который он именует ур-фашизмом. По его мнению, достаточно лишь одного из

приведенных им признаков для «скопления фашистской туманности». Всего этих пунктов четырнадцать, однако, мы рассмотрим наиболее острые из них, поскольку именно их можно наиболее часто встретить в нашей повседневности:

- Культ традиции, который выливается в синкретизм. Здесь основой сочетаемости, прежде всего, становится пренебрежение к противоречиям. В свою очередь, это кладет конец развитию знания, поскольку оказывается, что вся истина уже давно найдена и осталось лишь расшифровать ее в древности.

- Культ действия ради действия. Думанье — немужественное дело. Подозрительность по отношению к интеллектуальному миру всегда сигнализирует о присутствии ур-фашизма.

- Ур-фашизм замешан на расизме, так как он растет, эксплуатируя врожденную боязнь всего инородного. Первейшие лозунги фашистских движений направлены против инородцев.

- Фашизм опирается на средний класс, пострадавший от экономического или политического кризиса и испытывающий страх перед раздраженными низами, то есть рабочими, крестьянами, безработными и так далее. Эко отмечает, что в современном мире пролетариат порой превращается в мелкую буржуазию, что дает фашизму превосходную расширяющуюся аудиторию.

- Ур-фашизм строится на качественном популизме. Народ выступает как монолитное единство, выражающее совокупную волю всех. Вождь является представителем народа, поэтому рядовые граждане не действуют, а лишь играют роль целого. Опираясь на этот популизм, фашисты выступают против парламентских демократий.

- Ур-фашизм говорит на «новоязе». Фашистские учебники отличаются беднотой лексики и примитивным синтаксисом. Подобная бедность призвана ограничить возможность школьника критически мыслить [12, с. 67—79].

Исходя из этих характеристик, становится очевидным, что фашизм не исчез из нашей жизни, а, напротив, все еще борется за власть в мире. «Новояз» сегодня стабильно встречается во всех телевизионных ток-шоу, вождизм имеет место во многих современных государствах, в том числе и в России, а в наличие потенциальной аудитории у фашизма и вовсе не должно возникать никаких сомнений. Разница между фашизмом начала XX века и наших дней заключается лишь в том, что фашизм «переоделся» в гражданское платье. Более он не выступает как открытый реакционер и агрессор. В эпоху технологий манипуляции сознанием фашизм стал популистским штампом, который многим уже не кажется пиковым проявлением зла. Тем не менее, история фашистского движения

безапелляционно доказывает, что нельзя забывать о его угрозе. Руководствуясь признаками «ур-фашизма», мы приходим к выводу, что и в России есть все возможности для «скопления фашистской туманности», тем более, что фашизм является крайне простой для понимания идеологией.

Таким образом, проанализировав фашизм и национал-социализм и их роль в политическом процессе, мы приходим к выводу, что данные феномены являются реакцией на революционные настроения рабочих масс. Сторонники фашизма выступают основными противниками левых в борьбе за власть, играют важную роль в препятствовании реализации левых лозунгов. Исторический опыт подсказывает, что сторонники ультраправых, в случае необходимости, могут принять активное участие в политическом процессе современной России. Это обстоятельство указывает на важность борьбы с ультраправыми, поскольку такая борьба оказывается борьбой за прогресс.

Список литературы:

1. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2000 — 304 с.
2. Бессонов Б. Фашизм: идеология, политика М.: Высш. шк., 1985 — 279 с.
3. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922 — 1982. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000 — 229 с.
4. Котов С.В., Сахибгоряев В.Х. Фашизм: опыт культурно-философской концептуализации. Магадан: Ноосфера, 2007 — 349 с.
5. Котов С.В., Сахибгоряев В.Х. Европейский фашизм: социокультурные псевдоценности политического движения. Магадан: Кордис, 2006 — 129 с.
6. Офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы 1941-1945 гг. Серия: Армия и политика. // Т.: Авт.-сост.: доктор политических наук, профессор А.И. Панов. — Калуга: Изд. дом «Эйдос», 2003. — 746 с.
7. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма М.: Наука, 1981 — 180 с.
8. Сахибгоряев В.Х. Фашизм как историко-философская проблема. Магадан: Кордис, 2007 — 125 с.
9. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. М.: Вуз. кн., 1999 — 140 с.
10. Федер Г. Программа и мировоззрение НСДАП — URL: <http://lib.rus.ec/b/162267/read#1> (дата обращения 10.03.2011)
11. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб: Симпозиум, 2000 — 157 с.

СЕКЦИЯ 1.3.

ПОЛИТИКА В РОССИИ

ВОЕННО — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федотов Давид Сергеевич

*соискатель кафедры политологии и социально-экономических дисциплин Армавирской государственной педагогической академии,
г. Армавир*

E-mail: ldav7700@yandex.ru

Российская Федерация в третьем тысячелетии оказалась в центре радикальных геополитических изменений, она стала объектом повышенного интереса и определенных территориальных притязаний других стран [1, с. 26].

Превращение России в сильную в экономическом и военном отношении державу, способную самостоятельно отстаивать свои национальные интересы, не вызывает позитивного отношения у ряда стран, сохраняющих приверженность к разрешению разнообразных противоречий путем применения военной силы в нарушение существующих норм международного права.

Анализ тенденций развития военно-политической обстановки показывает, что в ходе становления нового мирового порядка ведущие государства будут по-прежнему рассматривать военную силу в качестве одной из главных составляющих обеспечения своих национальных интересов, достижения экономических и политических целей [2, с. 15].

В краткосрочной перспективе внешняя военная угроза для России невелика. За это время не появится врагов, которые, как в период «холодной войны», могли внезапно начать вооруженную агрессию. У России сегодня нет острых политических или экономических конфликтов со странами НАТО, которые могли бы привести в ближайшем будущем к военному конфликту. В то же время наиболее вероятными в настоящее время для России являются внутренние вооруженные конфликты, прежде всего, на Кавказе, а также в других

районах в связи с ухудшением экономического положения или при попытках проявления сепаратизма и дальнейшего разрушения России по модели Советского Союза [3, с. 56].

Сегодня важным фактором обеспечения международной безопасности является комплекс договоров и соглашений о контроле над вооружениями. Они способствуют большей предсказуемости ситуации, делают маловероятным внезапное нападение и обеспечивают достаточное стратегическое предупреждение. Российская Федерация обладает также мощными стратегическими ядерными силами, способными сдержать агрессора.

Таким образом, если наметившаяся тенденция к военной конфронтации с исламским миром по «дуге нестабильности» от Боснии до Таджикистана получит дальнейшее развитие, возможно и более активное противостояние с некоторыми мусульманскими странами, стремящимися добиться господства в этом регионе. При худшем варианте Россия может столкнуться даже с несколькими войнами локального масштаба типа афганской или иракской.

В долгосрочной перспективе по мере укрепления экономических и политических позиций нашей страны на фоне борьбы ведущих государств и коалиций за топливно-энергетические ресурсы и рынки сбыта уровень существующих и потенциальных военных угроз России может возрасти и, в значительной степени, будет определяться борьбой за лидерство традиционных и вновь формируемых центров силы — США, объединенной Европы во главе с Германией, Японии, Китая. Попытки укрепления или расширения их влияния за счет использования геостратегического и экономического потенциала России будут прямо или косвенно противоречить российским национальным интересам и создавать предпосылки для возникновения непосредственной военной угрозы.

Снижение российского стратегического ядерного потенциала, резкое изменение соотношения по стратегическим наступательным вооружениям в пользу США, а также развертывание национальной и региональной систем ПРО могут подорвать сложившийся стратегический паритет и девальвировать статус России как ядерной сверхдержавы. Это резко ослабит роль и вес Российской Федерации по всему спектру геостратегических и военно-политических проблем [6, с. 19].

Мы считаем, что в долгосрочной перспективе возможно возникновение системы согласованных и организованных локальных войн и вооруженных конфликтов в сферах традиционного влияния России в странах дальнего зарубежья, ориентирующихся на новую

Россию, с втягиванием в них России и перерастанием этих конфликтов в региональную войну. Анализ условий развязывания такой войны показывает, что наиболее вероятно ее возникновение в пределах Западного и Юго-Западного стратегических направлений.

В целом на период до 2020 года военно-политическая обстановка в мире будет достаточно сложной и характеризоваться возможными периодами резкого обострения. Развязывание крупномасштабной агрессии против России в ближайшей и среднесрочной перспективе маловероятно. Однако эта вероятность будет возрастать по мере укрепления экономических и политических позиций нашей страны на фоне борьбы ведущих государств и коалиций за топливно-энергетические ресурсы и рынки сбыта. На рубеже 2020 года Россия может стать главной ареной борьбы за источники сырья и другие природные богатства [8, с. 57].

Из вышеизложенного следует, что в стране должна быть создана система своевременного вскрытия военных угроз, оперативного и гибкого реагирования на них, позволяющая принимать обоснованные решения по предотвращению эскалации конфликтов.

Это, в свою очередь, требует разработки эффективных симметричных и асимметричных мер по нейтрализации возникающих и прогнозируемых военных угроз, поиска союзников, налаживания с ними взаимодействия, расширения числа нейтральных стран. А научный прогноз и объективная оценка военных угроз безопасности России должны явиться основой для выработки задач Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное и военное время и определения приоритетов в их строительстве и применении в военной и военно-технической политике РФ.

Сегодня мы можем видеть эволюцию взглядов на средства и способы обеспечения национальной безопасности, растет понимание необходимости кардинального переосмысления подходов к формированию системы обеспечения военной безопасности РФ, убеждение в том, что без ее совершенствования невозможно добиться главной цели — обеспечить национальную безопасность с использованием, как невоенных мер, так и военной силы.

Для достижения этой цели необходимы разработка и последовательное проведение:

- сбалансированный военно-политический курс;
- повышение уровня социально-экономического развития;
- укрепление военной организации государства исходя из военных угроз его национальным интересам, определение и

использование наиболее эффективных возможных форм и способов их нейтрализации;

- превращение зон конфронтации в области стабильности;
- защита и обеспечение безопасности международных проектов и инвестиций.

Стремление к комплексному и взаимосвязанному учету перечисленных факторов при организации функционирования системы обеспечения военной безопасности позволяет рассматривать ее в качестве механизма, призванного реализовывать принятые в стране концептуальные взгляды и политические установки в области обеспечения национальной безопасности путем координации деятельности органов законодательной, исполнительной власти и всех других элементов военной организации государства.

Прежде всего, необходимо отметить то, что обеспечение военной безопасности России требует формирования и реализации единой государственной политики в этой области, консолидации усилий всех ветвей и органов власти, концентрации и рационального использования выделяемых сил, средств и ресурсов.

Эта линия предусматривает приведение объема и содержания задач военной организации, структуры, состава и численности ее компонентов в соответствие с реальными потребностями обеспечения военной безопасности и экономическими возможностями страны [7, с. 26].

Нам необходимо отметить то, что Российской Федерации необходим комплексный и сбалансированный подход в вопросах обеспечения геополитической и военной безопасности в кавказском регионе. Главной задачей является обеспечение территориальной целостности Российской Федерации, противодействие угрозам внешнего вмешательства в регион, противодействие религиозному экстремизму и сепаратизму.

Важно использовать и развивать российское посредничество в карабахском, грузино — осетинском, абхазо-грузинском конфликтах. Активизировать и укреплять партнерство с Арменией и Ираном [4, с. 84].

Сегодня мы можем видеть то, что выстраивается целостная концепция геополитики Российской Федерации, которая предусматривает и берет курс на восстановление эффективного государственного управления, комплексного подхода в вопросах военной безопасности, и это обуславливается тем, что регион становится зоной повышенного интереса ряда иностранных государств, присутствие которых на Большом Кавказе нарастает, что в

долгосрочной перспективе может привести к возникновению противоречий между интересами Российской Федерации стран Запада и Ближнего Востока.

Список литературы:

1. Авдеев А.А. Военная реформа в России. — М., 2010. — 26 с.
2. Арешев А.Г. Политически мотивированные энергетические проекты и рост военно-политической напряженности в Закавказье // Аналитические заметки. — М., 2007. — №23. — 15 с.
3. Геополитика: Теория и практика. — М.: ИМЭМО РАН, 2008. — 56 с.
4. Дашдамиров А. Некоторые исторические особенности межкавказских отношений // Кавказский сборник. — М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. — Т.1 (33). — 84 с.
5. Квашнин А.В. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей. — М: ГШ ВС РФ, 2004. — 64 с.
6. Лутовинов В.И. Проблемные вопросы научно-методологического обеспечения военной безопасности Российской Федерации. — М., 2004. — 19 с.
7. Макаренко И.К. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения в постконфронтационную эпоху. М.: Мысль, 1998. — 26 с.
8. Макаренко И.К., Морозов В.С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. — М., 2000. — 57 с.

СЕКЦИЯ 1.4.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ИМПЕРИИ (1997–2011 гг.)

Валуев Антон Вадимович

*профессор РАЕ, к. и. н, старший преподаватель Кафедры
международных отношений Государственного университета
аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург
E-mail: avalouev@mail.ru, avalouev@yandex.ru*

В конце двадцатого — начале двадцать первого столетий в мировом академическом сообществе отмечается устойчивая тенденция к рассмотрению весьма широкого спектра различных социально-политических проблем в контексте развития — ускорения или замедления — процессов глобализации и международной взаимозависимости. За этот период окружающий нас мир как сложнейший механизм международного взаимодействия, положительно, претерпел заметные, качественные изменения [1].

Современная политическая наука пока не пришла к единому универсальному мнению относительно понимания и точного определения данного феномена. В значительной степени, это объясняется стремительным, комплексным и зачастую непредсказуемым характером перемен, с которыми сегодня сталкивается мировая цивилизация.

Фундаментальной характеристикой глобального мира следует признать его очевидную и прогрессирующую взаимозависимость. Иными словами, мир как некое социально — временное пространство постоянно находится в движении, быстро видоизменяется, становится более открытым и доступным.

Термин «глобализация» в наше время переживает пик популярности, активно используется в повседневно-бытовом, академическом и государственном контекстах. Всего за два десятилетия глобализация успела опутать цивилизованный мир сетью из прочных

невидимых связей, пустила сильные корни на всех уровнях глобальной системы международных отношений, стала важной и неотъемлемой частью действительности.

Избранные представители академической среды, международных деловых кругов и национальные властные элиты — все эти влиятельные социальные институты обладают оригинальным политическим восприятием процессов глобализации и пониманием глобальных правил игры в более открытом, динамичном и постоянно меняющемся мире.

Особенный политический интерес к актуальным исследованиям глобальных процессов сегодня демонстрируют представители национальных правящих элит, определяющих приоритеты внутренней и внешней политики государства. В данном политическом контексте, актуальные исследования глобальных процессов ориентированы на две главнейшие проблемы — перспективах развития классического, «идеального» национального государства и защите института национальной идентичности в жёстких условиях современного мира.

При всех имеющихся различиях относительно уровней понимания сути и природы глобализации, следует отметить, что вышеперечисленные социальные группы преследуют одну и ту же стратегическую цель. По мере имеющихся сил и возможностей они пытаются «упорядочить» и «приручить» бурную стихию глобализации — чтобы в перспективе не только теоретически предугадывать, но и практически участвовать в координации и программировании магистральных процессов мирового социально-экономического, политического и культурного развития.

Механизм процессов взаимодействия человека и общества в эпоху глобализации, бесспорно, представляет большой определённый интерес с точки зрения гуманитарного знания. Как нам представляется, феномен глобализации в данный момент позволяет поднимать на поверхность, исследовать и анализировать многие глубинные, масштабные и наиболее резонансные проблемы нашего мира. Неслучайно, комплексный, глобальный научный подход сегодня так особенно востребован в изучении и преподавании новейшей истории, политологии, социологии, философии и культурологии.

Обширные возможности для развития межкультурного диалога и деловой коммуникации — это объективная реальность, как впрочем, и присущее глобальному миру навязывание многим игрокам западных правил игры, а также видимое стремление утвердить универсальную, безликую систему традиций, ценностей и интересов — взамен многочисленным национальным культурам.

Феномен глобализации играет ключевую роль в изучении актуальных проблем в рамках современной, однополярной системы международных отношений. Глобализацию здесь понимают как очевидное засилье на мировой арене Соединённых Штатов Америки, прямой результат крушения биполярной системы международных отношений и развала Советского Союза. Впрочем, явная гегемония США в мировых делах не может продолжаться вечно. В данный момент, как нам представляется, Америка теряет лидирующие позиции и, шаг за шагом, утрачивает статус « единственной и последней сверхдержавы ». Об ослаблении и усталости США сегодня свидетельствуют неспособность остановить формирование альтернативных центров силы (Китая, Индии, Бразилии, Европейского Союза, России), урегулировать ситуацию в Афганистане и Ираке, успокоить вечный конфликт в треугольнике Палестина — Израиль — Ливан и мн. др.

Постоянная критика, недовольство и возмущение односторонним курсом американской внешней политики, нацеленной не на преодоление, а на разжигание старых и возникновение новых, глобальных международных проблем, кризисов и очагов нестабильности со временем будет возрастать не только внутри страны, но и в остальном мире.

Сегодня многие российские и иностранные эксперты сходятся во мнении, что ныне действующая модель системы международных отношений, по существу, окончательно исчерпала свой рабочий политический ресурс и не способна эффективно противостоять глобальным вызовам современности.

Именно поэтому приоритетными направлениями развития международного сотрудничества в будущем должны стать осмысление и критический анализ глобального опыта и поиск альтернативных идей устройства мировой системы, основанной на восстановлении справедливого и разумного баланса сил и интересов в международных делах — на коллегиальной основе.

Внешне глобализация абсолютно свободна, стихийна и неподконтрольна, но на самом деле она существует по своим внутренним правилам и законам и имеет свои явные или тщательно скрытые центры принятия решений. Управлять глобальными процессами и грамотно использовать их колоссальный общемировой потенциал в локальных целях сегодня способны только глобальные политические игроки. К этому элитарному политическому кругу относятся только наиболее сильные и влиятельные национальные государства и транснациональные структуры (Всемирная Торговая

Организация, Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд и др.). Для них транснациональные, глобальные процессы питательная среда для поддержания и укрепления собственного могущества — и только в последнюю очередь — надёжное средство для дальнейшего развития и совершенствования остального мира.

Современная Великобритания, наследница великой Британской Империи, бесспорно, относится к числу именно таких глобальных политических игроков. Глобальный секрет неослабевающего политического влияния страны в мировых делах основан на трёх опорах: особых трансатлантических отношениях с США, колоссальном влиянии в Британском Содружестве и особенном статусе в Европейском Союзе.

Из трёх опор одна традиционно считается самой сложной и проблемной. Это крайне непростые для постороннего понимания межкультурные отношения островного государства с «остальной» Европой, которые рельефно обозначили себя за сотни лет до идейного старта европейских интеграционных процессов.

На современном этапе, европейская проблематика первоначально оказалась в самом центре внимания — при «новых» лейбористах (1997—2010 гг.), а позже практически отошла в тень — после недавней победы на выборах «странной» консервативно-либеральной коалиции.

Главный вопрос для нас заключается в том, почему современная Великобритания, несмотря на огромный потенциал, заметно выделяется из общего ряда государств Европейского Союза и однозначно выбирает собственный путь в меняющейся системе международных отношений.

С символической и этапной победой партии «новых» лейбористов на всеобщих парламентских выборах в Великобритании в 1997 году российские и зарубежные эксперты в сфере международных отношений, европейской интеграции и британских исследований связывали некоторые надежды на оживление ситуации на стратегическом европейском направлении.

Эти осторожные ожидания базировались на политическом имидже лидера «новых» Тони Блэра, который предлагал перевести ограниченный при консерваторах политический диалог в институциональное русло и тем самым определить магистральные направления развития европейской интеграции и усилить статус Европейского Союза в мировых делах в XXI столетии.

В отличие от консерваторов, Тони Блэр и его «обновлённая» Лейбористская партия смогли не только вовремя уловить ветер

глобальных перемен, но и убедить сограждан в том, что Британии необходима энергичная, эффективная внешняя политика, призванная покончить с добровольной практикой « изоляции » от актуальных проблем европейской интеграции. На некоторое время « новые » лейбористы действительно усиленно делали ставку на европейскую карту. Однако эта политическая игра продолжалась недолго, вплоть до событий 11 сентября 2001 года, когда европейская политика постепенно стала уходить в небытие и была принесена в жертву « особым » отношениям с США.

Амбициозный Тони Блэр и первое Правительство « новых » лейбористов (1997—2001 гг.) на уровне теории действительно были полны решимости преодолеть негативное наследие прошлого и постараться « излечить » Британию от сильного синдрома « евроскептицизма » — наследия и прямого результата многолетней внешней политики консерваторов (1979—1997 гг.).

В 1997 году к власти действительно пришли новые силы, но не новые в прямом смысле слова практические идеи. Как и его предшественники, Т. Блэр внимательно прислушивался к рекомендациям из официального Брюсселя, но на практике ни при каких обстоятельствах не жертвовал даже незначительной частью национального суверенитета и национальных интересов ради развития европейских интеграционных процессов. За возвышенной и просчитанной до миллиметра проевропейской риторикой Тони Блэра, которая на взлёте его удивительно яркой политической карьеры так сильно импонировала британской и европейской общественности, стояли только и исключительно « консервативные » национальные интересы [2].

Этот универсальный политический метод выстраивания отношений с Европейским Союзом, в свою очередь, стал « железным идейным стержнем » для новой европейской политики Правительств лейбористов и главной причиной её настоящего и полного идейного провала, в виду явной неспособности правящей элиты Великобритании превратить взаимное перетягивание каната в полноценный, равноправный и более соответствующий сложным реалиям глобального мира « европейский диалог ».

« Новые » лейбористы с прежним инструментарием не смогли на практике выполнить первоначальную стратегическую и историческую миссию — поставить « Новую » Великобританию в один ряд с мощнейшим франко-германским тандемом, который изначально определяет динамику развития интеграционных процессов в Единой Европе.

Во избежание необратимых последствий « новым » лейбористам и лично Тони Блэру на крайне неблагоприятном европейском политическом

фоне требовалось любой ценой «сохранить лицо». Для этого было необходимо срочно переключить внимание британской общественности с чёрной полосы неудач на европейском направлении на иной, более «интересный» и не менее перспективный канал. Равноценным спасательным политическим кругом для потерпевших сокрушительное и полное идейное фиаско на важнейшем европейском направлении «новых» лейбористов могли стать только «особые отношения» — «возрождение» и укрепление «англосаксонского» политического партнёрства и солидарности с Соединёнными Штатами Америки.

Провал «новой» европейской политики с помощью прогрессивных и отточенных до совершенства национальных информационно-политических технологий вскоре благополучно и «естественно» трансформировался в «торжество евроатлантической солидарности».

«Особые отношения» для нелейбористских Правительств (2001—2010 гг.) стали главной опорой национальной внешней политики — в ущерб участию страны в поступательном развитии процессов европейской интеграции. Таким опасным способом «Новая» Великобритания, по всей видимости, пытается бороться с ментальным комплексом, связанным с потерей важнейшего, опорного для национального самосознания и самоидентификации статуса великой Британской Империи и морально, на подсознательном уровне «компенсирует» досадные промахи и явные неудачи на стратегическом европейском направлении.

Если быть объективным и беспристрастным, то нельзя не признать тот факт, что при «новых» лейбористах консервативная Великобритания действительно изменилась, добилась определённых политических успехов и однозначно заявила о намерении играть важную и определяющую роль в мировой системе, вне зависимости от её конфигурации.

Британская Империя всегда выгодно отличалась от потенциальных конкурентов мощной, развитой, устоявшейся либерально-экономической моделью, которая опиралась на колоссальный международный ресурсный и коммуникативный потенциал, жизненно необходимый для внутреннего и внешнего развития государственной системы в целом.

С распадом, а точнее, плавным политическим переходом Британской Империи в новое состояние ситуация с ресурсами претерпела некоторые изменения. Сегодня «Новая» Великобритания испытывает явный дефицит источников для небольшого, но стабильного внутриэкономического роста и в этой политической связи вынуждена особенно активно искать и новые дополнительные возможности, чтобы «удержать» и укрепить суммарный

национальный потенциал в Европейском Союзе и остальном мире. На этом пути «Новую» Великобританию подстерегает много трудностей, которые физически невозможно решить в закрытом одностороннем порядке. Таким образом, Великобритании в любом случае придётся согласиться на более динамичное развитие экономического диалога с европейским миром [3].

На данном этапе и Великобритания, и Европейский Союз пытаются активно претендовать на главные роли в меняющемся, сложном и опасном глобальном мире. Однако для достижения данной стратегической цели они используют совершенно параллельные инструменты. И именно по этой причине настоящий и взаимно интересный диалог между «Новой» Великобританией и Европой в современных условиях невозможен. Добавим, что только целенаправленно участвуя в разрешении наиболее острых общеевропейских проблем Великобритания сможет вернуться к временам могущества Британской Империи и стать подлинно глобальным игроком в формирующейся многополярной системе международных отношений.

У власти в Великобритании могут находиться полярные по европейским взглядам и убеждениям политические силы, однако при этом их стратегические интересы при любой внутренней и внешней конъюнктуре будут сходиться в одной точке — они будут или «условно за» или «условно против» европейской интеграции. Сегодня для страны положительно невозможен только третий, «нейтральный» вариант. В любом случае, правящая британская политическая элита *обречена* на диалог с Европейским Союзом — от степени развития и эффективности которого зависит политическое будущее «Новой» Великобритании в постоянно меняющемся, глобальном мире.

Очевидно, что большая Европейская политическая идея Британии в настоящее время полностью дискредитирована. Обновить диалог с Европейским Союзом неизбежно придётся двум новым, молодым лидерам.

Список литературы:

1. Киссинджер Г. Конец эры самоуверенности // The Economist — РБК. Мир в 2009 году. С. 36 — 38.
2. Blair T., Brown G. Britain's Future in Europe // The Independent. Thursday, 14 October 1999.
3. Fifth Report. Foreign and Commonwealth Office Annual Report 2008 — 09. HC 145. 21 March 2010.

СЕКЦИЯ 1.5.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Мысльюк Юлия Васильевна

*к. пол. н., преподаватель ПНУ им. В. Стефанюка, г. Ивано-Франковск
E-mail: yu.myslyuk@gmail.com*

Тыжбиров Дарья Сергеевна

*студентка IV курса ПНУ им. В. Стефанюка
E-mail: daria.tuzhbiriak@gmail.com*

Политический лидер — это персонализированный аспект исследования политики. В статье рассматриваются особенности политического участия женщин в Украине. Анализируются необходимые условия и препятствия для реализации потребностей женщин в политике.

Актуальность исследования обусловлена тем, что политика является сферой борьбы за власть, где на первый план выступает отдельная личность с ее интересами, потребностями и ценностями. Демократический путь развития общества предполагает, что в борьбе за власть, влияние на нее принимают участие как мужчины, так и женщины. Рост влияния женщин в политическом пространстве является сегодня объективной реальностью, а безусловным явлением стало активное участие женщин, как во властных процессах, так и в оппозиционной деятельности.

О демократичности государства можно говорить, когда граждане активно участвуют в политической жизни государства, обладая высоким уровнем политической культуры, осознают себя активной частью целого, т.е. гражданского общества. Говоря об участии граждан в политике, мы будем иметь в виду, прежде всего, их политическую активность (особенно политическую активность женщин).

В связи с этим актуальна проблема участия женщин в политике через их активную позицию и институциональные механизмы паритетной демократии. В целом проблема участия женщин в политике

активно исследуется в украинской науке. Так, А. Киселева, В. Барков и А. Пищулина исследуют вопросы институционализации механизмов обеспечения гендерного равенства, с этнопсихологической точки зрения исследуют проблему В. Бебик, А. Науменко, А. Шаблій. Отдельные территориальные аспекты политической активности женщин интересуют Г. Лабинскую. Большое научное значение имеют исследования женского лидерства как формы паритетной демократии в работах А. Кириленко, А. Лазоренко, И. Цикул, Н. Лавриненко, И. Синявской. В русской академической науке данный аспект освещен в трудах А. Андреевской, Н. Степанова, Е. Кочкина, С. Айвазова, О. Хасбулатова.

Цель исследования — дать анализ проблемы неравенства доступа женщины-лидера к властным полномочиям, а также сформулировать рекомендации для повышения ее роли в политике.

Вопрос лидерства вообще, его места в обществе прошлого, настоящего и будущего, перспективы развития и условия формирования лидеров, в частности, в современной Украине постоянно находятся в центре внимания общественности.

Под термином «лидерство» понимают один из процессов организации и управления малой социальной группой, способствующей достижению групповых целей в оптимальные сроки с оптимальным результатом. Политический лидер — это человек, способный сплотить вокруг себя многих, завоевать у них авторитет, повести за собой.

Вопрос, по каким критериям следует оценивать деятельность политических лидеров, вызывает глубокую заинтересованность социальных психологов, политологов и других исследователей этого феномена. Одним из таких основных критериев, который влияет на восприятие политических лидеров, является гендерный. Традиционно лидерство у нас изучалось без учета половых различий, поскольку лидерская роль априори считалась маскулинной. Но появление на политической арене ярких женщин-лидеров и желание женщин активно участвовать в общественно-политической жизни страны оживили интерес к проблеме эффективности исполнения лидерской роли мужчинами и женщинами в разных условиях и обстоятельствах.

О демократичности государства можно говорить, когда граждане (несмотря на пол) активно участвуют в политической жизни общества, обладают высоким уровнем политической культуры, осознают себя активной частью целого, т.е. гражданского общества. В XXI в. мировое сообщество свою главную задачу видит в преодолении любых форм неравенства: классовой, гендерной, расовой, этнической, политической, экономической и социально-культурной. В разные исторические периоды роль украинской женщины в обществе была довольно

значительной, однако она никогда не имела четко определенного статуса. За годы независимости женский вопрос стал объектом особого внимания.

Важным моментом в обеспечении возможности участия женщин в политике является их активная позиция по вопросам социально-политической среды. Для анализа политической активности нужно определить основные параметры исследования: это наличие правовой базы, участие лица в общественно-политической работе через привлечение к членству в политических партиях и общественных организациях, участие в парламентской работе и выборах, привлечение к принятию политико-государственных решений и тому подобное. Переходя к рассмотрению женской активности в политике, стоит заметить, что основой для нее становится гендерная политика и гендерное равенство.

Принцип гендерного равенства рассматривается сегодня мировым сообществом, прежде всего как политический вопрос, который «требует значительного расширения сферы применения — не только в интересах женщин, но и в интересах мужчин и общества в целом» [1, с. 325]. Общество должно принять как аксиому, что женщины — активный субъект гражданского общества и государства, а не только объект государственной защиты. Именно это должно стать исходной позицией для формирования государственной гендерной политики.

Демократизация всех сфер жизнедеятельности современного общества невозможна без паритетного представительства женщин наравне с мужчинами в структурах политической власти, их активного участия в процессах принятия политических решений. В XX век произошел переворот в статусе женщин: они получили гражданские и политические права и возможности для самореализации. На сегодняшний день в Украине существует комплекс проблем по данному вопросу.

Конституция Украины, которая в свое время признана одной из самых демократичных, в статье 24 провозглашает равенство прав женщин и мужчин во всех сферах жизни [4, с. 10-11]. 8 сентября 2005 Верховной Радой Украины принят, а 1 октября подписан Президентом Украины Закон «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин». Но, так или иначе, сегодня Украина находится на переходном положении между странами с безусловным доминированием мужчин и странами с исключительно низким представительством женщин в парламенте. Хотя нужно учесть следующее обстоятельство: 51% электората Украины — это избиратели-женщины. У многих женщин политическая активность

началась довольно рано, часто в начале карьеры они играли главную роль в своих партиях, но большинство из них так и не стали руководителями своих политических структур.

Если говорить о представительстве женщин в парламенте, необходимо констатировать, что Украина с показателем 5,3% занимает предпоследнее место среди стран-членов Совета Европы. Меньше только в Турции — 4,4%. В странах с высоким уровнем представительства женщин в структурах власти (Финляндия — 39%, Норвегия — 35,8%, Швеция — 33,5%, Дания — 33%) лучше, чем где-либо, решаются проблемы экологии, образования, здравоохранения, социальной защиты, достигается согласие в общественном организме [9, с. 103]. При этом от женщин-политиков ожидают не только защиты социальных интересов населения, конструктивного и активного решения специфических женских проблем, но и другого, отличного от мужчин, стиля работы, способов решения проблем. Вместе с тем, чем выше должность — тем больше диспропорция в пользу мужчин.

Если принимать во внимание мировой фактор, то по критерию репрезентативности женщин в парламенте Украина среди других стран мира занимает 152 место [9, с. 103]. Ее опережают не только развитые мировые страны, но и соседние Венгрия, Польша, Словакия, Румыния, Россия, Туркменистан, а также Мозамбик, Уганда, Гамбия, Гана (причиной этого является то, что большинство мужчин в государствах Африки занято многолетними гражданскими войнами, поэтому власть сосредоточена в женских руках).

Возникает вопрос, почему такой низкий уровень представительства женщин в органах власти? Во-первых, ликвидация квоты 33% представительства женщин, которая существовала в советские годы (идеологическая политика бывшей КПСС была построена на принципе демагогии: формально она внедряла передовой опыт — принцип квотного представительства женщин в политических структурах власти). Во-вторых, в условиях большей свободы мнений и гласности в обыденном общении и с помощью средств массовой информации состоялся своеобразный «выброс» завуалированного ранее консервативно-патриархального стереотипа отношения к женщине, как к человеку второго сорта. В-третьих, наличие неразвитого самосознания и слабой организованности самих женщин [5, с. 381].

Конечно, отстраненность женщин от политики имеет много причин, влияющих на формирование низкой политической активности. К ним относятся: экономический фактор (озабоченность проблемами выживания в обстоятельствах, которые создали мужчины), культурно-психологические факторы (женщины более чувствительны к

требованиям общественных норм и установок, они больше обращают внимания на традицию, более покладисты и т.п.) и организационные факторы (еще недостаточно механизмов для направления инициативы и энергии женщин в общественное русло) [10, с. 29-30]. Господствует стереотип, согласно которому якобы традиционным для Украины является разделение труда на общественный — то есть мужской, и домашний — то есть женский, и убеждение, что эту «традицию» следует поддерживать и впредь.

В апреле 2004 г. в Украине было проведено социально-психологическое исследование общественного мнения относительно подоплеку политической и экономической активности в контексте государственного строительства и формирования гражданского общества. Женщины продемонстрировали отличающийся от мужчин рейтинг черт характера, которые мешают им в политике, экономике и т.д. Они указали следующие черты: инертность — 43%, неполноценность — 30,4%, неуверенность — 27,5%, национальную несознательность — 26,6%, безразличие — 23,2%, жадность — 16,9%, зависть — 14,5%, эгоизм — 14%, толерантность — 13% и непорядочность — 12,6% [14].

Нужно отметить, что большое количество женщин работает в структурах управления на руководящих должностях, но это преимущественно третье-четвертое звено государственного управления. В. Губань приводит следующую статистику участия женщин в управлении: среди государственных служащих 81,5% женщин и 18,5% мужчин [2, с. 29]. Дисбаланс мужских идей с женскими подходами к их реализации негативно отражается на эффективности решений в целом [8, с. 4].

Главными аргументами в пользу роста активности женщин в политике является то, что исключение женщин из политической сферы является показателем дефицита демократии в стране, а так же то, что женщины как группа имеют другой опыт и другие интересы, чем мужчины [12, с. 51]. В то время, как весомое представительство женщин в политике имеет целый ряд позитивных последствий: усиление конкуренции идей — необходимость серьезного обоснования решений, а так же более целенаправленного нахождения компромиссов и повышения качества управления. Согласно данным ООН, за 2000–2005 гг. лучшие показатели в области человеческого развития (куда входят: продолжительность жизни, доступ к информации, здравоохранение, система социального страхования) имеют страны, где традиционно высокий уровень представительства женщин в парламенте (в среднем в Скандинавских странах 39,7%) [13, с. 61].

Путь к политическому профессиональному успеху — это определение и преодоление барьеров или стереотипов в развитии карьеры женщины. Среди таких барьеров назовем: поведенческий (женщинам очень часто не хватает уверенности в своих силах и позитивного отношения к себе), ролевой (в обществе женщина, прежде всего, должна себя реализовывать в семейном кругу, а мужчина — выполнять общественные, политические функции, делать карьеру), культурно-социальный (при этом имеется ввиду представление о политике как «грязном», коррумпированом и «мужском» занятии, от участия в котором женщины сознательно отказываются по моральным соображениям), профессиональный (речь идет о стереотипах, сложившихся в украинском обществе, относительно тех сфер и профессий, которые воспринимаются как женские и мужские) и образовательный (в современном динамично растущем мире, особенно с наступлением информационной эры, профессиональные знания имеют тенденцию «стареть» в два раза быстрее, чем два десятилетия назад, поэтому важно постоянно повышать квалификацию) [6, с. 179—182]. Эти пять барьеров могут иметь место в отношении любой женской профессиональной деятельности, но в политической жизни, государственном управлении, и, в конце концов, и в оппозиционной деятельности, они особенно ощутимы.

Многие женщины не идут в политику из-за отсутствия или ограниченности доступа к финансовым ресурсам. Важным становится повышение квалификации и приобретения новой компетенции, формирование лидерских навыков.

Настоящей плюралистической демократии нельзя достичь до тех пор, пока женщины и мужчины не равны в представительстве и ответственности при принятии масштабных решений [7, с. 380]. Именно это и называется паритетной демократией, которая предполагает, что поскольку мужчины и женщины делают одинаковый вклад в развитие общества и государства, то они должны быть одинаково представлены и в управленческих, законотворческих структурах.

Среди основных тем современной социально-политической жизни — достижение равенства женщин и мужчин, что является не только требованием элементарной социальной справедливости, не только необходимой составляющей демократии, но и реализацией возможности приближения к цели устойчивого человеческого развития — организации общественных отношений на принципах справедливости, равного доступа к ресурсам, равноправного распределения национальных богатств [3, с. 69]. Преимущество привлечения женщин, учета их вклада, их мнения почувствует все

общество: ведь оно, наконец, сможет ориентировать все программы, которые должны способствовать развитию (включая охрану окружающей среды, здравоохранение, образование, рациональное использование природных ресурсов, распределение финансов и т.д.) на удовлетворение потребностей и учета приоритетов всех членов общества — как женщин, так и мужчин.

Несмотря на разговоры о демократии, никак нельзя констатировать факт демократизации мышления относительно общественного положения женщины в Украине. Другими словами, с одной стороны, наблюдается «сформированное» негативное отношение к месту и роли женщины в обществе, а с другой — отмечается низкая самооценка самих женщин в процессе самоопределения. В значительной степени такое положение вызвано тем, что наши женщины на протяжении нескольких поколений не допускались к принятию решений на всех уровнях власти. На современном этапе во многих сферах жизни украинских женщин существуют многочисленные проблемы экономического и правового уровня (низкий уровень, безработица, неуверенность в будущем и связанные с ними психологические особенности мировосприятия), т.е. фактически дискриминационные моменты, которые требуют решения на политическом, государственном уровне. Отстаивание женщинами своих политических прав и свобод — дело, как политических, так и общественных объединений. Рост женской активности в борьбе за социальные и политические права — залог успешного функционирования всего государства.

Список литературы:

1. Грицяк Н. Теоретичні засади гендерної політики / Н. Грицяк // Вісник Національної Академії Державного Управління. — 2001. — №4. — С. 297—303.
2. Губань В. Жінки ідуть в наступ: статистика / В. Губань // ПіК. — 2001. — №2. — С. 29.
3. Кобелянська Л. Стратегія врахування гендерних аспектів : підхід ООН / Л. Кобелянська // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України: за матеріалами міжнародного наукового семінару (НАУКМА, Київ, 7 жовтня 2005 року) / [за заг. ред. Я. Сверлюк, С. Оксамитної]. — К. : Аттіка, 2006. — С. 66—71.
4. Конституція України. — К. : Юрінком, 1996. — 80 с.
5. Лавріненко Н. Гендерний аспект структур влади / Н. Лавріненко // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття / [під ред. М.О. Шульги]. — К. : Ін-т соціології НАН України, 1999. — С. 380—396.

6. 6. Лазоренко О. Жіноча присутність в українській політиці: що заважає професійній політичній кар'єрі / О. Лазоренко // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України: за матеріалами міжнародного наукового семінару (НАУКМА, Київ, 7 жовтня 2005 року) / [за заг. ред. Я. Сверлюк, С. Оксамитної]. — К. : Аттіка, 2006. — С. 175—183.
7. Лакіза — Самук Н. Жіноче питання в контексті демократизації / Н. Лакіза — Самук // Політика і час. — 1994. — №17. — С. 36—39.
8. Маркосян О. Втеча від перспективи або знову про “ жіноче питання ” в політиці / О. Маркосян // День. — 2005. — 17 сер. (№ 148). — С. 4.
9. Плотян С. Законодавче забезпечення участі жінок у процесі прийняття рішень: європейський досвід для України / С. Плотян // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України: за матеріалами міжнародного наукового семінару (НАУКМА, Київ, 7 жовтня 2005 року) / [за заг. ред. Я. Сверлюк, С. Оксамитної]. — К. : Аттіка, 2006. — С. 90—105.
10. Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика: матеріали науково-практичної конференції / Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України / [відп. ред. І. М. Варзар]. — К. : Навч.-метод.каб.вищ.освіти М-ва освіти України, 1996. — 236 с.
11. Постригань Г.Ф. Опозиція та опозиційність в теоретичних співставленнях / Г.Ф. Постригань // Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика: матеріали науково-практичної конференції / Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України / [відп. ред. І.М. Варзар]. — К. : Навч.-метод.каб.вищ.освіти М-ва освіти України, 1996. — С. 172—176.
12. Rogg E. State mechanisms of women's political empowerment in Norway / E. Rogg // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України: за матеріалами міжнародного наукового семінару (НАУКМА, Київ, 7 жовтня 2005 року) / [за заг. ред. Я. Сверлюк, С. Оксамитної]. — К. : Аттіка, 2006. — С. 50—57.
13. Ehnberg M. Equal opportunities as means of democratic and economic development / M. Ehnberg // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України: за матеріалами міжнародного наукового семінару (НАУКМА, Київ, 7 жовтня 2005 року) / [за заг. ред. Я. Сверлюк, С. Оксамитної]. — К. : Аттіка, 2006. — С. 60—63.
14. Бебик В. Етнопсихологічне підґрунтя політичної активності українства (до постановки проблеми) [Електронний ресурс] / В. Бебик, О. Науменко, А. Шаблій // Персонал. — 2005. — №1. — С. 18—23. — Режим доступу до тексту: <http://www.personal.in.ua/article.php?id=175>.

СЕКЦИЯ 2.1.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Алексеенок Анна Алексеевна

к. соц. н., доцент ОРАГС, г. Орел

E-mail: alexaconst@rambler.ru

Бараночников Василий Андреевич

аспирант 1 курса ОРАГС, г. Орел

В настоящее время не существует однозначного толкования понятия «социальное самочувствие», как нет и его однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей. Полагаем, что важным в определении термина «социальное самочувствие» является указание на то, что это реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [3, с. 92]. Иначе говоря, акцент в большей степени смещается на субъективные показатели.

Существует некая норма, «стандарт» социального самочувствия, которая обеспечивает эмоционально-комфортное существование субъекта (нормальные условия жизни, работы и отдыха, безопасности и уверенности в будущем).

Нормальное социальное самочувствие, теоретически, с одной стороны, «обеспечивается» самим индивидом, с другой стороны, региональной властью, которая определяет параметры экономических, социальных, политических процессов в своем регионе [3, с. 94].

Ситуация кризиса, как, впрочем и любые события, меняющие привычный образ жизни людей, неизменно влечет ухудшение

социального самочувствия население, что в свою очередь вызывает повышение уровня социальной напряженности.

К понятию «социальная напряженность» также существует ряд подходов. Так, в зарубежной социологии доминирует традиция индивидуализации напряженности при анализе неблагоприятных социальных ситуаций. При этом наблюдается смещение акцента с социального на индивидуально-личностный уровень анализа данной проблемы.

В отечественной социологии понятие «социальная напряженность» рассматривается в рамках теории социальных изменений и имеет несколько интерпретаций, от «особого состояния общественной жизни», «уровня конфликтности», «социального феномена», до «объективной реальности». Общим для всех определений, независимо от подходов авторов, является постулат о наличии в обществе противоречий, конфликтов интересов, неудовлетворенности существующим положением и т.п., способных на определенном уровне привести к деструктивным изменениям, нарушить целостность социальной системы [1, с. 17].

Н.С. Данакин, рассматривает социальную напряженность как «такое состояние социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп и институтов, общества в целом. Данный процесс характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, а также сопровождается ростом недовольства, негативной психологической направленностью и нестабильностью социальных связей» [2, с. 29].

Целью нашего исследования является изучение социального самочувствия населения и социальной напряженности. Данный анализ проведен по результатам социологического исследования «Социально-экономическая и политическая ситуация в г.Орел» проводимого на кафедре социология и психология управления в мае-июне 2011 г. Общий объем выборки — 624 человека (при доверительной вероятности, равной 0,95, и предельной ошибке выборки, равной 4 %). Выборка квотно-гнездовая.

По результатам исследования можно сделать вывод, что социально-экономическая ситуация в регионе неоднозначная, а следовательно неоднозначно можно оценить и социальное самочувствие населения и уровень социальной напряженности. Это нашло отражение в распределении ответов респондентов на ряд вопросов.

Так на вопрос «Как Вы оцениваете изменение социально-экономической ситуации в г. Орле за последний год?» мы получили следующее распределение ответов

Таблица 1. Оценка населением изменения социально-экономической ситуации

Вариант ответа	Доля от числа опрошенных, %
ситуация изменилась в лучшую сторону	22,9
ситуация осталась без изменений	52,7
ситуация изменилась в худшую сторону	20,3
затрудняются ответить	4,1
всего	100,0

Как мы видим, лишь 22,9% населения говорят об улучшении социально-экономической ситуации в регионе. Если рассматривать сельскую местность, то там этот показатель еще ниже. Об улучшении социально-экономической ситуации здесь говорят лишь 7,7% опрошенных. Вариант ответа «ситуация осталась без изменений» нами пока не будет анализироваться, так как его можно интерпретировать как в положительную, так и в отрицательную сторону.

Для анализа социального самочувствия населения и социальной напряженности мы отобрали вопросы, касающиеся материального благосостояния: «Как Вы охарактеризуете Ваш уровень жизни, используя ниже перечисленные высказывания?», «Если сложить все доходы Вашей семьи и поделить на число ее членов, то сколько рублей примерно получится?», «Какой размер дохода на одного члена Вашей семьи в месяц требуется, чтобы, по Вашему мнению, жить вполне прилично?» Сопоставив между собой последние два вопроса, мы получили коэффициент материального благосостояния.

**Таблица 5. Средние значения располагаемых и желаемых
ежемесячных доходов на члена семьи в сопоставлении
с потребительским статусом в г. Орле**

Как Вы охарактеризуете Ваш уровень жизни, используя ниже перечисленные высказывания	Доля среди ответивших, %	Если сложить все доходы Вашей семьи и поделить на число ее членов, то сколько рублей примерно получится	Какой размер дохода на одного члена Вашей семьи в месяц требуется, чтобы, по Вашему мнению, жить вполне прилично	Коэффициент материального благополучия
живу в достатке, могу позволить себе купить дорогую вещь	7,2	19 606,06	30 882,35	1,6
живу вполне прилично, но крупные покупки вызывают затруднения	46,9	10 667,99	23 975,79	2,2
хватает только на предметы первой необходимости	32,4	7 201,29	16 011,59	2,2
едва свожу концы с концами, с трудом дотягиваю до зарплаты	8,7	6 793,02	17 644,44	2,6
живу в нищете, порой не хватает даже на еду	2,0	4 945,45	21 727,27	4,4
затрудняюсь ответить	2,7	7 566,67	14 633,33	1,9
всего	100,0	9 622,68	21 027,95	2,2

К сожалению, очень большой процент населения испытывает материальные затруднения — 43%. То есть средний класс, который

должен обеспечивать стабильность социальной ситуации — практически отсутствует, так как один из основных показателей принадлежности к данной стране — материальное благосостояние.

Из таблицы мы видим, что лишь 7,2% населения высоко оценивают свой материальный уровень. Средний показатель доходов на одного члена семьи у респондентов данной категории 19 000–20 000 рублей. Тем не менее, даже данная категория населения не является удовлетворенной своим материальным положением, так как хотят иметь доход на 11 000–12 000 больше. Но если мы посмотрим на графу «коэффициент материального благополучия», то мы увидим закономерное его распределение относительно уровня доходов населения.

Коэффициент материального благополучия — это отношение желаемого среднемесячного среднедушевого дохода к реально располагаемому. Он также отражает социальное самочувствие населения. Чем он выше, тем больше недовольно население своим материальным положением, и тем выше социальная напряженность. По таблице видно, что наиболее высок этот коэффициент у группы населения с доходом мене 5 000 рублей на человека (4,4). Он также высок у граждан с доходами менее 7 000 рублей (2,6) и относительно низок у населения с доходами 19 000–20 000 рублей (1,6).

Существует множество критериев социальной напряженности. Одним из таковых является отношение населения к правящей элите, то есть к власти. Здесь можно наблюдать прямо противоположную картину. Несмотря на то, что население говорит о плохой социально-экономической ситуации в регионе, они дают высокую оценку деятельности главных лидеров. Положительную оценку деятельности Президента Д.А. Медведева дают 77% респондентов. Еще выше респонденты оценивают деятельность Председателя Правительства В.В. Путина — 82,6%.

В завершении хотелось бы отметить, что социальное самочувствие и социальная напряженность не статичные категории. И результаты исследований разных периодов, разных типов поселений могут отличаться в той или иной степени. Для того, чтобы иметь четкое представление о социальном самочувствии, качестве жизни населения и социальной напряженности в регионе необходимы регулярные комплексные социологические исследования.

Список литературы:

1. Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа прогнозирования в регионах Российской Федерации: Автореф. дис. канд. социол. наук М, 2009. — 24 с.
2. Данакин, Н.С. Конфликты и технология их предупреждения — Белгород: БЦСТ, 2005.-315 с.
3. Дулина Н.В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти.// Материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». — Смоленск: «Универсум», 2009. — С. 89—95.

ПРОЦЕДУРЫ ИЗУЧЕНИЯ И ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Каира Юрий Владимирович

к. соц. н., доцент ОРАГС, г. Орел

E-mail: kaira_r@rambler.ru

Бобровский Олег Викторович

соискатель ОРАГС, г. Орел

Достижения научно-технического прогресса, развитие современных информационных технологии, средств связи и коммуникаций открыли новые пути более эффективного и целенаправленного изучения социальных процессов.

Одним из важнейших направлений в социологических исследованиях является изучение социальной безопасности. Данное исследование осуществляется с помощью специально разработанных программ, позволяющих производить с помощью интегрированных экспертных оценок сравнительный анализ реальных и нормативных социальных показателей.

Такие программы основаны на сопоставлении соответствующих показателей из реальной и нормативной баз данных и их попарного количественного и качественного сравнения. В некоторых случаях такое сравнение предваряют расчеты аналитических интегрированных показателей, которые впоследствии подлежат сопоставлению с нормативными критериями. По результатам диагностики осуществляется разделение всей социальной общности на отдельные

социальные группы, каждая из которых относится к определенному уровню социальной безопасности. В дальнейшем проводится углубленный диагностический анализ информации, характеризующей каждую из групп в отдельности. Цель такого исследования в дальнейшей дифференциации социальных общностей для выявления в них слоев и групп населения, которые характеризуются экстремальным отклонением реального значения того или иного показателя от допустимой нормы.

Еще одна важная процедура изучения и социальной диагностики — анализ динамического ряда социальных показателей с целью исследования тенденций развития социальных процессов в рамках определенного времени. Создание в системе мониторинга архива информационных баз данных позволяет определять динамику изменения социально-значимых показателей. А, следовательно, и оценивать основные тенденции изменения структурных характеристик объекта.

Остановимся более подробно на том, как осуществляется диагностический анализ по некоторым основным группам показателей мониторинга.

Так, диагностика социально-демографического потенциала населения осуществляется путем сопоставления таких социально-значимых показателей, как общие коэффициенты рождаемости и смертности, коэффициенты брачности и разводимости и т.д. Отрицательная динамика показателя естественного прироста населения, свидетельствующего о превышении смертности над рождаемостью или разводимости над брачностью, свидетельствует о социальном неблагополучии общества. Возрастание показателя уровня младенческой смертности, свидетельствует о неблагополучии не только общего состояния здравоохранения в регионе, но и здоровья населения в целом.

Диагностический анализ показателей численности детей-инвалидов в возрасте до 16 лет, служит для исследования уровня инвалидизации общества.

Еще одно направление социально-демографической диагностики состоит в сравнении реальных данных с пороговыми значениями основных показателей воспроизводства населения. Такие пороговые значения определяются экспертными оценками, полученными в результате регулярных опросов специалистов [1, с. 112].

Диагностика трудозанятости и безработицы населения региона осуществляется с помощью соотнесения показателей, отражающих

численность экономически активного населения, реально занятого во всех отраслях производства.

Для изучения такого негативного социального явления, как безработица, необходимо использовать динамический ряд, характеризующий общее число безработных или показатели уровня безработицы за определенный промежуток времени. Берутся во внимание и многие другие показатели, отражающие динамику замещения вакансий, высвобождения работников, процессы переквалификации кадров и т.д.

Наиболее полно и разнообразно может быть представлена диагностика социально-экономического потенциала населения. Для этого изучения используются следующие нормативные показатели: пороги бедности, нищеты, среднего достатка, обеспеченности.

Порог бедности определяется бюджетом прожиточного минимума (стоимостной оценкой набора прожиточного минимума включая расходы на налоги и другие обязательные платежи). Порогом нищеты признан доход семьи, при котором возможно лишь приобретение минимальной продовольственной корзины. Порог среднего достатка высчитывается как стоимостное выражение потребительской корзины из более широкого набора продуктов питания и расходов на приобретение непродовольственных товаров, услуг, удовлетворения культурно-духовных потребностей. Порог обеспеченности определяется умножением стоимостного выражения бюджета прожиточного минимума в несколько раз.

Рационально использовать относительные коэффициенты превышения показателей реальных доходов населения (среднедушевые денежные доходы, средний размер пенсии, среднемесячная заработная плата) над прожиточным минимумом. Высчитывается этот показатель как процент отношения разницы между показателем реальных доходов и прожиточным минимумом к прожиточному минимуму:

$$K = \frac{(\text{реал. доход} - \text{прож. минимум})}{\text{прож. минимум}} * 100\%$$

Такой относительный показатель наиболее точно позволяет оценить, как реальные доходы соотносятся с порогом бедности.

Аналогичным образом можно рассчитать и относительные коэффициенты, позволяющие оценить соотношение уровня реальных доходов и порогов нищеты, среднего достатка, обеспеченности. Для оценки уровня социальной дифференциации и материального неравенства населения осуществляется расчет соотношения доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (так называемый децильный коэффициент) [2, с. 27].

Еще одна важная процедура диагностического исследования — анализ социально-экономического статуса семей. Семьям со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума присваивается статус бедных, со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума в два и более раза — крайне бедных. Постоянно бедными считаются те семьи, где среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума сроком в течение года и более.

В настоящее время в изучении социальных процессов к сожалению, пока еще не нашли достаточно широкого распространения и применения методы математической статистики. В то время как социальная информация, собранная в системе мониторинга, способна давать исходный материал для глубокого и разностороннего автоматизированного анализа, моделирования и прогнозирования динамики социальных процессов. Последующая визуализация полученных результатов в форме табличных распределений, графиков и диаграмм позволяет наиболее четко увидеть изучаемый процесс.

Таким же образом решается задача и при прогнозировании социальных отношений и процессов. Информационно-прогнозная технология включает следующие методы математической статистики: исследование суммарных статистик, корреляционный, дисперсионный и регрессионный методы анализа. Поскольку методы математической статистики предполагают достаточно трудоемкие математические расчеты, формирование математических моделей, прогнозов и их графическую интерпретацию рекомендуется осуществлять на персональном компьютере с использованием статистических пакетов прикладных программ — таких, как Statgraphics, SPSS, STADIA [1, с 234].

Первый блок служит для определения показателей, подлежащих дальнейшему исследованию методами математической статистики. Отбор таких показателей осуществляется в соответствии с целью проводимого прогнозного исследования. Второй блок решает проблему выборки динамического ряда показателей из баз данных. В данном блоке формируется исходная информационная модель объекта исследования.

Третий блок нужен для анализа разброса данных с помощью расчета суммарных статистик для каждого показателя.

В четвертом блоке осуществляется разветвление технологического цикла в соответствии с результатами исследования математических статистик. Если имеется приблизительное равенство средней арифметической, моды и медианы, а асимметрия и эксцесс по

абсолютной величине не превышают 2, то исследование продолжается. Пятый блок применяется для исследования зависимостей между показателями с использованием методов корреляционного анализа — простого — для обнаружения связи между двумя переменными и канонического — для анализа многих переменных.

В шестом блоке осуществляется анализ результатов корреляционного анализа. Если связь между показателями значительна, то исследование продолжается. Связь между показателями значительна, если коэффициент корреляции по абсолютной величине больше или равен 0.5. Связь будет прямой при положительном коэффициенте корреляции и обратной — при отрицательном. В седьмом блоке на основе методов регрессионного анализа формируется математическая модель, и ее графический образ. В восьмом блоке проводится оценка построенной модели. Рассчитываются коэффициент детерминации, уровень значимости и критерий Фишера.

В девятом блоке осуществляется анализ подсчитанных в предыдущем блоке оценочных величин и если модель информационно валидна и значима, то исследования продолжают. Десятый блок необходим для выстраивания прогноза. Прогноз строится как проекция в будущее на основе сформированной математической модели. Причем прогнозный период не должен превышать четвертой части от размера динамического ряда наблюдений.

В одиннадцатом блоке осуществляется оценка достоверности прогноза. Для этого используются показатели относительной ошибки прогноза и среднеабсолютной процентной ошибки. Если точность прогноза хорошая, то осуществляется переход к двенадцатому блоку, в котором интерпретируются полученные результаты [4, с. 223].

В каждое исследование необходимо включать сравнение результатов прогнозирования за прошедший прогнозный период с полученными реальными данными. Если будет обнаружено большое отклонение исследуемого социального показателя от прогноза — то это значит, что необходимо провести дополнительное аналитическое исследование с привлечением экспертов с целью обнаружения и анализа факторов, оказавших столь сильное влияние на стабильность социальных процессов.

Список литературы:

1. Сухорослов О.В. Обучение современным технологиям обработки больших массивов данных на кластерных системах. — М. 2009. — 345 с.
2. Татарова Г.Г. Методология эмпирической социологии как предмет анализа//Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские

чения). Материалы Всероссийской научной конференции. Казань, 22—23 мая 2008 года. С. 26—40.

3. Татарова Г.Г. Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008, №27.
4. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 422 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТРАДИЦИЯХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Чанкова Елена Вадимовна

к. п.н., доцент РГСУ, г. Москва,

E-mail: chev3@yandex.ru

Нарастающая актуальность феномена коммуникативной компетентности не вызывает сомнений, что находит отражение в росте интереса к ее исследованию разными науками.

Задачей данной статьи является описание социологического взгляда на проблему коммуникативной компетентности личности, а также методологических оснований социологического изучения.

Суть вопроса заключается в постановке перед социологией как наукой задачи теоретического обобщения социолингвистических, психологических, педагогических, управленческих — т.е. всех гуманитарных разработок исследования феномена коммуникативной компетентности, что решается методологическими социологическими средствами.

Основанием для методологического анализа коммуникативной компетентности личности является, на наш взгляд, рассмотрение данного явления с позиции типов общественного развития. Так, индустриальное общество (по типологии Д. Белла) требовало от социального взаимодействия институциональности, статусно-ролевого подхода к организации коммуникации, что диктовалось спецификой организации производства как базовой основой функционирования индустриального типа общества. Таким образом, эффективность коммуникации достигалась за счет институциональной

коммуникативной компетентности личности, ее институциональной идентичности. В постиндустриальном (информационном) обществе (типология Д. Белла, О. Тоффлера, А. Турена и др.) мы можем наблюдать смещение ключевых факторов развития общества с материального производства на информационные технологии как базовую основу функционирования общества, что неизбежно влечет за собой изменения в механизмах социального взаимодействия. Размывание статусно-ролевых, институциональных оснований социального взаимодействия приводит объективно к становлению иного типа коммуникативной компетентности в информационном обществе — к рефлексивному, когда требуется осмысление предлагаемой ситуации коммуникации и выбор способа взаимодействия из концепции жизненного мира личности, т.е., от личности требуется поиск такой идентичности, которая соответствует ситуации коммуникации.

Таким образом, современное понимание коммуникативной компетентности личности связано с переходом общества на новый этап своего развития, что коррелирует со сменой парадигм в теоретической социологии. Т.е., средств классической социологической науки недостаточно для изучения феномена коммуникативной компетентности, требуется его изучение и из позиций социологии модерна и постмодерна, т.е. на мета-уровне.

Таким образом, сегодня востребован такой способ изучения коммуникативной компетентности, который интегрировал бы все технологические исследовательские подходы, выработанные гуманитарным знанием. И в таком понимании актуальным видится герменевтический подход, в частности, в трудах П. Рикера, который перевел герменевтику в онтологическую плоскость, разработав, своего рода, обобщенную концепцию человека XX века в феноменологической герменевтике, объединив и согласовав исследовательские возможности феноменологии, экзистенциализма, персонализма, психоанализа, герменевтики, структурализма, аналитической философии, философии жизни, моральной философии — всех главных направлений философской мысли XX столетия.

Понимание П. Рикером личности основано на деятельностном подходе — целостность, автономность, творческая сущность человека рассматриваются им как «повествовательная идентичность», благодаря которой осуществляется связь времен. Человеческая самость сохраняется, если она основана на временной структуре, соответствующей модели динамической идентичности, которую содержит в себе поэтика повествовательного текста, т.е., связывает

человека с самим собой, вписывает его в память и проецирует вперед. Таков механизм вписывания человека в целостный контекст культуры.

Идея модели динамической идентичности представляется перспективной для исследования коммуникативной компетентности личности — в условиях трансформирующегося состояния общества. В ситуации размывания институциональной идентичности человек сохраняет свою самость в социальных отношениях через обращение к своей концепции жизненного мира, не разрушая прежнюю идентичность, а проецируя ее в будущее.

Так в индустриальном обществе выявлены следующие механизмы организации коммуникативной компетентности личности:

- общественное разделение труда
- институциональность общества, структурирующая социальную систему
- статусно-ролевой институциональный набор личности
- наличие в организации личности структур, ответственных за формирование знаний, норм и ценностей коммуникации;
- подтверждение статусной идентичности посредством реализации статуса в ситуации коммуникации
- сохранение социальности посредством подтверждения статусной идентичности в ситуации коммуникации через реализацию социального статуса.

В основу институционального видения коммуникативной компетентности личности были положены следующие теоретические позиции:

- теория социальных фактов Э. Дюркгейма (социальный мир объективно существует)
- теории социального действия Т. Парсонса (личность рассматривается как актор в структурированной социальной системе; участники социальной жизни действуют согласованно благодаря общим пониманиям, что обеспечивается институциональными структурами и принятием единых социальных норм; коммуникативное действие мы рассматриваем как разновидность социального действия)
- теории диспозиций В.А. Ядова (личность рассматривается с одной стороны, как носитель статусно-ролевого набора, с другой стороны, как носитель диспозиций)
- понятия социальной установки У. Томаса и Ф. Знанецкого
- теории социальных коммуникаций: из модели В. Шрамма взята идея непрерывности процесса коммуникации, из модели Д. Берло — идея учета характеристик акторов.

Построение рефлексивной версии коммуникативной компетентности опирается на теории рефлексивной социологической парадигмы: теорию структуризации Э. Гидденса (в условиях меняющейся реальности усиливается процессы рефлексивности), теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса (концепция жизненного мира), теория структуралистского конструктивизма П. Бурдьё (габитус как механизм рефлексии социальной реальности), теория СМД-методологии Анисимова О.С., теории этнометодологии Г. Гарфинкеля (механизм активности личности в контексте конструирования меняющейся социальной действительности).

Социальными механизмами функционирования коммуникативной компетентности личности а постиндустриальном обществе являются:

- информационные технологии как определяющая идея общественного развития данного этапа;
- ситуативность, динамизм, дисперсия, размывание культурно-территориальной и институциональной идентичности — как базовые характеристики общества;
- предрасположенность к смене идентификаций личности как порождение динамичности социума;
- наличие в организации личности структур, ответственных за формирование знаний, норм и ценностей коммуникации;
- наличие в структуре личности концепции жизненного мира, благодаря функционированию которой знания, нормы и ценности коммуникации располагаются относительно друг друга в динамичном, постоянно изменяющемся порядке;
- рефлексивность как свойство личности, элемент концепции жизненного мира, переводящий институциональную, существующую в культуре норму коммуникации — в личностно значимую, отличающуюся от культурной, норму;
- построение на основе индивидуальной, личностно значимой нормы коммуникации, а также знаний и ценностей коммуникации — ситуации взаимодействия совместно с другими участниками — как способ идентификации друг с другом;
- сохранение социальности посредством построения индивидуальной идентичности в ситуации коммуникации через реализацию концепции жизненного мира всеми участниками коммуникации.

Таким образом, феноменологический герменевтический подход к исследованию коммуникативной компетентности в переходный период развития общества позволяет увидеть ресурсы, механизмы

формирования в человеке рефлексивной коммуникативной компетентности из институциональной.

Список литературы:

1. Рикер П. Герменевтика. Этика. Право. — М.: Гнозис, 2005. — 193 с.
2. Э. Дюркгейм О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996. — 113 с.
3. Т. Парсонс Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. — М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. — с. 462—525.
4. Э. Гидденс Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2005. — 214 с.
5. Ю. Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. — М.: Наука, 1992. — 176 с.

СЕКЦИЯ 2.2.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ЖЕНСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузнецова Ольга Игоревна

к. соц. н., доцент РГУТиС, г. Москва

E-mail: smith46@yandex.ru

Проблема занятости и безработицы стала одной из острейших социальных проблем, с которыми столкнулось человечество в последние десятилетия. Меняющаяся структура мировых рынков, финансовые и социальные кризисы придали ей новую окраску.

Безработица несет с собой не только бедность значительным слоям населения, но и духовную, моральную, нравственную деградацию людей. Поэтому решение проблемы занятости населения стоит в числе важнейших, первоочередных задач в любой цивилизованной стране. Наша страна, как и большинство стран с рыночной экономикой, столкнулась со все более обостряющейся проблемой занятости населения, решение которой требует как значительных практических усилий, так и глубоких теоретических проработок.

Очень серьезной проблемой современной экономики нашей страны является комплексное решение проблем рынка труда. Это функционирование рынка труда, миграция и решение очень острой на сегодняшний день проблемы «оттока» молодых квалифицированных специалистов за рубеж, социальная защищенность безработных граждан, соответствие выпускаемых вузами страны специалистов с потребностями рынка труда тех или иных регионов. «Как показывают социологические исследования, в числе безработных ныне в России оказываются в первую очередь неквалифицированные и малоквалифицированные работники, не готовые к переквалификации, работники нерентабельных, убыточных предприятий, «слабые» демографические группы населения. Молодежь, женщины, работники предпенсионного возраста составляют более 70% безработных и

более» [3, с. 62]. Но особенно специфичной проблемой, на наш взгляд, выступает проблема женской безработицы.

Безработица среди женщин — это разновидность безработицы, выделенная по гендерному признаку и обновленная совокупностью общих факторов, порождающих безработицу в условиях рыночной экономики, и факторов специфических, связанных с особенностями женской рабочей силы, положением женщин на рынке труда как маргинальной группы, по критерию конкурентоспособности. Яркое явление определилось в 90-х годах, когда реформирование экономики носило весьма неоднозначный характер. В тот период в одночасье закрывалось большинство фабрик и различных предприятий государственного сектора, где в основе своей использовался труд женского населения (это Ивановская, Московская, Владимирская области и многие др.) В сложившихся новых условиях экономики, многим женщинам приходится менять свой социальный и профессиональный статус. Новая структура занятости женского населения в общественной производстве, дискриминация в различных сферах (в том числе и в сфере трудовых отношений), совмещения функций работника и матери (а зачастую и главы семьи), сегодня делают женщин не слишком интересными кандидатами на рынке труда. В свою очередь, нестабильное развитие экономики, кризисы в различных областях и сферах общественно-политической и экономической жизни оказывают отрицательное влияние на социально-психологическое самочувствие женщин. Женская безработица — это не только вопросы материального статуса и пособия, но и проблема поиска своего места в жизни, проблема включения в другие структуры занятости, в иное качество жизни. В наши дни явление безработицы уже становится чем-то обычным, постепенно превращаясь в серьезную угрозу развитию нашему обществу. Именно поэтому данная проблема требует всестороннего изучения и анализа. Рассматривая особенности женской безработицы для начала хочется остановиться на гендерных аспектах данной проблемы: если сравнивать мужскую и женскую возможность трудоустроиться, то конечно выигрывает определенно первая. Как утверждают многие работодатели, мужчины гораздо реже берут больничный, они более мобильны и могут уделять работе значительно больше положенного времени. Некоторые с уверенностью говорят и о том, что психологическое состояние мужчины-работника гораздо стабильнее и вносит большую уверенность, чем состояние женщины. Но по своей природе женщина не склонна к поспешной смене жизненных установок, что в итоге делает ее более устойчивой в нравственных ориентациях по сравнению с мужчинами. В основе этого

явления лежит, так называемый, женский консерватизм, который по своей социальной сути — явление позитивное. Его цель, прежде всего, состоит в том, чтобы сохранить, отстоять от натиска среды обитания проверенные жизнью духовные ориентации и ценности, что в целом приводит к стабильности в обществе.

Парадоксально, что такие личностные качества, традиционно присущие женщинам, как ответственность, трудолюбие, умение мобилизоваться в нужный момент, интуиция, коммуникабельность, доброжелательность, добросовестность, способность доводить начатое дело до конца — все, что так необходимо для успешной трудовой деятельности и построения карьеры часто не учитывается работодателями. Да и не только работодатели — сами женщины нередко забывают про свои преимущества; иногда они в силу каких-то причин просто не могут раскрыться, не могут умело преподнести себя как классного специалиста на собеседовании при устройстве на работу.

Психологи отмечают, что женщины более болезненно реагируют на снижение своего социального статуса, в силу большой инертности поведения и высоких требований, предъявляемых к самим себе. Поэтому женщины, оставшиеся без работы и находящиеся в состоянии стресса, зачастую «загоняют» свои проблемы в болезнь. Избежать стресса в этой ситуации очень сложно. Вообще, стресс — это нормальное явление современной жизни. Но человек устроен таким образом, что способность адаптироваться к меняющимся условиям жизни все равно срабатывает. Так и в ситуации безработицы, имеются определенные правила поведения, соблюдая которые можно принять существующую ситуацию как способ расширить свои возможности и перейти в какое-то новое качество. Любой социальный психолог скажет, что если вы потеряли работу, не паникуйте, не принимайте поспешных решений, о которых в последствие можете пожалеть. Осмотритесь и попробуйте найти и извлечь максимум выгоды от этой ситуации. Возможно, вы получите блестящий шанс получить дополнительное образование, переквалифицироваться или вообще открыть собственное дело. И говоря о женской занятости — это уже имеет место. В крупных городах, благодаря программам, связанным с развитием малого и среднего бизнеса, женщины пробуют создать свое дело. Постепенно в этом секторе приобретают популярность создание частных детских садов, всевозможных ателье и т.п.

Государственная политика в сфере решения проблем женской безработицы практически полностью отсутствует. Данная проблема обозначена давно, но, к большому сожалению, определенного вектора направленности действий по улучшению ситуации просто нет,

отсутствуют механизмы решения. Государству гораздо проще маскировать и замалчивать эту проблему. Мало того, СМИ и ведущие политики в своих интервью открыто стараются поощрять перемещение трудоспособных женщин в сферу домашнего хозяйства. Но в нашей стране исторически сложилось так, что доля трудоспособных женщин, вовлеченных в сферу общественного производства, достаточно велика была всегда. Экономические условия наших дней диктуют нам необходимость определенных условий существования для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизнеобеспечения семьи. Для этого необходимы заработки как главы семьи, так и его супруги. Несоввершенство работы нашей социальной системы, а именно постоянное повышение услуг ЖКХ, платное медицинское обслуживание и образование заставляют женщину работать.

Если говорить о профессиональном составе занятых, то в наибольшей степени женщины работают в сфере государственного сектора экономики, а именно в образовании, медицине, социальных структурах, в страховании, на предприятиях текстильной и швейной промышленности (в тех регионах, где это еще не развалилось), в сфере торговли и страхования. Данные сектора не отличаются большими заработками, но по большей части они стабильны в отношении выплаты заработной платы. А для женщин это имеет большое значение.

Содержание женской безработицы тоже значительно отличается от мужской. Еще в 90-х годах исследователями были отмечены такие черты как массовость и долгосрочность. Относительно первого на сегодня можно сказать то, что открытой массовой женской безработицы у нас нет, она перешла в категорию «скрытой» со своей спецификой. Некоторым женщинам удобно работать неполный рабочий день, иметь гибкий график работы; зачастую они не заключают трудовые договора, что впоследствии приводит к невыплатам заработной платы или несоблюдению своих обязательств со стороны работодателей. А вот относительно долгосрочной безработицы практически ничего не изменилось. Работники службы занятости утверждают, что если после увольнения женщина не трудоустроивается в течение полугода, шансы найти подходящую вакансию резко снижаются. Также тяжело устроится женщине после декретного отпуска. Так или иначе, безработица может перейти в хроническую стадию. Попробуем выделить и рассмотреть ряд причин, которые влияют на хронический период женской безработицы:

- 1) Предпочтение и наиболее высокий спрос на мужскую рабочую силу.

Как было уже замечено, работодатели в своем выборе отдают предпочтение мужчинам, в силу объективных и субъективных причин;

Представителей сильного пола работодатели выбирают в 53% случаев, а женщин — в 47%, утверждают социологи Исследовательского центра портала SuperJob.ru, опросившие 2-5 февраля 2011 г. 500 менеджеров российских организаций и предприятий, ответственных за работу с персоналом [1].

2) Несоответствие спроса и предложения на рынке труда. Это извечная проблема отечественной экономики, о которой только стали открыто говорить в последнее время. Отсутствие налаженных связей между вузами и другими образовательными учреждениями и непосредственно работодателями и специалистами по изучению развития рынка труда приводят к тому, что годами на рынок «выбрасываются» ненужные специалисты. Доля численности женщин здесь достаточно велика. В частности это экономисты, бухгалтеры, маркетологи, специалисты PR и т.п. Парадокс, но! в большинстве своем женщины получают более престижное профессиональное образование, чем мужчины, а при этом являются менее конкурентоспособными. И, тем не менее, обладая достаточно высокой квалификацией, но при этом оставаясь длительное время без работы, большинство женщин теряет эту квалификацию, выпадают из активного рабочего ритма и современных рыночных условий, теряют веру в свои силы.

3) Разделение отечественного рынка труда на «мужские» и «женские» профессии, где прослеживается четкая иерархическая структура. Мало того, как показало время, «женские» профессии плохо «выживают» в условиях современной рыночной отечественной экономики. В силу данных обстоятельств, если женщина не имеет никакой поддержки, ей приходится либо переучиваться и переквалифицироваться, либо соглашаться на менее престижную работу. При этом ее социальный статус снижается. Женщина по природе своей более ответственна за семью и потомство, поэтому она озабочена будущим своих близких. В условиях экономических кризисов и нестабильности это очень актуально. В результате она наиболее подвержена психологическим стрессам и ее эмоциональное состояние более неустойчиво, чем у мужчин.

4) Причины семейно-бытового уровня. Это касается женщин, имеющих малолетних детей. Особенно остро в последние годы в стране встала проблема с детскими садами. Государство не может обеспечить необходимыми местами всех нуждающихся детей, поэтому матери просто вынуждены до школы воспитывать ребенка в домашних условиях. А обостренная криминогенная ситуация крупных

мегаполисов требует постоянного присмотра за детьми уже школьного возраста. Поэтому многие женщины нашего социально неблагополучного государства вынуждены делать выбор между карьерой, спокойствием и благополучием семьи. Часть из них именно по этим причинам не имеют возможности реализовываться профессионально.

Отдельно хотелось сказать о категории женщин, которых можно отнести к слабо защищенным в социальном плане. Это:

- 1) Многодетные матери
- 2) Матери-одиночки
- 3) Матери, воспитывающие детей инвалидов
- 4) Женщины предпенсионного возраста
- 5) Выпускницы вузов, средне специальных и профессиональных

образовательных учреждений, не имеющие опыта работы. Молодые женщины сталкиваются в этом отношении с более серьезными препятствиями, чем мужчины. Доля девушек, не трудоустроенных после окончания учебы, вдвое превышает аналогичный показатель для юношей.

6) Жены военнослужащих, которые в связи с частой сменой службы мужа и переездов теряют свою квалификацию.

Женская безработица в этих группах не уменьшается из-за неослабевающих кризисных процессов и из-за высокой конкуренции на рынке труда. В связи с этим, резко возрастают увольнения и увеличиваются отказы от приема на работу женщин с малолетними детьми, продолжают вытеснения женщин на менее оплачиваемые должности менее престижные рабочие места. Отсюда можно сделать вывод, почему возрастает приток женщин на неформальный рынок труда и криминальный сектор экономики. Неформальная занятость характеризуется отсутствием стабильности и перспектив профессионального и карьерного роста, зачастую низкими заработками, плохими условиями труда, иногда носит даже криминальный оттенок. Как следствие возникает проблема женской девиации, которая очень остро встала в нашем обществе. Решение проблем женского алкоголизма, наркомании, проституции и преступности отчасти кроется и в решении проблемы занятости этой категории. Ведь не секрет, что именно безработица является благотворной почвой для формирования и размножения различных видов антисоциального поведения.

По данным Международной Организации Труда безработица среди женщин в мире возросла с 6% в 2007 г. до 7% в 2009 г. — это несколько больше, чем рост безработицы среди мужчин (с 5,5% до 6,3%). Но вместе с тем, в отличие от стран ЕС и США, в России

безработица среди мужчин выше, чем среди женщин. Росстат утверждает, что среди безработных доля женщин в январе 2010 г. составила 44,9% [2]. Исследования специалистов по рынку труда показывают, что в большинстве своем женщин увольняют по сокращению численности штата, а мужчины увольняются по собственному желанию. Но, несмотря на все трудности по завоеванию отечественного рынка труда, постепенно начинает расти доля женщин в управленческом секторе экономики. В том числе в банковском секторе, в сфере государственного и муниципального управления и т.п. И все-таки, положение женщин на рынке труда в современных условиях является очень непростым. Характеризуется оно не только более низким материальным достатком (в большинстве случаев), но социально-психологическими особенностями нашей жизни. Решение проблем женской занятости и безработицы требует повышенного внимания, поскольку проводимые реформы в российском обществе (особенно показательны реформы социальной сферы, в частности образования и медицины), показывают что положение женщин резко ухудшилось, и они оказались наиболее уязвленной частью нашего общества.

Список литературы:

1. Данные Ведущего портала о кадровом менеджменте HRM.RU [электронный ресурс] — Режим доступа — URL <http://www.hrm.ru/db/hrm/9FF3243420F6FDDCC3257705006F160C/category.html>
2. Малыхин М. газета «Ведомости». // МОТ: женщины на рынке труда активнее мужчин. 2010 Интернет-издание Института Проблем Предпринимательства. [электронный ресурс] — Режим доступа URL: <http://www.ippnou.ru/lenta.php?idarticle=008112>
3. Павленок П.Д. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: учебное пособие — М.: Инфра — М, 2009. — 62 с.

СЕКЦИЯ 2.3.

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЕМ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Барз Анастасия Олеговна

*научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков,
ФБУН «Федеральный научный центр медико-профилактических
технологий управления рисками здоровью населения», г. Пермь*

Рязанова Екатерина Александровна

*лаборант-исследователь лаборатории методов анализа социальных
рисков, ФБУН «Федеральный научный центр медико-
профилактических технологий управления рисками здоровью
населения», г. Пермь*

E-mail: ryazanova@fcrisk.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект
11-16-59003a/У.*

Опыт стран с развитой рыночной экономикой доказывает, что уровень социально-экономического развития напрямую зависит от человеческого фактора, а инвестиции в человеческий потенциал, именно в те сферы, которые определяют его качество (образование, здравоохранение, культура и пр.), являются наиболее эффективными по сравнению с другими направлениями деятельности.

Критерием оценки качества человеческого потенциала выступает интегральный показатель — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (Human development index, HDI) [8], рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов.

При методике расчета ИРЧП учитываются 3 вида основных показателей [4]: а) достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС); б) доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием; в) здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

В мировом рейтинге ИРЧП, опубликованном в докладе ПРООН в 2010 г. [8], где страны классифицируются по 4 группам (с очень высоким уровнем ИРЧП, с высоким уровнем ИРЧП, со средним уровнем ИРЧП, с низким уровнем ИРЧП), Россия с ИРЧП 0,719 занимает 65-е место из 169 стран, попав во вторую категорию. Данное положение нашей страны в мировом рейтинге обусловлено низкой средней продолжительностью жизни населения, которая на 2010 г. составила 68,98 года, что на 11 лет меньше в сравнении с развитыми странами Европы (79,9 лет в 2010 г.). При этом в России наблюдается один из самых больших гендерных разрывов в показателе ожидаемой продолжительности жизни при рождении — (11,9 лет в 2010 г.), на фоне которого обостряется проблема избыточной сверхсмертности мужского населения в трудоспособном возрасте. Так, показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2009 г. у мужчин составил 62,77, у женщин — 74,67 года [1]. Интересен тот факт, что продолжительность жизни мужского населения страны за последние десятилетия ни разу не приближалась к уровню 1964 г. в 65 лет. Усиление гендерной асимметрии — превышение мужской смертности над женской, в той или иной мере, характерно для всех экономически развитых стран, однако, в среднем данный показатель не превышает порога в 6-7 лет. Помимо избыточной сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте наблюдается высокая смертность мужского населения в возрастном интервале от 15 до 30 лет, которая в 3,5 раза превышает смертность женского населения той же возрастной когорты [3].

Одним из ведущих факторов высокой сверхсмертности населения и низкой ожидаемой продолжительности жизни в России, по мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, является алкогольная девиация. Эксперты отмечают, что чрезмерное употребление алкоголя является доминирующей причиной 30% всех смертей у мужчин и 17% у женщин [2].

Среди основных причин высокой преждевременной смертности и снижения продолжительности жизни населения страны наибольший

удельный вес имеют болезни системы кровообращения — 56,1%, на втором месте — злокачественные новообразования (24,4%) и третью по значимости группу составляют внешние причины смертности — самоубийства, убийства, дорожно-транспортные происшествия, отравления алкоголем и его суррогатами (10,2%) [7]. Следует отметить, что Россия занимает первое место в мире по показателям дорожно-транспортного травматизма со смертельным исходом, причем в сравнении со странами Европейского союза данный показатель превышен в 2,5 раза. Так, по официальным данным ГИБДД, только в 2010 г. 11, 85 тыс. смертей зафиксировано по причине дорожно-транспортных происшествий, причем из них более 60% смертельно травмированных в ДТП погибают с завышенными показателями содержания алкоголя в крови [6].

Проводившиеся за рубежом научные исследования доказывают, что вероятность дорожно-транспортных происшествий возрастает в зависимости от количества употребляемого водителем алкоголя. Так, по данным исследования Grand Rapids study [9], проводившегося в штате Мичиган (США), в 1964 г., водители, употреблявшие алкоголь перед рейсом, значительно чаще попадали в дорожно-транспортные происшествия, в отличие от водителей с нулевым содержанием алкоголя в крови, причем риск аварии увеличивался в зависимости от количества алкоголя. Результаты данного исследования оказали огромное влияние на установку допустимых пределов содержания алкоголя в крови до 0,08 г/дл (грамм на децилитр) во многих странах. К примеру, в Австралии в 1981 г. было установлено, что при уровне содержания алкоголя в крови (УСАК) равном 0,05 г/дл вероятность аварии возрастает в 1,83 раза по сравнению с нулевым УСАК [11].

Особый интерес представляет связь потребления алкоголя и социально обусловленных видов смертности, таких как самоубийства и убийства.

Известно, что уровень и динамика самоубийств является значимым показателем, маркирующим социальное, психологическое и экономическое благополучие населения страны. По уровню самоубийств Россия в последние годы стабильно занимает 2-е место среди более 200 стран. Частота самоубийств в 2008 г. в стране составляла 27,1 случаев на 100 тыс. чел., что в 2,7 раза выше, чем в странах Европейского союза [2]. Согласно выводам Всемирной организации здравоохранения превышение порога 20 случаев самоубийств на 100 тысяч населения указывает на чрезвычайную ситуацию в обществе.

В настоящее время научно доказано, что высокий уровень

алкоголизации является существенным фактором суицидальной активности населения. Современные исследования показывают, что 60% людей, совершавших попытки самоубийства, регулярно употребляли алкоголь, причем на момент смерти 25% самоубийц находились в состоянии алкогольной интоксикации [10].

Высокий уровень криминогенности в стране в большинстве случаев детерминирован вкладом злоупотребления алкоголем населения. Ежегодно в состоянии алкогольного опьянения в России совершается около 65% убийств (или покушений на убийство) и 71% случаев причинения вреда здоровью различной степени тяжести [5].

Не менее значимый вклад в алкогольную сверхсмертность населения вносят отравления алкогольными суррогатами. В общей структуре смертности данная группа причин стабильно занимает второе место, на их долю приходится 11% всех смертей. Важно, что смертность от случайных отравлений алкоголем в основном регистрируется у мужчин трудоспособного возраста. Наибольшее число смертельных отравлений алкоголем происходит в возрастном интервале от 45 до 59 лет, что составляет 51% от общего числа погибших от данной причины смерти [2].

Таким образом, можно утверждать, что злоупотребление алкоголем является ведущим фактором высоких медико-социальных, демографических, а также экономических потерь в России, что обуславливает необходимость разработки и реализации комплексной системы мер, направленных на снижение распространенности алкогольной девиации.

Список литературы:

1. Естественное движение населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/> (дата обращения: 22.08.2011).
2. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия: Доклад общественной палаты РФ от 13 мая 2009 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alnepey.ru/kantry/aldoklad.html> (дата обращения: 12.08.2011).
3. Зубаревич Н.В. Социальный атлас регионов Российской Федерации. Исследования института социальной политики // Официальный сайт Независимого института социальной политики. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.socpol.ru/portraits/hant_ao.shtml (дата обращения: 16.08.2011).

4. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. // Экспертная площадка открытого обсуждения Концепции развития здравоохранения до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdravo2020.ru/> (дата обращения: 22.09.2010).
5. Сидоренко Э. Назначения наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения // Законность. 2006. №11. С. 9—11.
6. Статистика аварийности за 2010 год. // Официальный сайт ГИБДД МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/news/672> (дата обращения: 22.08.2011).
7. Тезисы доклада Министра Татьяны Голиковой на Всероссийском форуме медицинских работников // Официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/health/modernization/19> (дата обращения, 26.08.2011).
8. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010 / Фонд ООН в области народонаселения. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/chapters/ru/> (дата обращения: 16.08.2011).
9. Compton R.P., Blomberg R.D., Moskowitz H., Burns M., Peck R.C. & Fiorentino D. Crash risk of alcohol impaired driving // Proceedings of the sixteenth International Conference on Alcohol, Drugs and Traffic Safety ICADTS. Montreal, 2002. P. 39—44.
10. Hirschfeld R.M. The clinical course of panic disorder and agoraphobia / G.D. Burrows, S.M. Roth, & R. Noyes, Jr. (Eds.) // *Hand-book of anxiety*. Oxford: Elsevier, 1992. Vol. 5. P. 3—8.
11. McLean A.J., Holubowycz O.T. Alcohol and the risk of accident involvement // *Alcohol, drugs and traffic safety: Proceedings of the 8 th International Conference on Alcohol, Drugs and Traffic Safety (Stockholm, 15-19 June 1980)* / L. Goldberg. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1981. P. 113—123.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ СОТРУДНИКОВ УВД И МЧС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ

Копылов Андрей Александрович

*соискатель кафедры теоретической и прикладной социологии
ТГУ им. Г.П. Державина, г. Тамбов
E-mail: kisanya@mail.ru*

Понятие «ценность» находится в самом центре научной дискуссии на протяжении многих десятилетий. Интенсивность научных публикаций свидетельствует о том, что ценностям и их роли придается очень большое значение. Теория ценностей является самостоятельной областью современного научного знания, которая наиболее активно развивалась на протяжении двадцатого столетия усилиями философов, социологов, психологов. В отечественной социологии проблема принятия личностью ценностей различных социальных групп также активно разрабатывалась в работах ряда авторов, среди которых можно выделить, прежде всего, исследования В.Я. Ядова, И.С. Кона, Н.И. Лапина, С.Г. Климовой, В.П. Вардомацкого и др.

Таким образом, особенное значение в контексте формирования духовной парадигмы общественной стабильности принадлежит формированию системы ценностей. При этом роль ценностей заключается в том, что после освоения они становятся стандартом или критерием, определяющим дальнейшую деятельность человека, организации. Ценности определяют не только цели, которые ставит перед собой индивид или организация, но и средства достижения этих целей.

Исследования проблемы ценностей, проводившиеся в нашей стране и за рубежом, показали, что ценностные ориентации являются важнейшими компонентами структуры личности. Наряду с другими социально-психологическими образованиями они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности. Система ценностей отдельной личности или социальной группы зависит от возрастных, половых и психологических особенностей, социального, экономического, политического, профессионального, национального, этнического статуса.

В зарубежной и отечественной науке нет единого представления о сущности ценностных ориентаций. Зарубежные исследователи в большинстве случаев рассматривают ценностные ориентации как установки сознания индивида относительно некоторой социальной ценности (Ф. Знанецкий, М. Рокич, Т. Парсонс, Г. Парсонс, У. Томас и др.).

В отечественной науке выделяется три направления в рассмотрении ценностных ориентаций: как направленность личности на ценности (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Е.И. Головаха, А.Г. Ковалев и др.); как высший уровень фиксированных установок личности (А.Г. Здравомыслов, Ш.А. Надирашвили, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов и др.); как доминирующее отношение к объектам окружающей среды на основе их личностной значимости (А.А. Бодалев, Б.С. Братусь, Е.И. Исаев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, В.И. Слободчиков и др.).

Так, российский психолог Д.А. Леонтьев понимает под ценностными ориентациями «отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [2, с. 15—25]. Немаловажное значение в рамках нашего исследования имеет позиция отечественного социолога В.А. Ядова. Он рассматривает ценностные ориентации как «разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения и приобретающие функцию важнейших регуляторов социального поведения» [3, с. 352]. При этом источником социальных ценностей ученый считает «идеалы и непреложные нормативные требования, предъявляемые к людям как членам социальных общностей». Автор выделяет мотивационную активность личности как движущий фактор, способствующих повышению жизненной активности личности, сосредотачивающий в себе систему ценностных ориентаций и определяющий содержательную сторону направлений личности и составляющую основу ее мировоззрений. Направленность личности, обусловленная ценностными ориентациями, проявляется в свою очередь непосредственно в деятельности индивида.

Обобщив данные подходы, мы можем опираться на следующее определение ценностных ориентаций: представления субъекта о совершенстве в различных сферах общественной и личной жизни, выступающие в качестве политических, моральных, эстетических и других оснований оценок субъектом — индивидом или группой — окружающей действительности и ориентации в ней, а также дифференциации объектов по их значимости. Ценностные ориентации, с одной стороны, выражают внутреннюю основу отношений субъекта к

действительности, а с другой, образуют содержательную сторону направленности личностной или групповой активности [4, с. 68].

В работе «Потребности. Интересы. Ценности» А.Г. Здравомыслов наделил ценности относительной самостоятельностью, считая, что «деятельность, определяемая потребностью, никак не может быть свободной, создающей новые ценности» [1, с. 163]. Ценностные ориентации являются важнейшими элементами внутренней структуры личности. Совокупности устоявшихся ценностных ориентации образуют ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преобладание определенного типа поведения, деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков, личности, и не только личности, но и широких масс, влекущих общественную систему к тому или иному будущему.

Важно отметить, что ценностные ориентации подвержены изменениям под влиянием личностного выбора, как и любые другие. Психолог М.С. Яницкий справедливо замечает: «Система ценностей человека изменчива, так как в значительной степени обусловлена как меняющейся социальной средой, так и актуальным уровнем развития личности» [5, с. 132]. Таким образом, система ценностных ориентаций человека, хоть и является относительно устойчивой, но обладает определенной динамикой.

Классификация ценностей по разным основаниям диалектична, т. е. она не является жесткой и неподвижной. Во-первых, с изменением условий ценности могут переходить из одного вида, из одного ряда значимости в другие. Во-вторых, с развитием общества могут возникать новые ценности, и наоборот, утрачивают значимость или вообще уходят в небытие прежние ценности. В-третьих, ценности находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом не только в рамках какого-либо вида, но и между видами, в группах и между группами. Наконец, в каждом из видов ценностей, в свою очередь, следует различать множество разновидностей. Например, в группе духовных ценностей можно четко выделить моральные ценности, эстетические, познавательные (гносеологические) и др.

На наш взгляд, ценностное ядро можно охарактеризовать как доминирующую в общественном сознании группу ценностей, которые интегрируют социальную общность в целое. К ним относятся ценности, одобряемые более чем половины профессиональной группы. Структурный резерв находится между доминированием и оппозицией. Здесь наиболее интенсивно проявляются ценностные конфликты между

индивидами и социально-профессиональными группами, внутриличностные конфликты, так как особенностью человеческого сознания является то, что в нем могут существовать и уживаться несколько противоположных ценностей.

При этом проведенный теоретико-методологический анализ сложившихся концептуальных подходов позволяет сделать вывод о том, что по-прежнему остается неопределенным процесс формирования профессиональных ценностных ориентаций, ценностного отношения профессиональных групп. Требуется разработка методов согласования личностных и профессиональных ценностей личности.

В последние годы, важное значение приобретает и формирование жизненной стратегии и ценностных ориентаций сотрудников силовых структур, приоритетным направлением которой является опора на духовно-нравственное развитие личности. Особенности правоохранительной службы в органах внутренних дел и органов обеспечения безопасности (МЧС) оказывают непосредственное влияние на формирование системы ценностных ориентаций сотрудников. Несомненно, то, что процесс формирования ценностных ориентаций сотрудников структурных силовых подразделений должна быть изначально взаимосвязанной, скоординированной с социально-политической реформой в органах внутренних дел, с преобразованиями в сфере государственной службы в целом.

Таким образом, создание современной эффективной системы ценностных ориентаций специалистов органов внутренних дел и МЧС остается одной из ключевых проблем, решение которой потребует проявления воли, правовых и организационных преобразований и ресурсного обеспечения. Координационное переустройство Российской правоохранительной системы должно проводиться с учетом отечественного и зарубежного опыта модернизации государственного аппарата. При этом должны приниматься во внимание особенности национальной культуры, исторических традиций, современного состояния и положения дел в России.

Механизм формирования системы ценностных ориентаций сотрудников ОВД и МЧС может быть реализован на самых разных уровнях (на уровне государства, общественных и религиозных институтов, семьи и личности) и основывается на последовательности стадий социальной регуляции от установления норм и эталонов поведения, определения системы ценностей и идеалов, к которым следует стремиться до исправления социальных отклонений, аномалий в профессиональной среде.

Список литературы:

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М., 1986. — С. 163.
2. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. — 1996. — №4. — С. 15-25.
3. Российская социологическая энциклопедия /Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. — М., 1998. — С. 352.
4. Социальная психология. Словарь /Под ред. М.Ю. Кондратьева. // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах (ред.-сост. Л.А. Карпенко, под общ. ред. А.В. Петровского). — М., 2005. — С. 68.
5. Яницкий М.С. Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности. Дисс. д-ра психол. наук. - Новосибирск. 2000. — С. 132.

СЕКЦИЯ 2.4.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОЙ ОБЫДЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ (Пермь в «Живом журнале»)

Дюкин Сергей Габдульсаматович

*к. филос.н., доцент, кафедра культурологии, Пермский
государственный институт искусства и культуры, г. Пермь*

E-mail: dudas75@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Образ Пермского края в интернет-блогах», проект № 10-03-82301 а

В современной коммуникативной традиции формируются новые средства и технологии презентации. Одним из таких средств постепенно, но неуклонно становится критическое осмысление культурного ландшафта во всей его полноте. Подобная тематика размещается на разных коммуникативных площадках. Однако, все более важная роль среди таковых отводится блогосфере и социальным сайтам в Интернете. Данная тенденция объясняется, во-первых, теми возможностями, которые предоставляет современному субъекту коммуникации площадка всемирной сети, во-вторых, тем, что блогосфера создает новый тип дискурса, в равной мере доступный как ориентированным на обыденную, так и на публицистическую, и даже на научную рефлексиию.

Обретение столь важной роли ограниченным культурным пространством как, например, регион, продиктовано следующим фактором. Критикуя региональное содержание, субъект сетевой коммуникации в равной степени реализует свои личные наблюдения (регион дает возможность для индивидуальных наблюдений) и социальную вовлеченность, так как к судьбе региона приковано внимание большого числа коммуникаторов и реципиентов.

Критическая установка в отношении региональной сущности предопределяется социальными функциями блогосферы, важнейшей

среди которых является самоутверждение. История и культура региона, местные реалии становятся тем *Другим*, на фоне которого должны проявиться личностные качества авторов. Немаловажной в проявлении критического посыла является симуляция вертикальной социальной мобильности. По замечанию Н. Элиаса, представителям низких социальных слоев почти невозможно проявить личную инициативу и изменить свой социальный статус, кроме как через асоциальную деятельность [7, с. 83—84]. В данном случае асоциальная деятельность сублимируется через приписывание негативных черт «ближнему» социуму. Авторы блогов симулируют повышение собственного положения в обществе, занижая значение общепризнанных фактов.

В аспекте региональной рефлексии выделяется рационализированная критика и критика, апеллирующая к трансцендентному. В случае с Пермским краем, который выступает устойчивым объектом рефлексии в силу явного характера имиджевой политики, проводимой региональными властями, мы видим, каким образом сосуществуют два указанных направления.

Рационализированный критический дискурс складывается вокруг «импорта культуры». Имеется в виду активная деятельность московских культур-трегеров в Перми, их значительная роль в осуществлении культурной политики. Данная деятельность сталкивается с активным сопротивлением части пермской интеллигенции, транслирующей свою позицию в обыденный дискурс. В блогосфере публицистическая и повседневная рефлексия органично соединяются. «Мне неприятно, что кто-то кричит обо мне (о моем городе), что я самый крутой и культурный чуть ли не во всей Европе. Я знаю свои недостатки, недостатки своего города. И хорошо понимаю, что это не так. Конечно, я бы хотел, что бы эти крики специально нанятых людей были правдой. Но это не правда. И мне стыдно» [3]. Таким образом, формулирует свое негативное отношение к «чужакам» один из блоггеров. В данном случае автор явно осознает, что служит причиной его дискомфорта. При этом, не пытаясь драматизировать ситуацию, он все же приписывает *выходцам из вне* трансцендентные, мифологизированные черты.

На фоне критики культурной политики претензии в адрес сферы торговли и услуг выглядят более приземленными и редуцированными от трансцендентной реальности. Однако, в случае с приписыванием тех или иных качеств региону происходит семиотическое смещение. Иначе говоря, на основе единичных маркеров, имеющих профанную природу, авторы выходят на широкие обобщения, используя коннотативные приемы. Например, один из блоггеров делится информацией о

нарушении законодательства одной торговой сетью. «Добрыня» продолжает продавать огурцы и помидоры из стран Евросоюза. И это несмотря на жёсткое распоряжение убрать с прилавков овощи из Евросоюза» [4]. Частный случай становится основанием для приписывания негативных черт городу и региону. Вывод: Пермь — город, в котором нарушаются права потребителей, не соблюдаются законы и т.д. Именно в такой логический ряд выстраиваются комментарии вокруг поста о нарушениях в данной торговой сети. В рассматриваемом нами сегменте блогосферы выстраивается целый мини-дискурс, основанный на подобных фактах, с помощью которых на основании коннотативной связи создается негативный образ Перми и Пермского края. Основаниями для приписывания негативных всеобъемлющих мифологических свойств региону становятся грязь на улицах и во дворах, наличие «долгостроев», задержка с подключением жилого фонда к теплоподаче и т.д.

Важное место в этом ряду занимают факты, связанные с катастрофами и чрезвычайными происшествиями. К таковым можно отнести авиакатастрофу 2008 года, пожар в ночном клубе «Хромая лошадь» в 2009 году, автобус, пронесшийся по одной из главных улиц города из-за отказавшей тормозной системы, ограбление инкассатора сбербанка и т.д. Данные события принципиально не рассматриваются блоггерами в качестве частных фактов, будучи интерпретированными как проявления потаенной в трансцендентальной сфере негативной сущности региона. Характерен комментарий, данный по поводу крушения под Пермью военного самолета: «Карма у Пермского края такая» [6]. Обобщение, сделанное блоггером, имеет явно мифологический характер: ассоциации превращаются автором в причинно-следственные связи, а последние, в свою очередь, подвергаются профанному синтезу, придавая законченный смысл территории. Таким же образом рассматривается криминальный фон Прикамья, которое по этому показателю занимает одно из первых мест в России. Из данной сферы во многом устраняются проблемы, связанные с работой органов власти, ответственных за решение подобных проблем. Возможность рационализации данной тематики редуцируется из данной сферы полностью, так как потребление и продуцирование новостей о катастрофах обусловлено подсознанием человека. «Благодаря ориентации на негативное массмедиа вырабатывают в обществе беспокойство, а тем самым — способность приспособления» [1, с. 46]. Подобная установка переносится из привычных СМИ в виртуальную сферу за счет того, что блоггеры

воспроизводят содержательное наполнение массовой коммуникативной сферы.

Асоциальность пермской действительности подобным образом возникает в блогосфере в своей метафизической форме. Негативные социальные явления не поддаются анализу, авторам, как правило, не интересны причинно-следственные связи, возникающие в данной сфере. Достаточно типичен следующий фрагмент поста: «В Перми есть улица Туринская. К Турину она отношения не имеет, ибо названа в честь Туры. На этой улице уже давно нет ни одного дома... Раньше на этой улице стояли бараки, а с 1981 года не стоит ничего. Только курят младшеклассники, промышленяющие добычей кожаных сумок и инкрустированных коммуникаторов у незадачливых барышень» [5]. Посредством данного поста, достаточно типичного в рамках заявленного дискурса, транслируется представление о негативных социальных явлениях в Перми как ее экзистенциальной, потаенной сущности, имеющей магическую, трансцендентную природу. Привычными эпитетами при описании городской реальности становятся лексемы: *пустой, брошенный, выпавший*. Экзистенциальный провал, приписываемый Прикамью, распространяется на все сферы регионального бытия.

Мифологизация отрицательных фактов пермской жизни способствует формированию всецело негативного образа территории, не поддающегося коррекции и рациональному преобразованию. В конечном счете, данный образ формулируется следующим образом: «Пермь — город смерти» [4]. Данному тезису предшествует обсуждение строительного происшествия (образование трещины в стене крупного торгового центра с последующим закрытием комплекса на ремонт), не повлекшего за собой ни смертей, ни увечий, ни паники. Мы видим, как гиперболизированная критическая установка порождает устойчивую мифологему, приобретающую характер символического содержания региона и его центра. Возникает замкнутый круг. Авторы блогов, тексты которых имплицитно нацелены на попытку исправления ситуации, реанимируют сложившееся у них порой иррациональное представление о регионе, способствуя формированию нового имиджа территории на основе негативных социальных и природных факторов.

Возможен иной вариант того же вывода: «по моему мнению, город, если все оставить как есть — тихо угаснет» [2]. В данном высказывании сочетаются как рациональная, так и метафизическая критика пермских реалий. С одной стороны, автор таким образом подытоживает свои рассуждения о негативной миграционной тенденции (в убыли пермского населения немалую роль играет переезд

населения за пределы города и региона), с другой стороны, автор argioi стоит на позиции неприемлемости данности пермских реалий. Город и регион воспринимаются как объект преобразовательной деятельности в силу своей ущербности и культурной не востребуемости. Однако, методом коннотации авторами высказываются серьезные сомнения в возможности данных преобразований.

Список литературы:

1. Больц Н. Алфавит медиа. М.: Европа, 2011.
2. Гельман М. Русская национальная сказка. // Живой журнал. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://maratguelman.livejournal>
3. Живой Журнал // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ruakimovmihail.livejournal.comskip=10>
4. Максим г. Пермь. Пермь - город смерти // Живой журнал. [электронный ресурс]— Режим доступа. — URL: <http://maksim-perm.livejournal.comtagперм%20-%20город%20смерти>
5. Пермяков А. Антропоморфный артефакт // Живой журнал. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://grizzlins.livejournal>
6. Чиркунов О. Падение самолета // Живой журнал. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://chirkunov.livejournal.com/377972.html#comments>
7. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001.

СЕКЦИЯ 3.1.

ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ИГРА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Загороднева Юлия Александровна

аспирантка СГТУ г. Саратова

E-mail: milenakc@yandex.ru

Игра как особый культурно-исторический феномен сопровождает человеческое общество на всем пути его становления и развития, с древнейших времен и до наших дней, являясь важной частью жизни, как отдельного человека, так и человечества.

Появившись на заре развития человеческого общества, игра прошла вместе с ним длинный и сложный путь эволюции, отражая разнообразие глубинные потребности человека в своих многочисленных видах, формах, специфике предназначения. Древние языческие обряды славян и германцев, боевые танцы кельтских племен, элевсинские мистерии Древней Греции, средневековые вертепы, балаганы, народные гуляния, театрализованные представления эпохи Возрождения, спортивные, деловые и азартные игры современности, сюжетно-ролевые игры детей — все это — игра во всем ее неисчерпаемом разнообразии и великолепии.

Ни в одну эпоху, ни в одной цивилизации роль игры не ограничивалась лишь забавой, приятным времяпрепровождением. Ее роль всегда была значительно шире и сложнее. Игра отражала сложные психологические потребности в познании окружающего мира, в его понимании, умении предвидеть ситуации, ими управлять. Игра — сложная, творческая продуктивная деятельность человека, направленная на моделирование сложных жизненных ситуаций, их «прорабатывание», поиск «алгоритмов действия».

Роль игры в социализации детей, в их психическом и психологическом развитии, показана в работах Л.С. Выготского, [2] его культурно-исторической концепции развития человечества, [3] С.Л. Рубинштейна, [7, с. 3—9] Л.И. Божович, [1] Р. Поппера, К. Леви-Стросса, М. Мид, других видных ученых. Вопросами роли игры в

развитии человеческого общества, как мы отметили, занимались представители самых разных культурологических направлений, от классиков философии до представителей модернистских и постмодернистских течений.

В современной жизни человек встречается с различного рода играми: ведь во взаимоотношениях людей много условностей, правил, предписаний, которые в значительной степени являются игрой, но без этого невозможна жизнь человека в обществе. Например, знакомство юноши и девушки, ухаживание, предложение руки и сердца протекает по определенным правилам, принятым в данном обществе. Несоблюдение определенных правил может привести в лучшем случае к непониманию между партнерами. Что это, как не социальная игра. В предпринимательской деятельности также существует множество правил, традиций, обычаев, соблюдение которых помогает бизнесменам в их нелегкой деятельности, а несоблюдение способно серьезно осложнить жизнь. Кроме того, для предпринимательской деятельности важны такие качества, как внимание, наблюдательность, способность быстро проанализировать ситуацию.

Существует большое количество деловых игр, которые позволяют моделировать различные ситуации, анализировать их, и на основе проведенного анализа прогнозировать дальнейшее развитие бизнеса, выстраивать стратегию развития того или иного предприятия, отрасли экономики, всей экономики в целом. В этом плане предпринимателям помогает хорошо развитая наблюдательность. Политические игры, в свою очередь, позволяют моделировать и прогнозировать возможную политическую ситуацию при различных обстоятельствах.

Роль деловой игры в развитии предпринимательства неоспорима. Многие видные зарубежные и отечественные специалисты по менеджменту разрабатывали теорию игр. Мы можем назвать такие известные имена, как

Абучук М., Виханский О., Друкер П., Петров В., и другие. Однако, одним из родоначальников теории игр, предложившим эффективные технологии игровой деятельности, способствующей повышению эффективности наблюдательности, является американский автор Дональдс. Свою теорию игр он изложил в книге «Технологии игровой деятельности». В России эта книга издана в 1977 году. Основной темой книги является разработка теории игр, способствующих повышению наблюдательности, внимания, аналитических способностей. Автор считает, что игры, встречающиеся в окружающей нас жизни, стары, как мир, новой является теория игр.

По мнению автора книги, современная теория игр явилась плодом размышлений и творческих поисков одного из крупнейших математиков двадцатого столетия американца венгерского происхождения Джона фон Неймана. Фон Нейман утверждал, что традиционные игры уже сами по себе являются моделями человеческого взаимодействия. Люди установили правила игр, а принятие решений оставили их участникам — игрокам. Фон Нейман также установил, что можно изучать такие игры. Именно это послужило главным стимулом к написанию Дональдсом своей книги «Технологии игровой деятельности».

В 1950 году вышла книга «Стратегия в покере, бизнесе и войне» фон Неймана. Поскольку теория игр располагает широким арсеналом средств для рассмотрения ситуаций с торгами и сделками, Дональдс, после прочтения ее вернулся к мысли о написании книги о бизнесе, в которой намеревался сосредоточить основное внимание на стратегическом взаимодействии, на повышении эффективности делового общения, развитии внимательности, аналитических способностей, наблюдательности.

Итак, игра является своего рода художественным познанием мира, обладающим определенной спецификой.

Сутью этой специфики является целостное, а не фрагментарное видение мира. В игре жизненная ситуация строится на образе, творческая мысль облекается в «живые лица», воспринимается в виде зримых событий, спланированных творческой мыслью играющих. Художественное моделирование событий в игре влечет за собой огромное расширение человеческого опыта, охватывая желаемое настоящее, прошлое, будущее, неизмеримо раздвигая границы пространства и времени. Этот опыт, полученный при помощи игры — познание ранее неизведанного, переживание сложнейшей гаммы чувств, моделирование с разных точек зрения самых сложнейших жизненных проблем.

Познание окружающего мира — вот сущность игры. О проблеме познания много писал гениальный немецкий философ И. Кант. По его мнению, решению таких проблем человека, как проблемы бытия, морали, религии, души — должно предшествовать исследование возможностей человека, установление границ познания. Кант считал, что человек осознает мир не таким, как он есть на самом деле, а таким, каков он видится человеку, доступен его пониманию. По мнению великого немецкого философа, пространство и время доступны человеку прежде восприятия. Пространство и время идеальны, а не реальны, то есть не представляют собой самостоятельную реальность.

Именно в разработке философского учения о познании, об искусстве, о бытии, Кант неоднократно касался значения игры. Сравнивая искусство и ремесло, И. Кант отмечает, что «первое называется свободным, а второе можно также назвать искусством для заработка. На первое смотрят так, как если бы оно могло оказаться целесообразно, как игра, то есть как на занятие, которое приятно само по себе» [5, с. 319]. На второе смотрят как на работу, то есть как на занятие, которое само по себе неприятно и привлекает только своим результатом (например, заработком). И. Кант несмотря на выдвигаемый им тезис о «необходимости свободы в искусстве», указывает на обязательное присутствие принуждения. Он отмечает, что «во всех свободных искусствах все-таки требуется нечто принудительное, или, как это называют, механизм, без чего дух, который должен быть в искусстве свободным ..вообще не имел бы тела и должен был бы полностью испариться...» [4, с. 176]. Рассуждая об игре И. Кант считает, что поэзия, «играет с нами, вызывая наслаждение, и именно в этом и состоит приблизительное различие, которое отличает обычные обманы чувств от той иллюзии, которой, пользуются поэты» [6, с. 56].

Роль игры как продуктивной деятельности рассматривал и другой немецкий философ и поэт — Шиллер. По его мнению, в человеке существует два противоположных начала: «чувственное побуждение», которое соответствует законам необходимости и разумное («побуждение к форме»), которое соответствует законам свободы. Оба побуждения нуждаются в ограничении, поскольку они мыслятся как энергия в разрядении. Первое, чувственное, необходимо ограничивать от вмешательства в область законодательства, второе — от проникновения в область воображения.

Они ограничиваются «побуждением к игре». Игра для Шиллера — это специфическая особенность искусства, а не просто его источник. Игра — это особая деятельность, отличная от прозаичной деятельности и чуждая фантастической деятельности воображения. Игра — это свободная деятельность целостного человека. «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова — человек, и он бывает человеком лишь тогда, когда играет» [9 с. 317]. Именно Шиллер впервые показал, что игра для каждого человека в отдельности, и всего человеческого общества есть нечто более серьезное и необходимое, чем простое приятное заполнение досуга. Интересна концепция игры Й. Хейзинга. В его интерпретации «человек играющий» воспринимает игру как высокоинтеллектуальное, продуктивное действие, отвечающее глубинным потребностям развития индивида и общества. Он считает, что культура происходит из игры «Игра старше культуры, ибо понятие

культуры, сколь неудовлетворительно его ни описывали бы, в любом случае предполагает человеческое сообщество, тогда как животные вовсе не дожидались появления человека, чтобы он научил их играть» [8 с. 21].

Игра по Й. Хейзинга не может быть рациональной, так как она относится и к миру людей и к миру животных. Следовательно, игра иррациональна. Автор считает, что игра — это заданная величина «предшествующая самой культуре, сопровождающая и пронизывающая ее от истоков, вплоть до той фазы культуры, которую в данный момент переживает сам наблюдатель» [8 с. 24]. Игра с точки зрения Й. Хейзинга «это некоторая свободная деятельность, которая осознается «как настоящая», несвязанная с обыденной жизнью, но, тем не менее, могущая полностью захватить играющего, которая не обуславливается никакими ближайшими интересами (материальными или доставляемой пользой); которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядочена и в соответствии с определенными правилами, и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружить себя тайной или подчеркивает свою необычность по отношению к прочему миру своеобразной одеждой и обликом» [8 с. 31—32].

С утверждением Й. Хейзинга о том, что «игра старше культуры», можно не согласиться. Так как игра — то вид деятельности, которая доставляет участникам игры эмоциональные переживания. Для нее характерно наличие пространства, времени, начала, конца, импровизации, она носит имитационный характер, а главное у нее есть правила. Следовательно, эти правила, кто-то задает, а задает их культурная элита, то можно сделать вывод, что игра — это явление культуры, и она присуща социально-развитому обществу, а точнее игра — проявление культурной деятельности человека. Следовательно, игра — это проявление культуры.

Игровой момент так же важен и для искусства, так как для искусства характерно свобода, фантазия и воображение. Искусство — это игра воображения, актеры играют, их убивают, но это все происходит в игре, в воображаемом мире. В искусстве человек то отдаляется, то возвращается к реальности. Самоцель игры — поддерживать интерес тех, кто за ней следит, при помощи разных приемов. Актер, играя роль, импровизируя, старается показать истину, которую несет его игра. На сцене он живет в воображаемом мире и вовлекает в этот мир зрителей, а по И. Канту «игра — воображение». Можно сказать, что «изящное искусство» — это привилегия элит. Высший класс общества создает дома по своему проекту, украшает

изящной мебелью, картинами, коллекционирует антиквариат, участвует в аукционах.

Таким образом, вынужденное соседство, погружение в общий материал традиций порождает уникальную ситуацию в культуре XX века. Игровая традиция, стремясь децентрировать классические категории, все-таки оперирует сложившимся языком и философским инструментарием. Человек с рождения встречается с феноменом игры в той или иной степени. И для игры является общим наличие: пространства и времени, границы, свободы и в тоже время четких правил, хотя игра не может быть по принуждению, у нее есть начало и конец, она приятна и эстетична, создает иллюзорную видимость. В противоположность Й. Хейзинга, который утверждал, что «игра старше культуры», мы утверждаем, что игра — это явление культуры. Аспект игры можно увидеть во всех видах современного искусства, например, поэзии, живописи, музыке, театре (игра рифмой, цветом, звуком, игра актера). Играющий интерпретирует мир. Состязательность игры проявляется в проводимых современных музыкальных конкурсах.

Список литературы:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте — М.: Просвещение, 2008. — 464 с.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования — М.: АПН РСФСР, 1996. 432 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6т.— М.: Педагогика, 1982—2000. 380 с.
4. Кант И. Критика способности суждения. / И. Кант. Пер. с нем. Гулыга А.С. — М.: Изд-во, 1994. 365 с.
5. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах / И. Кант. Пер. с нем. Гулыга А.С. — М.: Юбил. Изд. Т. 5. 1994. 414 с.
6. Кант И. Тартуская рукопись /И. Кант //Эстетика Иммануила Канта и современность. -М.: 1991. 384 с.
7. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности / Вопросы психологии. — 1957. — №3. — С. 3—9.
8. Хейзинга Й. Человек играющий. Статьи по истории культуры / Перев. Д. Сильвестров — М.: Прогресс Традиция. 1997. 375 с.
9. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека к герцогу Гольштейн Аугустенбургскому / Собр. Соч.: В 4 т. СПб, 1902. Т. 4. 514 с.

СЕКЦИЯ 3.2.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Данильченко Лариса Викторовна

*доцент, зав. кафедрой менеджмента, Пятигорский государственный
гуманитарно-технологический университет, г. Пятигорск
E-mail: LVD17@rambler.ru*

Национальное самосознание — категория конкретно-историческая, зависящая от специфики многообразной исторической действительности и не имеющая прямой зависимости от единичных факторов. В оценке современного состояния национального самосознания существуют различные подходы. Одни считают, что в данный момент оно относительно статично: устоявшаяся, относительно стабильная национальная жизнь, без серьезных переделов жизненного пространства, требует как бы всего лишь обустроиться в обозначенных пределах. Другие видят в нем преобладание динамизма — массовые миграции, взаимодействия, напор новизны и т.д. не дают ему пребывать в гомеостазном спокойном равновесии. Третьи считают, что такой динамизм рожден излишней пассионарностью национального самосознания, которая и бросает его из одной крайности в другую. Четвертые, наоборот, отказывают ему в такой пассионарности, говоря о том, что ее как раз-таки и не достает: нет харизматических лидеров, ярких идей, способных увлечь за собой — все однообразно, усреднено. На наш взгляд, национальное самосознание не выступает в чистом виде ни в одном из этих качеств. Оно как бы вбирает в себя их все, но одни проявляются в одних обстоятельствах, другие — в иных.

Но мы видим и иные процессы — активное формирование европейской идентичности. Очевидно, что в национальном сознании современных европейцев происходят изменения, создающие определенные предпосылки для европейской консолидации и создания устойчивой и значимой европейской идентичности. Изживаются недоверие и национальные предрассудки в отношении европейских народов, забываются исторические претензии и обиды. Более того,

социологические опросы фиксируют снижение удельного веса «патриотов» своих национальных отечеств. Но все это происходит на фоне центробежных тенденций. Если раньше они особо наблюдались в Италии (ее проблемы Севера и Юга), в Испании (баскская проблема), в Бельгии (взаимоотношения между валлонами и фламандцами), в Великобритании (Северная Ирландия), во Франции (корсиканский вопрос), то сегодня наблюдаются растущие движения за независимость Шотландии, Баварии, некоторые признаки разрушения национального консенсуса многоязыковой Швейцарии. Центростремительные и центробежные силы, как видим, находятся в единстве и в переплетении, и не обязательно противостоят друг другу.

Развитию национального самосознания как таковому свойственны противоречия и неоднозначность в проявлениях. Если можно применить к категории национального самосознания понятие творчества, то именно оно и выражает суть его динамизма как творчества собственных ценностей, изнутри (хотя и под влиянием извне), как творчества, противостоящего статике и застою, как творчества, не только охраняющего национальную самобытность, но и создающего и осовременивающего. Это-то и сложно в современных условиях, когда непросто устоять и противостоять выработанным — и вполне успешным — архетипам в виде готовых клише и схем. Соппротивление процессам модернизации продуктивно потому, что делает национальное безжизненным и мертвым.

Это диалектическое единство статике и динамики в структуре национального самосознания подчеркивает его определенную двуликость. Один лик национального самосознания неизменно обращен — и в этом его статичность — к сохранению и закреплению подлинного национального бытия. Эта статичность фиксирует момент национальной удовлетворенности, некоей сытости, опасность чрезмерности которой — пересыщенности — очевидна, так как она ведет к консервации отсталости. Охранительная функция должна распространяться на ядро национального, на то, что делает его национально особенным. И все-таки она обращена в прошлое. Другой же лик — потребность в ином, новом для успешного саморазвития — как бы обращен в будущее, в нем проявляется динамизм национального самосознания.

Современный мир создает для такого динамизма широкий диапазон возможностей, помогая преодолевать пресыщенность национальным. Но опять-таки при чрезмерной увлеченности иным возникает своего рода голод уже по национальному. На этой почве возникает противоречие между национальной удовлетворенностью и

национальной неудовлетворенностью: голод по поводу одного при насыщении им рождает голод по поводу другого. Эти отношения, как видно, выстраиваются по принципу причинно-следственной связи, поэтому относительно спокойное развитие национального самосознания предполагает равновесное состояние между охранительной и осовременивающей функциями.

Современные процессы по различным линиям еще более раскалывают национальное самосознание. Оно как бы тоскует по прошлому, испытывает чувства чуждости, одиночества, заброшенности. Поэтому в нем как бы присутствует момент катастрофичности со всеми сопутствующими этому проявлениями. Оно и бунтует, возмущается, сопротивляется в стремлении сохранить свое прежнее «Я». Но оно и впитывает дух нового мира, его разнообразие, пытается преодолеть собственные «измы». И эти процессы (они всегда были свойственны национальному) не параллельные и не независимые друг от друга, они находятся в сложном переплетении, поэтому и говорят о феномене национального самосознания.

В рамках этой проблемы несколько по-иному рассматривают саму национальную самобытность. При всей привлекательности самого термина и содержания самого феномена она не предстает как однородное, исключительно позитивное явление, которое следует всячески защищать. Ее негативную сторону Н. Бердяев справедливо назвал национальной стихией, ее «темным вином». В ней и пассивность, и покорность, и опасность самовозвеличивания, и вражды, и злобы, и религиозности. Современная жизнь с присущими ей противоречиями обнажила и обострила именно эти стороны национальной самобытности и ее стали неправомерно ассоциировать с отсталостью. Движение друг к другу предполагает взаимное самоограничение национальной стихии и отказ от ее рабства и тех преград, которые она возводит на пути народов. Другие это называют способностью к самопокаянию, самоочищению, самокритике. Национальная самобытность, несомненно, стоит того, чтобы ее защищали, но ей нельзя пассивно отдаваться, лелеять. Это — в силу определенной искусственности — не защитит ее, свобода для национальной самобытности может превратиться в свою противоположность.

Сегодня многие понятия наполнились иным смыслом. Это касается и традиции. Она есть не только то, что сохраняет цепь времен, ее неразрывность, но и своеобразная иллюзия освобождения от проблем, рождаемых усложняющимся миром, это форма борьбы, противостояния чуждому, новому, решения новых задач старыми методами (потому что это привычнее, легче, требует меньше усилий,

творчества). В такой иллюзорности ярко выраженная пассивность и статичность традиции, которая сталкивается с динамичностью модернизационных процессов. При всем том, что она обновляется, осовременивается, пропитывается новым содержанием, в том числе и универсальным, позволим себе высказать мысль о том, что она всегда как бы провинциальна, т.к. никогда до конца не отдается потоку жизни. Редкая традиция стоит на высоте происходящих перемен. И, кроме того, не следует забывать о том, при всей адаптированности, притирании, перемешивании любая неповторимость и индивидуальность, а тем более обладающая свойствами традиции, не вмещается в рамки целого.

Условия современной жизни привели к возникновению определенных форм социальной адаптации — в виде самоизоляции, приспособления, слияния, поглощения и т.п., на которые соответственно реагирует национальное самосознание. Предпримем попытку представить некоторую типологию форм реагирования национального самосознания. В условиях, когда жизнь в инонациональной среде осуществляется через воссоздание привычного национального мира — анклавный образ жизни, — через сохранение традиционных институтов, с помощью которых идет медленный процесс вживания в иносреду, национальное самосознание не испытывает крайних потрясений, живя своим узким миром, но при выходе вовне подвергается сильным изменениям. Тем более что чужбина в прошлые времена и чужбина сегодня — понятия несопоставимые, да и отношение к родине — как обязательному месту пребывания — существенно изменилось.

Для национальных диаспор в силу особых условий выживания в эмиграции характерно стремление сохранить свою национальную культуру — зачастую именно диаспоры превращаются в строгих хранителей своей этнической культуры, даже в большей степени, чем это происходит на исконно этнической территории. И в то же время компактно-изолированное и дисперсное проживание, с одной стороны, позволило в значительной степени противостоять процессу неизбежной ассимиляции, но, с другой, низкий уровень межэтнической контактности имел следствием социальную и культурную консервацию патриархально-родового типа мировоззрения. В условиях изоляции происходит постепенное размывание национальных самобытных черт, обедняется язык, забываются определенные черты бытовой символики, идет разрушительный процесс ослабления культурного потенциала народа — исчезает питательная среда и отсутствуют реальные условия для сохранения и развития самого народа. Кроме того, выход за пределы своего национального бытия сулит больше выгод.

Такие существенные компоненты, влияющие на национальное самосознание, как язык, образ жизни, традиции, имеют узкую сферу приложения. Для широкой социализации становится необходимым усвоение государственного языка (родной отходит на периферию бытовой жизни), принятие урбанистической культуры, ее универсализирующихся ценностей, идеологии космополитизма. Все эти процессы с нарастающей силой разрушают национальную идентичность, а значит, и саму суть анклавности существования. Хотя наличие так называемых «таунов» как бы опровергает наш тезис. И вряд ли кто станет спорить о том, что в такой ситуации следует говорить по меньшей мере о разорванности национального самосознания: у себя на родине они уже, к примеру, не китайцы, на чужбине все еще китайцы, но совсем не, скажем, американцы. Неуютность положения очевидна, она формирует двойственное и в целом ущербное национальное самосознание. Зачастую в этих «таунах» сохраняются внешние атрибуты национальной идентичности, но внутренне это уже люди иного мировосприятия и мироощущения.

Самый продуктивный путь — процесс взаимоадаптации, движение навстречу друг другу, каким бы сложным оно ни было, это уступки, компромиссы и даже «жертвы». В таком свете иначе видится феномен открытости. В привычном смысле она понимается как исчезновение «железного занавеса», преодоление национально-территориальных барьеров, этнокультурной замкнутости, свобода перемещения (людей, капиталов, товаров, информации). Но в своем глубинном значении она есть нечто иное, как взаимовыручка, забота о других как о себе, страх за всех как за себя. И понять это помогают проблемы этнической адаптации. С одной стороны, открытость границ позволила людям свободно перемещаться по миру, с другой, не позволяет им чувствовать себя везде как дома.

Модернизация достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения. Отсюда и устойчивая корреляция между подъемом национализма и состоянием современного общества: периоды радикальных перемен всегда порождают неуверенность, незрелость и неэффективность институтов демократии при ее росте (или транзите) на начальном этапе ведут к анархии, аномии. В такой ситуации востребованным оказывается национализм, который предлагает свои способы для компенсирования издержек, порожденных модернизацией. Именно потому, что в нем есть уверенность, стабильность, питаемая возможностью жить по предписанным правилам, — чего нет в

модернизирующемся мире, где все зыбко, неустойчиво, перспективно неопределенно.

Этим, однако, национализм не ограничивается, давно уже говорят о национализме ложном и истинном. Первый преувеличивает роль дистанцирования в межнациональных взаимоотношениях, сужая возможности общения, закупоривая человека в непроницаемой национальной оболочке, где, как ни странно, он начинает испытывать одиночество, подобное общению только со своими. В таком виде он не снимает ощущения неуверенности, но даже его питает. Второй предполагает развитие национального на широкой основе, рядом и вместе с инациональным и универсальным. Но как в условиях взбудораженного национального самосознания отделить один от другого, если их проявления носят зачастую одинаковый характер? Тем более что всегда есть опасность подмены и перерождений.

Все, что говорится о необходимости защиты национального и его соразвития с инациональным, выглядит убедительно и просто в мыслительных конструкциях, но на практике все сталкивается с неисчислимым количеством проблем, тонкостей, нюансов, которые не вмещаются в эти конструкты, носящие высокую степень обобщенности. Сложно не согласиться со словами Н. Бердяева: «Работа мысли над проблемой национальности должна прежде всего установить, что невозможно и бессмысленно противоположение национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства. Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества...и национальность есть ценность, творимая в истории... Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей..., а утверждением национальных индивидуальностей. Национальность не может претендовать на исключительность и универсальность, она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними с общением» [1, с. 83—84].

Нельзя забывать о том, что национальное самосознание несет в себе и с собой груз прошлого, настоящее и элементы будущего. Да и само национальное пространство, формирующее национальное самосознание, далеко не однородно (хотя бы уже в силу деления на моно- и полиэтничность). Чем пестрее национально-географическая картина, чем ближе регион к границам цивилизаций, всякого рода стыкам и соприкосновениям, которые во многом и объясняют многообразие социальных, национальных, экономических и культурных форм развития, тем сложнее процесс формирования и

трансформации национального самосознания. Но и они развиваются из национальных основ. В то же время в условиях всеобъемлющей интеграции национальное неизменно соприкасается не только с инонациональным, но и государственным, региональным, политическим, геополитическим и т.д. Противоречивый характер таких соприкосновений и рождает конфликтогенность больше, чем собственно национальное, хотя это и не исключает конфликтогенность его самого.

Под воздействием всех этих моментов каждое национальное самосознание по-своему переживает происходящие метаморфозы. С одной стороны, они способны укрепить национальное самочувствие, призвав внутренние возможности, ресурсы народа. С другой, такие изменения сознанием переживаются трагически, сопровождаясь чувствами потери, безысходности. В первом случае не далеко до национального самомнения, во втором — до уничтожения. Но грань между ними очень подвижна. И все зависит от степени развитости национальной жизни.

Это же происходит и в области национальных интересов. И речь идет не только о простом игнорировании одних и абсолютизации других, а о возможности формирования ложных интересов, внешне представленных в качестве истинных. Так, за переносом производства товаров из, скажем, Европы в Азию стоит не провозглашаемое желание создать там рабочие места, а чисто экономические выгоды: дешевая рабочая сила, низкая оплата труда, минимальные социальные гарантии, снижение и уход от налогов, низкое протестное движение, подавляемое властями, и пр. В результате расширяются рынки сбыта, но на них местная (национальная) продукция продолжает оставаться неконкурентоспособной. Таким образом, другая страна может стать и становится выразителем и носителем чужих интересов — происходит плавное замещение одних другими.

Это заметнее всего проявляется в области культуры, образования, идеологии. Если и происходит переориентация, то не на признанные ценности разных цивилизаций, а только на западные, которые и преподносятся как универсально значимые, более того, общечеловеческие. Тревожит некритическое заимствование, абсолютный и односторонний характер которого, скорее, говорит о нем как о навязывании. На то есть как объективные причины (более высокая степень социально-экономического, информационно-технологического развития), так и субъективные. Естественный процесс заимствования идет посредством переваривания инонационального национальным, и

на основе этого — либо отторжение, либо поглощение, либо взаимообогащение и формирование универсально значимого.

Усиление влияния процессов модернизации на национальное самосознание может проявляться и в изменении соотношения в нем позитивного и негативного, а также в изменении их содержания. К числу привычных негативных проявлений — разделению индивидов по этническому признаку, стереотипичности восприятия других национальностей, уничижительно-пренебрежительному отношению к чужой инаковости, противопоставлению себя другим — добавились национальная узость, культурная ограниченность, снижение интенсивности межнациональных контактов, анклавность этнической жизни, воспроизводство архаичных устоев, предпочтение традиций инновациям. То есть то, чем сопротивляются модернизации для национального самосохранения, постепенно переводится в разряд негативного. Отсюда и критика идеологии национализма, патриотизма, которые, якобы, изживают себя в современных условиях.

Действительно, сегодня происходит процесс размывания содержания понятия «патриотизм». В прежнее его понимание входила необходимость жить и работать на благо своей страны, множить ее богатства, защищать ее интересы. И никто не ставил под сомнение необходимость именно такого патриотизма. Соответствовало этому духу и национальное самосознание, особенно в периоды национально-государственного строительства. Сегодня акценты сместились. Вышеназванный патриотизм уравнивают с национализмом, узостью мышления, не соответствующего современным реалиям, которые требуют поступиться некоторым национальным в пользу универсального. Также близким к национализму объявляют и желание оставаться в пределах своей национально-культурной идентичности при проживании за пределами своей родины. Такому патриотизму отказывают, отдавая предпочтение патриотизму по отношению к стране, в которой индивид по той или иной причине живет, работает и чьими благами пользуется. В этом есть некая утилитарность, которая выхолащивает содержание патриотизма как чувства безотчетной любви к отечеству. По своей сути же идеология национал-патриотизма не содержит реакционного начала, будучи основанной на сильно развитом чувстве национально-государственной принадлежности и выступая консолидирующей силой, позволяющей этносам ощущать себя целостным, единым национальным сообществом.

Все это имеет результатом опять же возрождение интереса ко всему национальному, понимаемому в самом широком смысле. Но этот процесс нельзя подвести под общий знаменатель, потому что как

уровень патриотичности, привязанности к национальным корням, так и мера болезненности их утраты у разных народов разные, что определяется множеством взаимозависимых факторов. Такая избирательность ведет и к национализму, потому что одному национальному разрешается любовь к себе, а другому — в ней отказывают. Это деформирует национальное самосознание на всех уровнях, выражаясь в конкретных действиях. Неравномерность развития и неравенство народов, диктат одних по отношению к другим рождает этнический национализм: преимущества и привилегии для одних (тем более требования их признания другими) неизменно ведут к «возмущению» других.

Подытоживая сказанное, отметим, что современные процессы, конечно же, подвергают сферу национального всяческим давлениям, и это отражается на всем национальном бытии и, особенно, на комплексе национальных восприятий и ощущений. Противоречивый характер системы взаимоотношений национального и глобального ведет к неизбежным трансформациям национального самосознания, вызывая множественные его реакции, которые становятся благодатной почвой для распространения националистических проявлений. При всей своей консервативности, устойчивости национальное самосознание чутко реагирует на всякого рода стеснения и ущемления. Но присущая ему конфликтогенность может быть использована и как мощный дестабилизирующий фактор. И тогда на смену позитивному национальному приходят гипертрофия либо национального высокомерия, либо стихии национального, его темных сторон. На этой основе происходит взаимоотторжение народов, как это ни странно, на фоне процессов экономического, технического, информационного сближения.

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Судьба России: опыт по психологии войны и национальности — М.: Мысль, 1990. — 212 с.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Иванова Ольга Сергеевна

соискатель кафедры философии КемГУ, г. Кемерово

E-mail: gnedd@yandex.ru

Систематизация разновидностей такого сложного многомерного явления как социальное насилие представляет большую сложность, хотя позволяет глубже проникнуть в его сущность. Она дает возможность упорядочить и обобщить знания о соответствующем предмете или явлении, способствует достижению большей терминологической ясности. Социальное насилие настолько изменчиво и синтетично, что четко классифицировать его на отдельные формы представляет сложную, но вместе с тем значимую проблему. Так как в истории нет четкой смены форм социального насилия, ранее существующие формы не вытесняются новыми формами, архаичные и вновь возникающие формы сосуществуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Данная статья посвящена анализу различных классификаций форм социального насилия, позволяющих выявить существенные черты этого явления.

Существует биологическое и социальное насилие. «Насилие по сфере осуществления может реализовываться как в природе, так и в человеческом обществе, и последнее принято называть социальным насилием» [2, с. 172]. Биологическое и социальное насилие существенно отличаются друг от друга. Биологическое насилие основывается на инстинктах. Это всегда непосредственная реакция на угрозу. Цель биологического насилия одна — обеспечить выживание вида. Биологическое насилие один из важнейших механизмов естественного отбора. Социальное насилие основано на сочетании биологических черт и когнитивных способностей человека, поэтому сложно провести четкую грань между биологическим и социальным насилием. Человек способен проявить агрессивные реакции без непосредственной угрозы. Так же социальное насилие отличает многообразие целей, и что характерно только для социального насилия его целью может быть оно само. Социальное насилие может противоречить инстинктам человека, даже самым сильным из них. Например, инстинкту самосохранения, огромное количество суицидов служит тому доказательством. В социальном насилии проявляются биосоциальные черты индивидов, личностные особенности, особенности социальной организации и конкретного общества. Это явление крайне не самостоятельно. Социальное насилие

характеризует субъектно-объектные отношения, и так как у человека есть сознание, социальное насилие существует в символической форме, и может проявиться вовне в различных видах. Социальное насилие, в сравнении с биологическим, явление более сложное и многоаспектное. Типология социального насилия весьма обширна и многообразна. Несмотря на то, что в социологии и психологии накоплена значительная теоретико-методологическая база для анализа отдельных форм насилия, целостное представление о данном феномене отсутствует. Наблюдающаяся в последние годы дифференциация интереса к проблеме насилия закрепляет ее на периферии теоретического анализа. Поскольку исследования сосредотачиваются в области специальных социологических дисциплин (конфликтологии, военной социологии, социологии семьи), носят прикладной характер, их предметом становятся отдельные проявления насилия. Возможно, классифицировать насилие по видам причиняемого ущерба, по формам насильственного взаимодействия и т.д.

Принято разграничивать прямое и структурное социальное насилие. Это разграничение многие исследователи считают весьма продуктивным. «Прямое насилие предполагает прямое воздействие субъекта на объект» [4, с. 85]. К прямому насилию относят убийство, телесные повреждения, изгнание. Структурное насилие в отличие от прямого — это «создание условий(структуры), ущемляющей потребности и интересы людей» [4, с. 85]. Основой структурного насилия является прежде всего неравный обмен, в результате которого верхние социальные слои получают значительно больше благ и возможностей, чем остальные. Структурное насилие опасно тем, что оно, как правило, не осознается именно как насилие, причем ни одной, ни другой из противостоящих сторон. Структурное насилие отличается от прямого тем, что действует косвенно, через общественные институты. Оно, как правило, не осознается индивидами и социальными группами, подвергающимися его влиянию. В отличие от прямого насилия, которое изменчиво и динамично, структурное насилие статично и стабильно.

Денисов В.В. также выделяет прямое и структурное насилие. В ходе исторического развития соотношение между прямым и косвенным насилием меняется, и постепенно начинают преобладать формы скрытого косвенного насилия. Денисов В.В. предлагает еще две классификации социального насилия. «По своему предметному содержанию и объекту направленности различные проявления социального насилия можно подразделить на политическое, военное, экономическое, духовное (идеологическое), административное» [3. с. 7]. Основанием для третьей

классификации, предложенной Денисовым В.В. служит качественное содержание и социальная направленность насилия. «...во-первых, насилие, которое можно назвать насилием «сверху», т. е. используемое во внутренней и внешней политике» [3 с. 26].

«Второй вид насилия — это разнообразные проявления революционного антиимпериалистического насилия, направленного против эксплуататоров и угнетателей» [3. с. 26]. «Третий вид насилия. получивший небывалый размах в последние годы в капиталистическом обществе, охватывает различные формы уголовных преступлений» [3. с. 31.].

Если первые две классификации нейтральны, то третья явно создана исходя из четких классовых установок. Если отвлечься от негативной оценочной фразеологии, то по сути Денисов В.В. выделяет насилие «сверху». Исходящее от власти, насилие «снизу», которое исходит от общества и криминальное насилие.

По мнению П. Шихирева существует три способа разрешения социальных конфликтов и соответственно три формы социального насилия. Первый, это применение прямого физического насилия. Первобытный человек стремился уничтожить другого индивида или группу, если они мешали ему жить [6, с. 28]. Второй способ-политический. Суть его в доминировании одних групп над другими. Третий экономический этап, основан на взаимовыгодном обмене. В зависимости от формы воздействия выделяют физическое, психологическое, экономическое и политическое насилие.

Значительный интерес для исследования проблемы представляет типологизация насилия, предложенная Д. Галтунгом. В этой типологизации прямое и структурное насилие сочетаются с четырьмя классами основных потребностей (выживание, благополучие, идентификация, свобода), в результате получается восемь типов насилия. Д. Галтунгом также было введено понятие «культурное насилие», под которым понимается «любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой и структурной форме» [1, с. 37]. Выделен Д. Галтунгом феномен культурного насилия. Культурное насилие — это те аспекты культуры как символической сферы человеческого существования, представленной идеологией и религией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой, которые могут быть использованы для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия.

Свою классификацию форм социального насилия создал Э Фромм. В основу выделения различных форм деструктивности он положил мотивацию совершения насильственных действий. По мнению

Э. Фромм существует две формы деструктивности: спонтанная и связанная со структурой личности. Их существенное различие в причинах возникновения. Спонтанная деструктивность «активизируется при чрезвычайных обстоятельствах» [5, с. 359]. Связанная со структурой личности форма «не исчезает и не возникает, а присуща конкретному индивиду в скрытой или явной форме всегда» [5, с. 359]. В этой классификации исходным пунктом является человек, глубинные особенности его психики и мотивы насильственных действий. Однако, характеризуя формы насилия, Э. Фромм выходит за рамки психоанализа, он рассматривает проявление каждой формы деструктивности в социальных условиях, но через призму особенностей человеческой личности.

Проблема классификации форм социального насилия в том, что оно содержит в себе иррациональные черты, сложно поддающиеся логическому анализу и классификации.

Но, не смотря на это, классификация позволяет выявить ряд существенных черт социального насилия. Это пластичность и синтетичность форм социального насилия, отсутствие четких граней между ними. Такие формы как война, рабство, пиратство, терроризм разворачиваются во всех сферах общественной жизни. Они могут быть отнесены к криминальному, политическому, экономическому насилию. Формы социального насилия по своей природе рефлексивны, и определяются «постфактум», только после того как акт социального насилия произошел и проанализированы его масштабы и последствия. Процесс классификации позволяет обнаружить несамостоятельность социального насилия, оно всегда связано с потребностями, особенностями людей и структурой общества.

Список литературы:

1. Галтунг Д. Культурное насилие/Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения: М. Центр конфликтологии, 1995. Вып. 8.
2. Гелих О.Я. Язык как средство управления и насилия: проблема образования/ Образование и насилие: сборник научных статей /СПб гос. ун-т; [под. ред. К.С.Пигрова]. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2004. 276 с.
3. Денисов В.В Социология насилия.: Политиздат, 1975. 214 с.
4. Козырев Г.И Проблема насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни /Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6. 2000

5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности, М.: АСТ-ЛТД, 1998. 672 с.
6. Шихирев П. Психика и мораль в конфликте/Общественные науки и современность: М. Наука, 1992. №3.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ПАМЯТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Мокроусова Елена Александровна

*магистратура II курс, Уральский Федеральный университет им.
первого президента России Б.Н. Ельцина, Институт Социальных и
Политических Наук, кафедра социальной философии, г. Екатеринбург
E-mail: elena-mokrousova@rambler.ru*

Шабурова Ольга Викторовна

*к. филос. н., доцент кафедры социальной философии Уральского
Федерального университета им. первого президента России
Б.Н. Ельцин, г. Екатеринбург
E-mail: shaburovaov@mail.ru*

Социальная философия, окончательное оформление и становление которой произошло не так давно — лишь в середине XX века, изначально возникает как попытка осмысления человеком актуальных проблем становления и развития общества, исходя из структур и законов самого общества. Она изначально противится догматическому наложению канонов и принципов традиционной философии на те явления и процессы, которые оказываются в центре ее внимания, и пытается построить динамичную картину жизни общества, функционирующего в определенном времени и пространстве. Социальная философия выбирает свой особый режим существования, позволяющий ей избавиться от давления авторитетных теорий и мнений. Она позволяет обществу высказаться и самому заявить о своих проблемах. И появление феномена памяти в поле зрения современной социальной философии далеко не случайно.

Во время бомбардировки Дрездена 13—15 февраля 1945 года было уничтожено или серьезно повреждено около четверти промышленных предприятий города и около половины остальных зданий, включая

городскую инфраструктуру и жилые дома. В результате военных действий погибли около 25 тысяч человек. Очевидцы этих событий утверждают, что число жертв было бы значительно меньше, если бы уже после нанесенного воздушного удара самолеты военно-воздушных сил США и Великобритании не вели настоящую охоту на людей. Старшее поколение дрезденцев до сих пор с ужасом вспоминает о том, как самолеты летали над городом и выслеживали мирных граждан. Любая попытка историков привести неопровержимые доказательства того, что передаваемый из поколения в поколение сюжет «охоты» на людей — всего лишь миф, вызывает у них бурю эмоций и негодования. Они не спешат расстаться со своими воспоминаниями, они продолжают «встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из их собственного опыта, а из совершенно иных источников» [2, с. 41], например, из рассказов других людей, художественных, документальных фильмов и т.д. И это всего лишь один из множества сюжетов, которые сегодня оказываются в центре внимания современной социальной философии.

Западная философия занималась проблемой памяти с самого момента своего зарождения. В Древнегреческой философии существовало два слова для обозначения, памяти — памяти как *воспоминания*, и памяти как *вспоминания* или *припоминания*. В первом случае для обозначения воспоминания, рождающегося пассивно и не требующего целенаправленного усилия мысли, они использовали слово «*mnēmē*». Во втором случае, когда речь шла о воспоминании как об объекте поиска, они употребляли слово «*anamnēsis*». Сущность всех явлений памяти составляли два абсолютно разных процесса — вспоминать или приступать к поиску воспоминания.

Средневековая философия использовала для обозначения памяти новое понятие — понятие «*memoria*», которое преодолело традицию разделения памяти на «*mneme*» и «*anamnesis*», включив в себя одновременно как способность удерживать знание о пережитом, так и само воспоминание. Средневековые сместили акценты в понимании «*mneme*» и «*anamnesis*». В первом случае знание о прошлом включало в себя знание о людях, умерших или отсутствующих, во втором случае речь шла о воспоминании, которое воспроизводится в сознании, не только на уровне мыслей, но и на уровне рассказа, а также «тех социальных действий, в которых это воспоминание манифестируется» [1, с. 35].

Помимо этого, в средние века закладывается философская «традиция внутреннего усмотрения» феномена памяти, продолжателями которой в свое время стали Джон Локк и Эдмунд Гуссерль и которую современная социальная философия

оставляет в стороне, пытаясь преодолеть возникшую заикленность на изучении индивидуальной или персональной памяти и перейти к рассмотрению памяти коллективной и социальной.

Понятия коллективной и социальной памяти тесно связаны между собой по смыслу. Как правило, они употребляются в значении «общего опыта, пережитого людьми совместно» [5, с. 17]. «Будучи тем общим, что конституирует общество как таковое и является залогом его идентичности» [6, с. 106], память является необходимым элементом для жизни и выживания общества. Коллективной память, понимаемая как «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем» [7, с. 328], осуществляет постоянный отбор и переработку коллективного прошлого. Наличие коллективной памяти обнаруживается в том, что в пределах той или иной социальной общности (начиная от трудового коллектива и заканчивая нацией или государством) естественным образом периодически воспроизводятся одни и те же воспоминания. Воспроизводятся они на уровне отдельно взятого индивида, однако таким образом, что позволяют ему отождествлять себя с той общностью, к которой он принадлежит, с ее историей и судьбой. Эти воспоминания в большинстве своем не являются непосредственным опытом индивида, однако «вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других» [9, с. 157]. В определенные моменты времени он способен вести себя просто как член группы, «вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [8]. Личная история человека разворачивается в рамках коллективной истории, коллективного времени и пространства. Память индивида существует постольку, поскольку этот индивид является «уникальным продуктом специфического пересечения групп». Обусловленность того, что запоминается и забывается «социальными рамками» настоящего, подчеркивает социальную природу памяти: именно коллективы и группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти. Социальные группы конструируют свои образы мира, устанавливая некие согласованные версии прошлого.

Память может быть коллективной или социальной только в том случае, если ее можно передать, а для этого она должна быть артикулирована, что возможно посредством речи, ритуалов, изображений и т. д. «Образ того или иного события, занесенный в

социальную память, — это некая условная схема, общая идея, понятие, которое взаимодействует с другими аналогичными понятиями» [5, с 23].

Долгое время обсуждение проблемы памяти сводилось к тому, чтобы разгадать загадку памяти как своего рода создательницы прошлого, которая отбирает, хранит и воспроизводит информацию усваиваемую индивидом в процессе его жизнедеятельности. Однако постоянное усложнение поведения человека осуществляется не только за счет накопления индивидуального опыта индивида, но и за счет усвоения исторического, культурного и социального наследия.

Память — это «жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы» [3, с. 20]. Проблема памяти поднимает целый пласт сопутствующих ей тем, связанных с жизнью, как отдельно взятого индивида, так и всего общества в целом. Выступая в качестве связующего элемента прошлого, настоящего и будущего, память является важнейшим условием формирования и поддержания коллективной и персональной идентичности.

Все эти аспекты проблематики памяти делают ее столь актуальной для социально-философского дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Ю.Е. Мемогіа: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2-3 (40-41).
3. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. -
4. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
5. Решина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 — М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество, №1. 2010.
7. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. — 2-изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург; Деловая книга, 2006.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас, №2-3 (40-41). 2005.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

СЕКЦИЯ 3.3.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Д. ЮМ О ЧУДЕСАХ

Яковлев Валентин Валентинович

доц., к. культурологии, ТюмГУ, г. Тюмень

E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

Отечественными историками философии и религиоведами накоплен немалый опыт осмысления идей о чудесах, высказанных Д. Юмом в главе X «О чудесах» [8, с. 109-135], которая содержит две части и входит в состав его же «Исследования о человеческом познании». Но это осмысление, как правило, безальтернативно подчинено ими хорошо сформулированным Г.А. Габинским суждениям, сводящимся к констатации того, что в «тот долгий период, когда наука освобождалась от теологической опеки и богословских непоследовательностей... доктрина чуда неизменно противопоставляется философской категории естественного закона» [1, с. 48], и что в сочинениях Юма, Канта, Лапласа и других философов и математиков Нового времени библейские рассказы «о чудесах становятся пробным камнем скептической критики религии» [1, с. 164].

Например, по убеждению С.М. Роговина, «Юм ставит вопрос о самом факте» откровения и обращает внимание, что оно «опирается на чудеса и пророчества», тоже являющиеся чудесами. Однако, как отметил Роговин, «всякое чудо», согласно Юму, «есть нарушение законов природы, законы же природы для Юма раньше всего — законы нашего мышления». Отсюда Роговин делал вывод, что с точки зрения Юма, «вера в чудо и откровение (faith) возможна только при ниспровержении всех принципов ума, и таким образом откровение уже по своему понятию необходимо связано с тем условием, при наличии которого Локк [учитель Юма по Роговину — В. Я.] объявил его неприемлемым». В примечании к этим интерпретациям Роговин напомнил, что по вопросу «о возможности чудес скептик Юм является таким же фанатиком причинной связи как и Спиноза» [6, с. 34].

И.С. Нарский постулировал, что начав (в главе «О чудесах») «с соображений о маловероятности чудес, Юм заканчивает твёрдым

отрицанием того, что чудеса когда-либо и где-либо были или могли бы быть» [5, с. 201]. В главе («эссе») «О чудесах», следуя рассуждениям Нарского, «Юм квалифицировал всякое предполагаемое чудо как «нарушение законов природы», верить в которое людям «приятно», и противопоставил «рассказням о «божественном вмешательстве» в течение событий «твёрдый и неизменный опыт (a firm and unalterable experience)», который утвердил эти законы» [5, с. 242]. Советский философ также находил, что «решительно отрицая возможность чудес», Юм «ссылается на строгое единообразие причинно-следственных отношений в природе» [4, с. 72], что критически относясь к религии, в своих работах «он иронически едко пишет о вере в божественные чудеса» [4, с. 91].

В.Н. Кузнецов, Б.В. Мееровский, А.Ф. Грязнов утверждали, что хотя Юм «не примыкал к атеизму, его позиция объективно была прогрессивным шагом в критике религии». По мнению этих советских философов, в главе «О чудесах» Юм показал, «что описания всевозможных чудес, содержащиеся в различных религиях, противоречат свидетельствам чувств и здравому смыслу», что «слабости» человека — «склонность ко всему необычному и способность лгать — подлинные источники тех загадочных событий, о которых сообщают древние авторы и священные книги», что чудеса «обладают наименьшей степенью вероятности» [2, с. 131].

Анализируя концепции чуда, представленные, Локком, Спинозой и Юмом, Н.В. Твердовская подчёркивала, «что проблема чуда переносится здесь в гносеологическое русло и видится в контексте соотношения детерминизма и причинности». По её мнению, в их концепциях главным «становится понятие закона, основной дискуссионный пыл направлен на способы идентификации и критерии достоверности чуда» [7, с. 13—14].

На фоне всего этого дискурса заметно выделяются данные Ю.П. Михаленко оценки суждений Юма о религии. Советский историк философии полагал, что «юмизм» удовлетворил потребность буржуазии, заключающуюся в стремлении «к ограничению науки в пользу религии», ибо «он объявляет основные вопросы мировоззрения недоступными разрешению силами человеческого разума» [3, с. 10]. По мнению Михаленко, критические замечания Юма в адрес религии носили «весьма ограниченный характер», его скептицизм «не доходил до атеизма» [3, с. 38] и вообще, «оказывается бессильным против религии, поскольку она опирается на иррациональные основания, апеллирует к вере, а не к разуму». Итак, резюмировал Михаленко, «юмизм» «расчищает место иррациональной вере» [3, с. 39].

Таким образом, актуальность тезисов определяется назревшей необходимостью изучения недостаточно исследованных российскими историками философии и религиоведами аспектов концепции чудес Юма. Новизну настоящему эссе придаёт его цель, заключающаяся в выявлении специфики воззрений мыслителя о чудесах. Автор ставил перед собой задачу провести детализированный анализ первой части главы «О чудесах» [8, с. 109 — 117], содержащей основные теоретико-методологические положения принадлежащей шотландскому философу концепции чудес.

На основе проведённого анализа выявлена специфика воззрений Юма о чудесах, воплощённая в их органичной неоднозначности. Это подтверждается целым рядом обстоятельств. Во-первых, из вступительных замечаний к главе явствует, что Юм замыслил не только разоблачить ложные чудеса, но и очистить сложившиеся у людей взгляды о чудесах от «суеверных заблуждений» [8, с. 110]. Скорее всего, Юм не отрицал того, что чудеса возможны, т. к. в рассматриваемом тексте он дважды дал определение чуда. Чудо, признан в первом случае Юм, представляет собой «нарушение законов природы». А оно не происходит когда и где угодно и это подтверждается опытом [8, с. 115]. Поэтому, уточнил он во втором случае, что чудо есть такое «нарушение закона природы», которое происходит или по особому велению «божества», или при вмешательстве «какого-нибудь невидимого деятеля» [8, примеч. *, с. 116].

Во-вторых, сформулированные Юмом определения чуда, а также приводимые им в проанализированном фрагменте доводы и примеры достаточно убедительно свидетельствуют о том, что он едва ли сомневался в истинности, по меньшей мере, чудес Священного Писания. Но, ясно, что Юм был категорически против того, чтобы люди относились к этим чудесам как к некоей норме религиозной жизни, на основе которой допустимо выводить опыт последующего сотворения или восприятия чудес. Вероятно, как раз для придания большей убедительности своей позиции по данному вопросу, он и обратился в начале первой части главы к импонирующим ему критическим замечаниям Дж. Тиллотсона в адрес доктрины «реального присутствия». Как можно догадаться, Юм был согласен с Тиллотсоном, говорившим, что по всеобщему признанию «авторитет» Священного Писания и Священного Предания держится лишь «на свидетельстве апостолов, видевших своими глазами чудеса» Спасителя [8, с. 109—110].

Однако, по разделяемому Юмом мнению Тиллотсона, «никто не может относиться с таким же доверием к свидетельству последних

[апостолов и их учеников — В. Я.], как к непосредственному объекту своих чувств» [8, с. 110]. Юм давал понять, что своё отношение к чудесам людям лучше выстраивать в соответствии с «аргументом», который Тиллотсон предложил использовать для критики доктрины «реального присутствия». А именно: даже если эта доктрина выводится из Священного Писания, она «противоречит свидетельству наших чувств», тем более что ни Священное Писание, ни Священное Предание «не обладают очевидностью этого свидетельства» [8, с. 110]. Складывается устойчивое впечатление, что Юм как бы предлагал читателям попробовать применить тезисы «аргумента» и «аргумент» Тиллотсона в анализе чудес, известных из священной и светской истории.

В-третьих, в рассматриваемом тексте всё достаточно определённо указывает на то, что в центре внимания Юма находились проблемы достоверности встречающихся в светской истории свидетельства о чудесах и, собственно, истинности чудес, удостоверяемых теми свидетельствами. Используя дискурс изложенных Юмом тезисов к «аргументу» и «аргумента» Тиллотсона, а также рассуждений Юма об опыте и свидетельстве людей, мнение его самого по этим проблемам допустимо реконструировать так: если уж в чудеса Христа нам остаётся только верить, ибо люди не могут, не поправ правил «здорового рассудка» [8, с. 110], признать «очевидность» свидетельств апостолов и их учеников о Его чудесах, то «очевидность» иных свидетельств об иных чудесах, как и «очевидность» последних, должна вызывать ещё больший скепсис.

И вообще, по признанию Юма, раз «общее правило гласит, что нет доступной нашему наблюдению связи между объектами», то и «связь» «людских свидетельств» «с любым явлением... так же мало необходима, как и всякая другая» [8, с. 112]. Кроме того, не суть важно, будет ли «доступно наблюдению людей» истинное чудо [8, примеч. *, с. 116]. Впрочем, Юм нисколько не сомневался, что ложные чудеса могут быть легко разоблачены с опорой на опыт и, в конечном итоге, с помощью найденного им «аргумента» [8, с. 110, 116], положенного в основу его же правила отвержения большего чуда при сравнении чуда — «показания свидетеля» и чуда — явления, якобы зафиксированного свидетелем [8, с. 117]. Как Юм применил все эти теоретико-методологические тезисы в своих толкованиях чудес древней и новой истории покажет анализ второй части его главы «О чудесах».

Список литературы:

1. Габинский Г.А. Теология и чудо. Критика богословских концепций. — М.: Мысль, 1978. — 280 с., 8 л. ил.
2. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Западноевропейская философия 18 века. — М.: Мысль, 1986. — 400 с.
3. Михаленко Ю.П. Философия Д. Юма — теоретическая основа английского позитивизма XX века. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 152 с.
4. Нарский И.С. Давид Юм. — М.: Мысль, 1973. — 180 с.
5. Нарский И.С. Философия Давида Юма. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 358 с.
6. Роговин С.М. Деизм и Давид Юм: Анализ «Диалогов о естественной религии». — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2007. — 89 с.
7. Твердовская Н.В. Философская рефлексия чуда в контексте европейской рациональности : автореф. дис. ...канд. филос. наук. — СПб, 1996. — 19 с.
8. Юм Д. Исследование о человеческом познании / пер. с англ. С.И Церетели // Сочинения: в 2 т. / под общ. ред. и с примеч. И.С. Нарского. — М.: Мысль, 1965. — Т. 2. — С. 109—135.

СЕКЦИЯ 3.4.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ НРАВСТВЕННОСТИ ИММАНУИЛА КАНТА НА ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Локтева Рузалия Шайхулловна

*аспирант Нижневартковского ГГУ, преподаватель профессионального
колледжа, г. Мегион*

E-mail: ruzalia.lokteva@yandex.ru

*Есть два чуда — звёздное небо над нами
и нравственный закон внутри нас
Иммануил Кант*

В системе человеческих ценностей нравственность занимает особое место. Моральное сознание определяет поведение людей, их взаимоотношения — межличностные, групповые, социальные. Нравственный критерий можно применить в качестве оценочного основания ко всем областям человеческой деятельности. Нравственность — это своего рода норма, идеал жизненного общежития людей.

Появление морали (нравственности) сложно переоценить. Любая форма человеческой деятельности нуждается в нравственных критериях оценки, отсутствие таких критериев или несоответствие им может свести к минимуму самые большие успехи практической и научной деятельности.

Анализируя теоретические и практические работы философов и педагогов, занимавшихся проблемой нравственности, пристального внимания заслуживает деятельность одного из величайших умов человечества, основоположника немецкой классической философии Иммануила Канта (1724—1804). Думается, что в настоящее время многие идеи мыслителя относительно нравственного воспитания не утратили своей ценности, сохраняя актуальность и статус истины.

Нравственные представления личности, сформировавшиеся на протяжении веков, находят своё отражение в таких категориях, как

добро и зло, совесть, долг, справедливость, любовь, счастье, смысл существования, а также в моральных принципах и нормах, которые координируют отношения между людьми. Идеи нравственного становления личности неотделимы от существования самого человека. Подтверждением тому является высказывание Канта: «Среди наших понятий ... понятие нравственности важнейшее».

Каким образом идеи нравственности философа влияют на процесс воспитания современного подрастающего поколения? Во-первых, в центре внимания И.Канта находится *человек* и философствование он начинает с вопроса: что я могу знать? По сути, Кант начинает не с вопроса о бытии (антология), а с анализа познавательной деятельности человека. Такой подход называется в философии гносеологическим (греч. «гносис» — знание).

Интересен тот факт, что Кант ввёл в план нравственного сознания требование всеобщего равенства, выдвинул *идеи самоценности* каждой личности, автономности человеческой воли, признавал абсолютные нормы, присущие субъекту нравственного самосознания. В труде «Элементарное этическое учение» (1779) изложил основы своих педагогических взглядов.

Разрабатывая проблемы самосознания и социальной педагогики, Кант исходил из тезиса о *воспитуемости человека*. Для него обучение и воспитание — средства, которые выводят человека из состояния животного, делают его разумным и моральным существом, приобщают к культуре, социальной дисциплине и свободе, позволяют бесконечно совершенствовать природу человека.

Особое место в философии Канта уделяется морально-волевой закалке, воспитанию общечеловеческих и нравственных качеств, готовности к труду, развитию самообладания, самостоятельности, ответственности. Он выступает за широкую опытную работу в образовании и воспитании и его идеи становятся одним из источников реформирования педагогической теории и систем образования в странах Европы первой половины XIX века.

Человек — единственное живое существо, которое подлежит воспитанию. Под воспитанием понимается уход (попечение, содержание), дисциплина (выдержка) и обучение вместе с образованием. Благодаря воспитанию человеческая природа развивается лучше и ей можно придавать такую форму, которая бы соответствовала идеалу человечности. Кант отмечал, что «в человечестве заключено много задатков, и наша задача — пропорционально развивать природные способности и раскрывать свойства человека из самых зародышей, делая так, чтобы человек достигал своего назначения». Человек должен не

только быть пригодным для различных целей, но и вырабатывать такой образ мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели (такие цели, которые одобряются всеми и могут быть, в одно и то же время, целями каждого). Всеобщий закон нравственности возможен и необходим по Канту.

Педагогика, или искусство воспитания, делится на *физическую и практическую*. Физическое воспитание сообразно животным — питание. Воспитание практическое (моральное) должно образовывать человека, чтобы он мог жить как свободно действующее существо. Воспитывать — значит воспитывать личность, которая свободно действует, может оберегать себя самого и стать членом общества, найти своё место в социуме, а также имеющую свою внутреннюю ценность в своих собственных глазах.

По мнению Канта воспитание состоит из:

- 1) *школьно-механического* образования (приобретение умения, почему оно и имеет дидактический характер (наставник);
- 2) *прагматического* (достижение разумности — воспитатель);
- 3) *морального* (нравственность)

Очень важно, чтобы дети научились работать. Должно быть время на отдых, но и должно быть время для работы. Волю детей следует не ломать, а только направлять. *Моральная культура* должна основываться на принципах. Необходимо, чтобы ребёнок привыкал действовать по принципам, а не по каким-либо влечениям. Главная задача при моральном воспитании — выработать характер. Характер — это способность действовать по принципам. Сначала это будут принципы школы, затем принципы общества как такового.

Все расчёты: как воспитывать детей? К чему готовить их? На что направить труд взрослых? Чем занять их досуг? Всё это должно выводиться только из требований нравственности. Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать. По мнению Канта, механизм в искусстве воспитания должен превратиться в науку, в противном случае оно никогда не станет осознанным стремлением и одно поколение сможет ниспровергнуть то, что успело воздвигнуть другое. Принцип *искусства воспитания* гласит: дети должны воспитываться не столько для настоящего, сколько для будущего.

Нравственность относится к характеру. Характер состоит в твёрдой решимости хотеть что-либо делать, а затем и в действительном исполнении предположительного.

В современной педагогике образованным считается не лицо с высшим образованием, изучившее основы наук, а *нравственная*

личность, привыкшая к постоянной работе над собой, способная к самостоятельному компетентному и ответственному действию. При поиске ответов на многие вопросы воспитания, образования, развития человека, педагогическая наука оказывается в тесном диалоге с философией, которая требует специфической переработки, чтобы стать творчески-продуктивной основой педагогической теории. Философия помогает нам в деле целостного понимания изменений, происходящих в социокультурной среде, с целью обретения человеком устойчивости в постоянно меняющемся мире.

По мнению Канта, «каждый человек, независимо от его положения в обществе, должен поступать так, чтобы этот поступок могли совершить и все другие, ... чтобы воля индивида могла стать всеобщим законодательством». Таким образом, многие идеи И.Канта остаются актуальными и в настоящее время. Говоря о личностно-ориентированном, компетентностном подходе в воспитании и образовании, мы не можем забывать именно о *личности*.

Отдельного внимания педагогов заслуживает идея о *продуктивной способности воображения*. Если ребёнок в детстве желает что-либо сделать самостоятельно (помыть посуду, убрать по дому и т.п.), нельзя отказывать ему в этом.

Сложно провести грань, разделяющую время на две неравные части: до и после возникновения нравственности. Ещё труднее определить сам момент озарения человечества светом нравственных представлений. Становление — это всегда процесс. Становление моральных представлений, норм, принципов, традиций, ставших первоначально единственным регулятором человеческих отношений, — длительный, сложный и противоречивый процесс.

Список литературы:

1. Голубинцев В.О. Философия науки / В.О. Голубинцев, А.А. Данцев, В.С. Любченко. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 541 с.
2. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. — 495 с.
3. Дубровский Д.И. Проблема добродетельного обмана, Кант и современность. <http://www.vphil.ru>
4. Значение идей нравственного воспитания И. Канта. turkmanspas.ru.>index.php
5. История философии: учебник для высших учебных заведений/под ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева.-Изд. 6-е. — Ростов-н/Д: Феникс, 2008. —731 с.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: 1999. — 824 с.

7. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 519 с.
8. Малышевский А.Ф. Мир человека: Учеб. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1997. — 399 с.
9. Соломатин В.А. История науки. Учебное пособие. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 352 с.
10. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Т.1. Зарубежная история/Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. М.: Народное образование, НИИ школьных технологий, 2007. — 304 с.
11. Этика Канта. [ref.by>refs 90/39933/1.html](http://ref.by/refs/90/39933/1.html)

СЕКЦИЯ 4.1.

ИСТОРИЯ РОССИИ

РАСКАЗАЧИВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО — ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Данилкин Олег Иванович

*учитель истории, МОУ «Средняя общеобразовательная школа №2
г. Нариманов», Астраханская область, г. Нариманов*

E-mail: tzaplina@mail.ru

Проблемы истории казачества всегда интересовали общественность, особенно в последнее 10-летие, но, чаще всего, эта тема ограничивается дискуссиями, в которых объективной оценки, как таковой, нет. В ряду трагических страниц истории России XX века судьбе казачества принадлежит далеко не последнее место. Этот драматизм историки и публицисты обозначили терминами «расказачивание», «крестная ноша», «геноцид» и др [5, с. 27].

Опытные историки с осторожностью отнеслись к употреблению термина «геноцид» (в переводе с греческого — «уничтожение рода, племени»), а некоторые, например, П.Г. Чернопицкий, стали активно выступать против него [5, с. 119].

Предметом специального исследования тема стала лишь в 60-е годы. Качественно новый уровень имели труды К.А. Хмелевского. Заговорили осторожно, однобоко, с оглядкой. Термин употреблялся, как правило, в кавычках, с нередким добавлением «так называемое». Местные партийные и советские органы на Дону в работе с казачеством сделали упор на усиление репрессивных мер ко всем казакам, выступавшим ранее против советской власти. Такая линия являлась ошибочной, т.к. не учитывала начавшегося перелома в настроении средняцкого казачества...».

Споры о казачестве идут с момента его возникновения до сегодняшнего дня [1, с. 372]. Меняются их уровни и степень остроты, но существуют они с давних пор, временами обостряясь и затухая. Об этом свидетельствует и богатая историография по истории казачества. В 1917–1920 гг. в казачестве налицо были две составляющие, отличавшие его как особый феномен в российской и мировой

исторической палитре. Как они были соотнесены между собой, что представляли из себя по отдельности и можно ли по ним рассматривать казачество как нацию и народ, — вот те аспекты, по которым сейчас идут споры и ведутся поиски политических решений.

Историографическая ситуация стала меняться во второй половине 80-х годов, в первую очередь благодаря публикациям Венкова А.В. и А.И. Козлова. Упомянутые авторы не только ввели в научный оборот обширный фактический материал о Вешенском восстании, но и попытались связать политику (а не «увлечение»!) рассказывания с «военным Коммунизмом» и ориентацией большевиков на скорую мировую революцию [1, с. 48].

Первые дискуссии историков о рассказывании, его хронологических рамках, соотношении процесса рассказывания с репрессиями, геноцидом развернулись на конференции в Нальчике в 1990 г. Короткая дискуссия свидетельствовала лишь о первых, весьма робких, попытках историков выйти за рамки привычных стереотипов. Большинство выступавших оправдывало политику террора, не соглашалось с антиказачьим характером политики большевиков после гражданской войны [4, с. 79].

Определенные результаты в познании проблемы есть. Однако этапы рассказывания изучаются неодинаково. Если наиболее трагичный период, связанный с событиями на Дону, привлек пристальное внимание историков, то другие хронологические отрезки времени исследуются хуже [4, с. 262]. Нас интересует само понятие рассказывания, адекватность его реальным событиям на каждом историческом этапе. И, наконец, никто из историков не назвал начальных и конечных границ рассказывания. Если его начало обозначить сравнительно нетрудно, то с конечной датой дело обстоит сложнее. Что осталось от казачества как этнической группы после коллективизации и раскулачивания? Что означала статья в «Правде» о «советском казачестве», опубликованная в 1936 году? Перечень вопросов можно продолжить, но поищем на них ответы.

В истории рассказывания специалисты выделяют несколько этапов: конец XIX — начало XX века; революция и гражданская война; «нэповское» время; наконец, «великий перелом» начала тридцатых. Каждый из этапов нуждается в осмыслении, в первую очередь сквозь призму социального статуса казака. В своих рассуждениях обратимся к материалам Кубанского региона — наиболее «казачьего». Казачество не гибло, но превращение из замкнутого в «открытое» сословие пугало казачьих идеологов. Кроме того, оно вскрывало старые болячки, когда за внешними «вольностями», проповедуемой монолитностью,

братством и равенством выходило наружу бесправие рядового казака. Об этом говорил на заседании первой Государственной думы писатель Ф.Д. Крюков: «...казак, и находясь в казармах, и находясь дома, должен, прежде всего, помнить, что он не человек в общепринятом высоком смысле слова, а нижний чин, только нижний чин, так называемая «серая святая скотина». И далее: «Казак не имеет права войти в общественное помещение, где хотя бы случайно был офицер; старик казак не может сесть в присутствии офицера, хотя бы очень юного; казак не имеет права продать свою лошадь, не спросясь начальства, хотя бы эта лошадь пришла в совершенную негодность; но зато казак имеет право быть посаженным на несколько дней в кутузку за не вычищенные сапоги или запыленное седло». Казачество болезненно реагировало на перемены. Но в процесс перемен была вовлечена вся Россия. Казачество не только было сбито с нейтральных позиций, но оказалось в подавляющем большинстве в белом лагере. Психология «триумфального шествия» логически привела большевиков к войне с крестьянством, и особенно с казачеством [1, с. 573].

Следует отметить, что за последние десять-пятнадцать лет появилось огромное количество исследований по истории казачества, а за истекшие пять лет выход литературы принял лавинообразный характер. Литература о казачестве — историко-философская, экономическая, публицистическая, художественная — если не вся, то в большинстве своем несет печать той политики и идеологии, в условиях господства которых она создавалась. И это относится к литературе не только советского периода.

Характер литературы о казачестве предопределен той непрерывной борьбой, в эпицентре которой часть не по своей воле оказывались казаки. Поэтому она отражает ярость и победителей, и побежденных. Однако, досоветской литературе присуща более разнообразная палитра красок. С рокового же 1917 г. казаки раскололись. И гамма цветов свелась к двум — белому и красному.

Сегодня, анализируя казачью историографию, нельзя не обратить внимание на ту литературу, которая в последние несколько лет появилась в печати. Во-первых, бросается в глаза «заданность» изданий, диктуемая не только коммерческими соображениями, но и социальным заказом господствовавших режимов. Смысл его — «оседлать» казачество ради достижения своих целей. Во-вторых, не всегда учитывается, что такая литература, имея научную ценность, в значительной мере утратила свою значимость, так как вырвана из контекста исторического потока. В-третьих, эта литература формирует представления современного читателя о прошлом казачества, но в

деформированном виде, когда утрачивается противоречивость, сложность прошлого, и оно выступает упрощенно и примитивно. В четвертых, носитель столь ущербных знаний стремится переделать окружающий мир по собственному подобию, питает экстремизм, насилие, разбой [3, с. 13].

С вступлением России, казачьих регионов в том числе, в эпоху развития товарно-рыночных отношений в казачестве, как и в других сословных группах, начался процесс дифференциации. «Разгораживание» сословных границ не затрагивало этнических признаков казачества. Процесс шел достаточно органично, однако, он был прерван мировой войной и большевистской революцией.

Отменив сословия, большевики повели с казачеством сначала войну, а затем, отступив в нэпе, политику по превращению казаков в крестьян («советских казаков»). Но крестьяне как самостоятельные товаропроизводители воспринимались как «последний эксплуататорский класс», мелкая буржуазия, рождающая «ежедневно, ежедневно» капитализм. Поэтому на рубеже 20—30-х годов большевики осуществили «великий перелом», «раскрестьянив» крестьянскую Россию. Вместе с миллионами крестьян погибли или стали колхозниками уже расказаченные казаки. Итак, путь казачества от сословности к бессословности, пролежавший через дифференциацию, стратацид, окрестьянивание к «социалистическому классу» — колхозникам, оказался поистине крестным путем [2, с. 87].

Остатки дорогой каждому этнической культуры казаки запрятали поглубже в душу. Построив таким образом социализм, большевики во главе со Сталиным вернули некоторые внешние атрибуты казачьей культуры, главным образом те, которые могли поработать на державность. Аналогичное произойдет и с церковью. Так завершился процесс расказачивания, в котором переплелись различные факторы, превратив его в сложную социально-историческую проблему, требующую внимательного изучения.

Список литературы:

1. Гордеев А. История казачества. — М.: Издательский дом «Вече», 2008. — 640 с.
2. Губарев П., Скрылов А. Энциклопедия казачества. — М.: Издательский дом «Вече», 2007. — 544 с.
3. Козлов А.И. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. /Отв.ред.д-р ист.наук А.И. Козлов -. Ростов н/Д: Изд- во Рост.ун-та,1995. — 574 с.

4. Савельев Е.П. Древняя история казачества. — М.: Издательский дом «Вече», 2010. — 480 с.
5. Смирнов А.А. Казачьи атаманы. — Спб.: Издательский дом «Нева», Олма — Пресс, 2002. — 544 с.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ НОВЫМ ПЕРЕДЕЛОМ МИРА

Ковшикова Галина Александровна

к. фил. н., Институт бизнеса и права, г. Череповец

E-mail: kovshig@rambler.ru

В различные периоды исторического развития всегда появлялось обостренное внимание к событиям прошлого, стремление истолковать их с учетом нового видения и попытаться приспособить к интересам решения назревших социально-политических проблем, так как история — это в определенном смысле политика, опрокинутая в прошлое. Во всяком случае, все крупные историки не только описывали прошлое, но и стремились делать из него выводы и извлекать уроки для современности и будущего, размышляя о судьбах Отечества, задачах государства, историческом сознании граждан.

В течение нескольких десятилетий отечественная история пересматривается и переименовывается, чтобы дискредитировать Великую Победу и придать этому процессу историческую опору. После завершения Второй мировой войны ее события и уроки не раз подвергались различным фальсификациям политическими и военными руководителями Запада, многими историками-приверженцами идеи «холодной войны», бывшими немецкими генералами и т.д. После распада СССР не обошли тему войны, причём в негативном для него плане, и многие исследователи и СМИ Запада. Волна «новых трактовок» захлестнула общественное сознание не только постсоветских республик, но и самой России, где появились свои фальсификаторы. При этом основной удар наносится по сознанию молодежи.

Ведется активный поиск правды о войне, но вместо этого плодятся ложь и новые мифы. Особенно это касается предыстории войны, в которой существуют грандиозные нагромождения фальсификаций и

основное направление их связано, прежде всего, с определением главного виновника в развязывании Второй мировой войны.

Главным виновником Второй мировой войны, с одной стороны, «назначается» Гитлер, а с другой стороны, СССР обвиняют в сговоре с гитлеровской Германией в 1939 году, а также объявляют виновником и зачинщиком Второй мировой войны. Так, многие западные историки исходят из решающей роли Гитлера в развязывании Второй мировой войны. Эта точка зрения приводится в мемуарах генералов вермахта, которые в своих послевоенных мемуарах стремились снять вину с германского генштаба и всего немецкого генералитета. Фельдмаршал Манштейн, например, уверял, будто целью генштаба в 1918—1930 гг. было не ведение наступательной или реваншистской войн, а восстановление безопасности государства [1].

Другим виновником и зачинщиком Второй мировой войны считается И.В. Сталин. Так, Международный фонд «Демократия» издал сборник важнейших документов за 1941 год. В предисловии к его первому тому говорится, что никакой внезапности не было, и И.В. Сталин имел точные данные о готовившемся нападении, но пренебрег ими. Как отмечалось в различных публикациях, И.В. Сталину назывались разные сроки гитлеровского нападения (15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня). Сроки проходили, а нападения не было. Но обстановка накануне нацистской агрессии была значительно сложнее.

Известно, что до заключения советско-германского пакта о ненападении Германия в марте 1938 г. захватила Австрию, а в сентябре того же года в результате политики западных демократий по подталкиванию Гитлера на Восток состоялся Мюнхенский договор. Гитлеру была отдана Судетская область Чехословакии. Польша, воспользовавшись специально включённым пунктом об урегулировании проблемы польских и венгерских меньшинств Чехословакии, 1 октября 1938 г. захватила входившую ранее в состав Чехословакии Тешинскую Силезию. Венгрия оккупировала юг Словакии. Своим поведением тогдашние правители Польши и Венгрии способствовали ликвидации Чехословакии, окончательный захват которой был осуществлён весной 1939 г. Тогда же был захвачен и Мемель (Клайпедский край) Литвы. Кроме того, Великобритания, Франция и страны Балтии в 1938 г. подписали с Германией аналогичные пакты о ненападении вместе с секретными дополнительными протоколами [1].

Суть еще одной из известных фальсификаций состоит в том, что в 1941 году готовилось вторжение СССР в Европу, и Германия, для

защиты своей территории и других западных государств, была вынуждена начать войну против СССР. Как пишет в своей статье А. Барутин, версия была сфабрикована «нацистской пропагандой и запущена 22 июня 1941 г. в заявлении германского посла Шуленбурга, переданном Советскому правительству, и в меморандуме, врученном Риббентропом в этот же день советскому послу Деканозову в Берлине уже после вторжения». Этот миф о «превентивном нападении» был разоблачен ещё на Нюрнбергском процессе. Бывший руководитель германской прессы и радиовещания Фриче признал, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а СССР» [1].

Анализ документов и конкретной деятельности высшего советского руководства перед немецким вторжением свидетельствует, что в этот период планов ведения «превентивной войны» у СССР не было. В приказах и оперативных планах западных приграничных военных округов 1941 года с 1937 г. по 21 июня 1941 г. не содержится и намёка на подготовку к нападению на Германию. Ведь такая подготовка в действительности, она неизбежно отразилась бы на постановке задач войскам, планировании боевой подготовки. Тем не менее, руководство страны понимало, какое значение имеет овладение стратегической инициативой в начале войны, и заместителем начальника оперативного управления Генерального штаба А.М. Василевским был написан документ «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», который должны были подписать народный комиссар обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков. Эти «Соображения...» ряд историков в течение нескольких лет пытаются интерпретировать как программу нападения СССР на Германию (так, в книге Резуна-Суворова даже называется точная дата нападения СССР на Германию — 6 июля 1941 года.). Но, как пишет В. Кожин, в самом заглавии «Соображений...» говорится о «плане стратегического развертывания» не для войны с Германией, а «на случай войны с Германией». В четвертом абзаце документа об этом сказано еще более ясно: «...в случае нападения на СССР...». А в конце документа сказано с полной определенностью, что при «ударе противника» следует «прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление» [3]. Как следует из «Соображений...», СССР смог бы подготовиться к войне не раньше начала 1942 года. Именно не раньше 1942-го года ожидалось нападение Германии еще и в связи с тем, что

она, учитывая уроки войны 1914—1918 годов, не станет воевать на два фронта, а нападет на СССР только после победы над Великобританией, с которой находилась в состоянии войны с 3 сентября 1939 года.

Один из самых распространённых на сегодня чёрных мифов о нашей истории — это миф о непомерной цене Победы. Несостоятельными оказываются разговоры о том, что СССР якобы завалил немцев своими трупами. Советские военные потери соотносятся с германскими как 1,3: 1 и то в основном за счет истребления более 2,5 млн. военнопленных советских солдат в фашистских лагерях. В начале войны наша армия действительно понесла тяжелые потери, но в последствии она одержала множество выдающихся побед. Вспомним Сталинградскую наступательную операцию — 22 немецкие дивизии и 8 румынских были ликвидированы, и плюс огромные потери немецкой армии вне котла. А в 1944 году нашими войсками был проведён ряд блестящих стратегических наступательных операций, известных под названием «Десяти сталинских ударов 1944 года». Нельзя забывать о Берлинской операции — когда ценой жизни 78 000 наших воинов была ликвидирована более чем миллионная немецкая группировка. Берлинская операция — это удар, закончивший войну.

Таким образом, искажается не только сама история Второй мировой войны, но и дискредитируется Великая Победа. Для оправдания концепции, согласно которой все страны и народы должны жить под эгидой какой-то одной сверхдержавы, нужна переименованная история, которая призвана внушить людям, что, если в прошлом у России ничего, кроме поражений и позора, не было, она не может рассчитывать ни на что ни сегодня, ни в будущем. Причем вся эта информационная диверсия осуществляется под предлогом поиска «правды» о войне. Но вместо этого плодятся ложь и новые мифы.

Список литературы:

1. Барутин А. Атака на Победу.//Российская газета. — №4963 (139). — 30.07.2009г.
2. Гареев М.А. История Великой Отечественной войны: предотвратить ее искажение и фальсификацию.//Военно-исторический журнал. — №11. — 2006.
3. Кожин В. Миф о 1941-м годе.//Завтра. — №4 (373) — 23.01.2001.
4. Лосев И. Кто и почему сегодня опасается правдивой истории Второй мировой войны?/ <http://www.day.kiev.ua>.

5. Шульга Е. «Непереписанная» история о «неизвестном» премьере. Пламенным борцам против «фальсификации истории» посвящается./ <http://discussiya.com/2009/09/17/true-history>.

ИЗ ИСТОРИИ НОВНИКОЛАЕВСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (1917–1920 гг.)

Кочурина Светлана Анатольевна

*доцент, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории и
культурологи, Томский государственный педагогический университет,
г. Томск*

E-mail: svpart@gmail.com

Модернизация всей сферы образования в России в начале XX в., особенно в связи с планами введения всеобщего обучения, по-новому определила задачи и требования к подготовке школьных учителей [1]. В условиях дефицита педагогических кадров министерство народного просвещения (МНП) приступило к изучению вопроса о расширении сети учительских институтов. 24 октября 1912 г. в управление Западно-Сибирским учебным округом поступил запрос из департамента народного просвещения МНП, в котором предлагалось в ближайшее время «...в интересах обеспечения высших начальных училищ достаточным количеством хорошо подготовленных учителей, путем открытия надлежащего числа учительских институтов и правильного распределения их по территории России... разработать вопрос о том, сколько надлежало бы открыть новых учительских институтов в округе, в каких пунктах и по каким соображениям» [14].

Впервые вопрос об открытии третьего по счету учительского института в пределах Томской губернии возник осенью 1911 г. По инициативе попечителя округа Л.И. Лаврентьева было возбуждено ходатайство перед МНП об открытии учительского института в г. Новониколаевске Томской губернии [26]. Идея открыть в городе Новониколаевске новый, третий по счету учительский институт в округе была не случайной. Появление Новониколаевска было связано со строительством Транссибирской железной магистрали, что обусловило его быстрое развитие. Темпы экономического и демографического роста города к началу второго десятилетия XX в. превысили другие быстрорастущие промышленные центры Сибири. С каждым годом он приобретал все большее торгово-экономическое

значение в регионе, в то время как количество образовательных учреждений здесь сохранялось незначительным. В то же время власти города, заинтересованные в открытии новых учебных заведений, были готовы предоставлять значительные материальные содействия развитию образовательной сферы.

Уже в сентябре 1911 г. из министерства народного просвещения было получено «принципиальное согласие» на учреждение учительского института в Новониколаевске, при условии, что город окажет в этом вопросе материальную поддержку. На заседании 18 октября 1911 г. городская дума признала, что открытие института «было бы очень ценным приобретением для города» и постановила: во-первых, «предоставить в бессрочное и безвозмездное владение и пользование МНП городской участок земли в центре города на бывшей Андреевской площади, размером в 1920 кв. саж., для постройки на нем здания учительского института на средства казны». Во-вторых, было решено «пожертвовать на постройку института один миллион кирпича с собственного кирпичного завода». И, наконец, городские власти решили ассигновать 5000 рублей ежегодно «на наем соответствующего учебным целям помещения для института и городского при нем училища впредь до постройки собственного здания института на средства казны», а также «предоставить в распоряжения нового учебного заведения участок земли в центре города» [4].

В короткие сроки учительскому институту было подобрано временное помещение — частный дом Федорова, расположенный в центральной части города. На основании решений городской думы городской голова В.И. Жернаков составил соответствующее представление в МНП о Новониколаевске как городе, имеющем все «преимущества дешевой и здоровой жизни», и готовом взять на себя необходимые расходы для обеспечения нового учебного заведения [11].

Несмотря на готовность города взять на себя значительные расходы на содержание учительского института, вопрос об учреждении третьего учительского института в Западно-Сибирском учебном округе затянулся на несколько лет. Во-первых, быстрому решению вопроса помешала начавшаяся Первая мировая война. Во-вторых, к 1916 г. МНП признало, что приоритетным для округа является открытие учительского института в Тобольской губернии. Удаленность и обширные территории этого региона требовали создания здесь собственной базы педагогического образования, поскольку, темпы развития школьной системы губернии были одними из самых высоких за Уралом.

Все же открытие института в городе Новониколаевске сохраняло актуальность и уже в конце 1916 г. МНП включило его в план развития сети учительских институтов. 8 июля 1917 г. министром народного просвещения было подписано постановление об открытии в Новониколаевске четвертого по счету в Западной Сибири учительского института [25]. Директором института был назначен известный педагог, историк Александр Константинович Волнин.

Новониколаевский учительский институт (НУИ) начал функционировать в условиях реформирования педагогического образования. В июне 1917 г. Временное правительство сделало первые, долгожданные шаги на пути реорганизации педагогических учебных заведений — учительских семинарий и учительских институтов. Постановлением МНП от 13 июня 1917 г. выпускникам учительских институтов было предоставлено право поступления в университеты. Постановлением Временного правительства от 14 июня 1917 г. в институтах вводилась специализация подготовки по трем направлениям — словесно-историческому; физико-математическому; естественноисторическому и географическому. Закон от 17 июня 1917 г. повышал статус учительских институтов до уровня «выше среднего» учебного заведения. Соответственно законом повышались требования к абитуриентам. Теперь в первый класс института полагалось принимать лиц со средним или специальным педагогическим образованием, к тому же, имеющих учительских стаж не менее двух лет. К обучению в учительских институтах допускались женщины [8].

Решение наиболее важных вопросов реформы педагогического образования МНП предоставило Первому Всероссийскому съезду представителей учительских институтов, проходившему с 5 по 11 августа 1917 г. в Петрограде. Съезд должен был решить вопрос об изменении штата сотрудников и положения воспитанников, содержания обучения, разработки учебных программ и планов в соответствии новым статусом и ряд других остро стоявших вопросов. В работе съезда приняли участие делегаты всех учительских институтов России. Среди них присутствовал директор Новониколаевского учительского института А.К. Волнин, который на заседании 8 августа представил доклад с заключением специальной комиссии по одному из ключевых вопросов — «о постановке преподавания педагогических дисциплин в реформированных учительских институтах» [5].

В связи с преобразованием учительских институтов и необходимостью внести изменения в условия и правила приема абитуриентов, сроки вступительных экзаменов во всех учительских

институтах были перенесены на август-сентябрь 1917 г., а начало учебного года на сентябрь — октябрь. В течение всей осени в канцелярию, располагавшуюся на квартире директора по адресу Асенкритовская 23, д. Винокурова, поступали прошения о зачислении на первый курс. К этому времени в институте еще оставались вакантные места. В связи с огромным объемом организационных работ, в условиях слабости коммуникаций и материально-бытовых сложностей Новониколаевский учительский институт произвел вступительные экзамены с большим опозданием. Занятия в институте начались только со второй половины учебного года.

После проведения вступительных экзаменов 1917 г. педагогические коллективы взялись за пересмотр условий работы и учебных программ учительских институтов. В соответствии с разработанными на Всероссийском съезде представителей учительских институтов 1917 г. положениями, в жизнь институтов были введены новые демократические принципы управления учебными заведениями и комплектации состава преподавателей.

Съезды преподавателей и слушателей учительских институтов Сибири весной и летом 1918 г. подвели итоги первого года реформы. Обмен опытом работы позволил преподавателям и директорам институтов сделать оптимистические выводы и жизнеутверждающие прогнозы на будущее. В целом, коллективы учительских институтов признавали, что реформа проходила «по нормальному пути». По мнению А.К. Волнина, реформированные учительские институты являлись «подлинно демократическим учебным заведением» и были поставлены «в большее соответствие задачам правильной подготовки учащихся», чем ранее [9, л. 38 об, 39.].

Для успешного осуществления реформ требовалось увеличение материального и финансового обеспечения. Содержание дореформенных учительских институтов в соответствии со штатным планом 1872 г. обходилось в 32—38 тыс. р. в год. Смета реформированных учительских институтов, по мнению директоров, должна была составлять около 90—100 тыс. р. [9, л. 40.]. В условиях реформы право составления сметы на текущий учебный год МНП предоставило самим учительским институтам, а их утверждение должно было проходить в центральном ведомстве. Однако в политических условиях 1917 г. финансирование учительских институтов было нестабильным. Кредит на содержание Новониколаевского учительского института был отпущен министерством лишь в начале октября 1917 г. [24]. Смета на 1918 г. не

была утверждена и суммы на содержание западносибирских институтов перечислены не были [17, л. 67].

С установлением Временного Сибирского правительства, учрежденный при нем отдел народного образования принялся за составление сметы учительских институтов на второе полугодие 1918 г. Временное Сибирское правительство предлагало на содержание учительских институтов, хозяйственные расходы и наем помещений исходить из суммы в 100 тыс. р. в год. Причем на Новониколаевский учительский институт, как только что открывшийся и не имеющий полного состава слушателей, — 85 тыс. р. Насколько регулярно выделялись средства на содержание учительских институтов судить сложно. Известно, что финансовые проблемы учительских институтов сохранялись на протяжении всего периода с 1918 по 1920 гг. Крайне тяжелым материальное положение институтов делала, в первую очередь, инфляция.

Тяжелых сохранялось материальное положение преподавателей и студентов. Министерство народного просвещения Временного сибирского правительства уравнило оклад преподавателей учительских институтов и средних учебных заведений. Однако установленная законом учебная нагрузка лектора учительского института была на $\frac{1}{2}$ меньше, чем преподавателя средних учебных заведений. Как пояснялось, указанные различия были вызваны большим уровнем ответственности, значительными затратами времени на работу со студентами и разбор пробных уроков преподавателями учительских институтов [17, л. 68.]. Однако, ассигнования Временного правительства на зарплату сотрудникам учительских институтов предполагалось из расчета на 130 часов в неделю, в то время как Временное сибирское правительство сократило это количество до 100 часов.

На протяжении 1918—1919 гг. МНП Сибирского правительства под руководством В.В. Сапожникова предпринимало попытки улучшить материальное положение преподавателей учебных заведений. 6 декабря 1918 г. был издан закон «Об улучшении материального положения служащих средних учебных заведений» (в том числе и учительских институтов). Еще один закон от 27 декабря 1918 г. вводил выдачу дополнительных прибавок на дороговизну. Уже после установления Советской власти постановлением Губернского отдела народного образования в январе 1920 г. учительские институты были приравнены к вузам. Лекторы получали зарплату по ставке специальных учебных заведений, что составляло 2160 р. в месяц за 12 ч. Занятий [16].

Стипендии слушателей учительских институтов за 1918 — 1919 гг. в результате инфляции были крайне незначительными, даже с учетом их повышения. По данным на сентябрь 1918 г. они составляли 50 р. в месяц, а в конце 1919 г. казенная стипендия увеличилась до 75 р. в месяц [10].

С открытием Новониколаевского учительского института его временно разместили в помещении реального училища, в самом центре города — на углу Николаевского проспекта и Воронцовской улицы. Министерство предоставило институту средства на съем и оборудование помещений в размере 19 470 р. [7] Поскольку нормальное финансирование учебных заведений в конце 1917 г. было нарушено, первое время институт фактически оставался без средств к существованию. Директор института А.К. Волнин возлагал особые надежды на помощь местных органов самоуправления. Особое внимание уделялось вопросу о начале строительства собственного корпуса на отведенном институту в 1911 г. участке городской земли. Город отказался взять на себя содержание института, «в виду переживаемого финансового кризиса» [9, л. 35.].

В предоставленном корпусе институт проработал недолго. Помещение было передано в распоряжение военных. По решению Комиссии по реквизиции помещений в г. Новониколаевске от 20 марта 1919 г. помещение учительского института подлежало реквизиции «в первую очередь». Институту было предоставлено помещение, уступленное правлением «Закупсбыта» [2]. В 1919 г. город передал в распоряжение учительского института бесплатно квартиру с отоплением и освещением [19]. В 1919 г. был официально решен вопрос о кредитовании на строительство корпуса для учительского института. Треть средств на постройку собственного здания учебному заведению должно было предоставить губернское земство, а две третьих — министерство народного просвещения [20]. Из-за сложной политической и экономической ситуации этим планам так и не было суждено осуществиться.

По мере возможностей институт формировал учебно-методическую базу. При составлении примерной сметы на второе полугодие 1918 г. МНП Временного сибирского правительства выделяло средства на библиотеку и учебные пособия института [17, л. 69, 69 об.]. Связи с центральной частью России, где находились магазины учебного оборудования, были прерваны. Ситуация с учебными пособиями была крайне тяжелой. Не существовало даже элементарных приборов и оборудования. Для решения проблемы использовались все возможные способы

пополнения лабораторных кабинетов и библиотеки пособиями — книги и приборы скупались даже с частных рук, с просьбой оказать содействие институты обращались в научные и торговые организации.

Таким образом, возможности учительских институтов для подготовки достаточного числа учительских кадров были ограничены тяжелыми финансовыми и бытовыми трудностями. Однако, несмотря на тяготы гражданской войны, учебный процесс в учительском институте не прерывался, и на учебное заведение возлагались большие надежды. По данным на 1917 г. положение с нехваткой учителей в Западной Сибири складывалось крайне тяжелое. Как отмечал директор НУИ А. К. Волнин, «потребность в надлежаще подготовленных учителях уже и теперь заявляет о себе в сущности не слабее продовольственной нужды, и содействовать удовлетворению ее едва ли не столь же насущная и неотложная задача, как и принимать предупредительные меры против физического голода» [9, л. 39 об.].

Масштабы проблемы хорошо прослеживаются на примере статистических данных развития сети высших начальных училищ за 1918 — первую половину 1919 г. К 1916 г. на всей территории Западно-Сибирского учебного округа насчитывалось 63 высших начальных училища всех типов. А к 1 апреля 1918 г. только в Томской губернии на частные и земские средства было открыто 31 высшее начальное училище [18]. Только в г. Новониколаевске к концу 1919 г. насчитывалось 11 таких учебных заведений, из них 7 были открыты или преобразованы из других типов школ в 1918—1919 гг. [21] К середине 1919 г. в высших начальных училищах г. Новониколаевска обучалось 1259 учащихся [19]. При имевшем место еще до 1917 г. дефиците учительского персонала и стремительном росте количества школ недостаток преподавателей становился катастрофическим.

Несмотря на все сложности организации нового учебного заведения в неблагоприятных условиях военного и революционного времени, работа института постепенно налаживалась. В 1918 г. при Новониколаевском учительском институте была открыта образцовая школа, которая приняла новых учеников [21]. На базе этого училища проходили практику будущие учителя.

Проблему острой нехватки учительских кадров дополнительно предполагалось решать посредством краткосрочных учительских курсов. Съезд представителей учительских институтов в августе 1917 г. определил, что курсы по подготовке учителей II ступени могут открываться только при учительских институтах, так как «такая подготовка может быть правильно поставлено только в специально-педагогических учебных заведениях, предназначенных для этой целей».

Организация курсов представлялась временной мерой, «вследствие громадного недостатка в преподавательском персонале» [15]. С осени 1919 г. подготовку учителей для школ II ступени Томской губернии губернская земская управа планировала осуществлять и при Новониколаевском учительском институте. Но решение вопроса, по заявлению городских властей, тормозилось «отсутствием средств и помещений», так как имеющиеся школьные здания были заняты войсками [19]. На совещании начальствующих средних учебных заведений и заведующих высшими начальными училищами г. Новониколаевска, состоявшемся 30 мая 1919 г. в учительском институте, было решено ходатайствовать «в Омске о возможном освобождении помещений учебных заведений от постоя войск» [13].

Одной из основных задач провозглашенных Советским правительством, с приходом к власти была объявлена борьба с неграмотностью. В основу политики Наркомпроса был положен принцип «единой трудовой школы», который выражал основные политические и идеологические установки новой власти в области образования. Изменения в школьной системе требовали создания специальных педагогических учебных заведений для подготовки учителей нового типа.

В соответствие с разработанной Наркомпросом схемой, высшее педагогическое образование в Советской республике было представлено двумя типами учебных заведений: 1. Практические Институты народного образования для подготовки работников школы и 2. Педагогические факультеты или институты с отделениями для подготовки преподавателей педагогических техникумов, политико-просветительских работников [22]. Методы и общая постановка учебной работы учительских институтах признавалась близкой к требованиям советских вузов, но основной проблемой для продолжения работы институтов по-прежнему являлся недостаток преподавателей.

С весны 1919 г. по проекту Наркомпроса на территории РСФСР началась работа по реорганизации прежних педагогических учебных заведений в соответствии с намеченным планом. Основной задачей являлась ликвидация прежней системы педагогических учебных заведений (учительские семинарии, учительские институты, педагогические курсы и др.) и организация на их базе новых образовательных учреждений — Институтов народного образования (ИНО).

Институты народного образования объявлялись высшими педагогическими учебными заведениями, и должны были обеспечить подготовку педагогов для I и II ступени школы, внешкольного, дошкольного и трудового обучения [22]. Обучение в институтах было

четырёхлетним. В программу входили основные школьные и педагогические дисциплины.

С вступлением Красной Армии на территорию Сибири повсеместно началась подготовка к реорганизации системы образования по образцу центральной части России. Весной 1920 г. начал работу Сибирский отдел народного образования (СибОНО). К началу 1920/21 учебного года местные учебные заведения должны были начать работу по новым правилам. Первую половину 1920 г. учительские институты жили в особом режиме. Они завершали учебный год и одновременно готовились к открытию на новых основаниях.

Последствия гражданской войны, экономическая разруха, слабая организация новых органов управления народным образованием привели к тому, что уже на первом этапе работа по реорганизации педагогических учебных заведений столкнулась с множеством непреодолимых проблем. Не до конца понятны мотивы и действия отдела народного образования в отношении Новониколаевского учительского института. Несмотря на то, что институт был открыт в 1917 г. и являлся самым молодым на территории Западной Сибири, он сумел хорошо поставить работу и организовать педагогическую общественность города. Стараниями директора А.К. Волнина и преподавателей в Новониколаевске было создано активно действующее педагогическое общество. На очереди стояло решение вопроса об открытии при институте курсов по подготовке учителей. С началом реформ советского правительства коллектив был готов к преобразованию учебного заведения в ИНО.

Вероятно, у администрации учебного заведения были все основания полагать, что открытие на базе института педагогического вуза нового типа состоится. Преподавательским коллективом были переработаны учебные планы, обновлены учебные программы, разработаны учебные курсы в соответствии с новыми требованиями [23]. Однако официального распоряжения о подготовке к новому учебному году из СибОНО своевременно не последовало. Более того, из Сибирского отдела народного образования никак не реагировал на многочисленные просьбы дирекции разъяснить планы и позицию региональных властей в отношении института. С приближением начала 1920/21 учебного года в Сибирский отдел народного образования были сделаны несколько запросов о дальнейшей судьбе института. В обращениях в СибОНО содержались просьбы если не преобразования, то, по меньшей мере, открытия учительского института в прежнем виде. Однако со стороны руководства СибОНО конкретных решений не принималось. Так, на запрос от 5 мая 1920 г. было заявлено, что «вопрос

об этом в Отнаробразе еще не выяснен» [3, л. 21.]. В ответ на запрос от 15 мая СибОНО уведомил, что «о преобразовании учительских институтов будет сообщено дополнительно» [3, л. 21 об.]. Попытки «обсудить вопрос о подготовке к занятиям в новом учебном году в совете института были отклонены Отнаробразом, предложившим снять этот вопрос с повестки заседания 8 июля» [3, л. 21 об.]. На Заседании 4 августа 1920 г. педагогический совет вновь обратился за выяснением дальнейшей судьбы учреждения. Предлагалось, в случае, если преобразовать учительский институт невозможно, оставить его прежнюю структуру, с параллельным открытием одногодичных педагогических курсов. В качестве аргументов для принятия такого решения приводилась успешная работа института и желание коллектива работать [3].

В справке СибОНО на запрос Томского Губернского отдела народного образования от 2 октября 1920 г. было заявлено, что в институте «ведется разработка положения о педагогическом институте, в который отдел народного образования намерен преобразовать учительский институт», а с 10 октября 1920 г. при институте должны были начать работу педагогические курсы [6]. Таким образом, региональными органами власти, по-видимому, велась плановая работа по решению ряда организационных вопросов.

Однако все приготовления и начинания были в один момент прекращены. Постановлением СибОНО от 10 ноября 1920 г. здание бывшего учительского института было поручено «в недельный срок» приспособить для размещения СибОНО [12]. С этим решением институт не только в очередной раз лишился помещения, но и был подписан «приговор» дальнейшему существованию этого учебного заведения.

Открытие учительского института в любом из городов дореволюционной России было значительным событием. Инициатива учреждения таких учебных заведений принадлежала не только попечительствам и министерству народного просвещения, но и городским властям и, как правило, базировалась на объективных потребностях, вызванных социально-экономическим и культурным развитием городов, спросом на качественное образование. Учительские институты становились организующими центрами педагогической общественности городов. На их базе создавались педагогические общества, музеи, курсы, которые способствовали развитию образования и просвещению населения.

Острый дефицит школьных преподавателей способствовал тому, что даже в тяжелейших условиях войны и революции МНП шло на

открытие новых учительских институтов и серьезное преобразования их строя. Время существования Новониколаевского учительского института пришлось на самые кризисные годы в истории России. Однако, несмотря на политическую нестабильность и чрезвычайные финансовые трудности, директор и коллектив института сумели организовать работу по подготовке учителей для сибирской школы. Изменения учебных программа и строя учительских институтов, повышение их статуса должны были положить начало более глубокой и всесторонней реформе педагогического образования в России. Однако в ходе бессистемных преобразований педагогических учебных заведений в 1920—1922 гг. научная и материальная база большинства сибирских учительских институтов была значительно подорвана. Не стал исключением и Новониколаевский учительский институт. В результате реорганизации педобразования была фактически разрушена система подготовки учительских кадров. Восстановление сети педагогических учебных заведений начнется позднее, в конце 1920-х гг.

Список литературы:

1. См. подробнее: Войтеховская М.П. Историко-педагогические тенденции модернизации образования в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Выпуск 11 (101). С. 40—56.
2. Выписка из протокола очередного заседания комиссии по реквизиции помещений в г. Новониколаевске // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 344. Л. 34.
3. Выписка из протокола экстренного заседания педагогического совета НУИ от 4 августа 1920 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р — 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 21, 21 об., 22.
4. Журнал заседаний Новониколаевской городской думы от 18 октября 1911 г. // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 42.
5. Заключение педагогической комиссии по вопросу о постановке преподавания педагогических дисциплин в реформируемых учительских институтах // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 184. Д. 279. Л. 3—5.
6. Информация заведующего подотделом социального воспитания Томскому ГубОНО о состоянии дел в Новониколаевском учительском институте // ГАТО. Ф. Р — 28. Оп. 2. Д. 3. Л. 30.
7. К открытию учительского института // Голос Сибири. 1917. 7 окт. № 219.
8. См. подробнее: Кочурина С.А. Реформа учительских институтов Временного правительства (1917 г.) // Вестник Томского

государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 168—172.

9. [Письмо директора Новониколаевского учительского института попечителю Западно-Сибирского учебного округа по вопросу о необходимости финансовой поддержки института] // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 35—41.
10. Письмо директора Омского учительского института в Центросибирь, Агросоюз и Союзбанк // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 94. Оп. 1. Д. 45. Л. 49.
11. Письмо новониколаевского городского головы попечителю Западно-Сибирского учебного округа по вопросу об открытии учительского института в г. Новониколаевске // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 18, 18 об., 19.
12. Постановление СибОНО от 10 ноября 1920 г. // ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 23. Л. 222.
13. Постановление совещания начальствующих средних учебных заведений и заведующих в них г. Новониколаевска по вопросу об организации в городе одногодичных педагогических курсов // ГАНО. Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 278. Л. 180.
14. Представление директора ТУИ попечителю Западно-Сибирского учебного округа сведений о количестве окончивших курс института за 1909 — 1912 гг. // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 50.
15. Резолюция о временных курсах Первого Всероссийского съезда представителей учительских институтов // РГИА. Ф. 733. Оп. 184. Д. 279. Л. 2 об.
16. Смета на содержание Омского учительского института на 1920 г. // ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 45. Л. 202.
17. Смета на содержание учительских институтов МНП Временного Сибирского правительства на второе полугодие 1918 г. // ГАТО. Ф. Р — 72. Оп. 1. Д. 36. Л. 70. ГАТО. Ф. Р — 72. Оп. 1. Д. 36. Л. 67—70 об.
18. Список высших начальных училищ Томской губернии, открытых на частные и земские средства // ГАНО. Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 284. Л. 74.
19. Справка Новониколаевской городской управы о количестве высших начальных училищ и учащихся в них // ГАНО. Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 284. Л. 163.
20. Справка о кредитах на школьное строительство в г. Новониколаевске // ГАНО. Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 284. Л. 170.
21. Справка совета по народному образованию г. Новониколаевска о количестве высших начальных училищ в городе // ГАНО. Ф. Д — 97. Оп. 1. Д. 284. Л. 135.

22. Схема педагогического образования в РСФСР (Материалы отдела педагогического образования СибОНО) // ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 215. Л. 42 об., 43.
23. Схема учебного плана Новониколаевского государственного института народного образования // ГАТО. Ф. Р — 28. Оп. 1. Д. 786. Л. 1.
24. Телеграмма с уведомлением переводе кредита на содержание НУИ // РГИА. Ф. 733. Оп. 183. Д. 59. Л. 133.
25. Уведомление МНП о разрешении открыть Новониколаевский учительский институт // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 24.
26. Ходатайство попечителя Западно-Сибирского учебного округа об открытии учительского института в г. Новониколаевске // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2686. Л. 12.

СЕКЦИЯ 4.2.

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

РАЗРАБОТКА ИНСТРУКЦИИ ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ В КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ООО «НВ-СТИРОЛ»

Золоторева Ксения Вячеславовна

*студентка, ГОУ ВПО Нижневартковский государственный
гуманитарный университет, г. Нижневартовск
E-mail: ksenija@mail.ru*

Гасникова Светлана Юрьевна

*к. культурологии, доцент НГГУ, г. Нижневартовск
E-mail: svetlanagasnikova@mail.ru*

Делопроизводство представляет собой одну из типовых управленческих функций, свойственных каждой управленческой структуре. В отечественном делопроизводстве основным документом организации, устанавливающим порядок работы с документами на протяжении всего их жизненного цикла, является инструкция по документационному обеспечению управления (делопроизводству) [6].

Для небольших организаций создание инструкции по делопроизводству весьма актуально, т.к. она позволит:

- регламентировать все процедуры по созданию, использованию, хранению и уничтожению документов в пределах организации;
- закрепить в организации наиболее рациональную технологию делопроизводства;
- сделать систему работы с документами стабильной;
- обеспечить соответствие внутренних правил работы с документами требованиям законодательных и правовых нормативных актов;
- установить ответственность за работу с документами.

Разработка инструкции по ДООУ является функцией службы документационного обеспечения. В организациях, не имеющих службы

ДОУ, разработкой этого документа занимается сотрудник, отвечающий за организацию работы с документами [6].

Рассмотрим процесс создания и внедрения инструкции по делопроизводству в конкретной организации, а именно Обществе ограниченной ответственности «НВ-Стирол». Данная работа включает в себя несколько этапов.

Первоначально необходимо рассмотреть организацию документооборота на предприятии. Анализируя этот аспект, следует отметить, что данная сфера в ООО «НВ-Стирол» практически не регламентируется. Документационное обеспечение управления осуществляется недостаточно эффективно, так как присутствуют погрешности в оформлении документов, осуществлении контроля исполнения, формировании дел и т.д. Главным недостатком в сфере ДОУ является отсутствие инструкции по делопроизводству. Этот факт объясняется тем, что административный аппарат ООО «НВ-Стирол» не принимает во внимание, что если на предприятии отсутствует четкая организация работы с документами, то, как следствие этого, закономерно появление документов низкого качества, как в оформлении, так и в полноте и ценности содержащейся в них информации, увеличение сроков их обработки. Это приводит к ухудшению качества управления и увеличению сроков принятия решений и числу неверных решений. При расширении организации имеющаяся система документооборота будет абсолютно не пригодной для эффективного документационного обеспечения управления. В результате анализа принимается решение о создании и внедрении инструкции по делопроизводству, что подкрепляется изданием соответствующего распоряжения для начальника отдела кадров, так как организацией документооборота на предприятии занимается она.

Следующим этапом является изучение действующего законодательства по вопросам деятельности организации, информатизации, делопроизводства и архивного дела. Подготовка Инструкции осуществляется в соответствии с действующим законодательством на основе типовых и примерных инструкций, правил, унифицированных форм и других нормативных и методических разработок с учетом особенностей сложившейся в организации системы делопроизводства [4, с. 30].

На этом этапе использовались Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти от 23 декабря 2009 г. №76. Этот документ разработан в целях оптимизации процедуры и порядка разработки инструкций по делопроизводству, определения их структуры и

содержания. Еще один нормативный методический акт, который немаловажен при создании инструкции, это ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования». Значимым он является, так как не ограничивается только госструктурами, а регулирует процессы управления документами государственных, коммерческих и общественных организаций [3, с. 11]. Стандарт регламентирует тот факт, что организация должна определить и документально зафиксировать политику в области управления документами [1, Ст. 6.2]. Целью этой политики должно быть создание и управление аутентичными, достоверными и пригодными для использования документами, способными поддерживать деловую деятельность в течение установленного (необходимого) периода времени [1, Ст. 6.2]. В итоге по завершению данного этапа, начальник отдела кадров формулирует структуру, цели и задачи Инструкции по делопроизводству.

Далее необходимо проанализировать положения всех организационно-распорядительных документов организации, касающихся делопроизводства, а также составить список документов, используемых в данной организации для создания бланков документов, которые будут регламентированы Инструкцией по делопроизводству. Ознакомиться с организационно-правовыми документами, которые затрагивают интересующую нас тему, в конкретной организации необходимо для анализа регламентированных норм и правил в работе с документами, которые, возможно, войдут в инструкцию по делопроизводству, таких в организации ООО «НВ-Стирол» не оказалось, что является, в некоторой степени, благоприятным фактором для разработчика инструкции, так как нет необходимости согласовывать проект инструкции с многочисленными актами организации.

Касаемо регламентации бланков документов, главным помощником на данном этапе будет ГОСТ 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» [2].

Стандарт устанавливает: состав реквизитов документов; требования к оформлению реквизитов документов; требования к бланкам документов, включая бланки документов с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации [2]. Составленные бланки включаются в Инструкцию по делопроизводству в качестве приложений.

Далее проводятся работы по оформлению проекта инструкции, внесению изменений, согласованию и утверждению Инструкции по делопроизводству. Заключительным этапом будет ознакомление сотрудников с Инструкцией и осуществление контроля за соблюдением регламентированных правил ведения делопроизводства.

Таким образом, Инструкция должна отражать весь процесс документирования в ООО «НВ-Стирол», все технологические операции с документами в логической последовательности их выполнения.

Поскольку разработка Инструкции по делопроизводству — это достаточно сложная задача, и с первого раза может не получиться удовлетворительного со всех точек зрения варианта Инструкции, можно рекомендовать сначала разработать и утвердить временную Инструкцию, работа с временной Инструкцией позволит проверить ее положения, выявить слабые места, и после соответствующей доработки Инструкция может быть утверждена уже как постоянная [5, с. 48].

Список литературы:

1. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования». М., 2007.
2. ГОСТ 6.30-2003 Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования оформлению документов. М., 2003.
3. Ларин М.В. Об этапах работы над ГОСТ ИСО 15489-1-2007/ М.В. Ларин// Справочник секретаря и офис-менеджера. — 2007. — № 2. — С. 8—17.
4. Чюковенков Ю.А. Инструкция по делопроизводству в организации /Ю.А. Чюковенков// Секретарь-референт. — 2003. — №1. — С. 26—32.
5. Янковая В.Ф. Делопроизводство с нуля / В.Ф. Янковая// Секретарь-референт. — 2010. — №7. — С.47—51.
6. Янковая В.Ф. Инструкция по документационному обеспечению управления (делопроизводству)//Секретарь-референт. — 2007. — № 9. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:http://www.profiz.ru/sr/9_2007/instrukciya_po_DOU/

СЕКЦИЯ 4.3.

ЭТНОЛОГИЯ

О РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ В ДРЕВНЕЙ ГЯНДЖЕ (I тысячелетие до н.э.-I век н.э.)

Кулиева Нарги Мелик кызы

д. и. н., профессор БГУ, г. Баку

Гасанов Эльнур Лятиф оглы

соискатель, научный сотрудник Гянджинского РИЦ НАН

Азербайджана, г. Гянджа

E-mail: el-hasanov@mail.ru

Период раннего и развитого железного веков. Гянджа — родина великого Азербайджанского поэта, мыслителя Низами Гянджеви является вторым крупным культурно-экономическим центром страны. На ее территории гончарное ремесло развивалось еще с эпохи неолита, энеолита (восьмые-шестые тысячелетия до нашей эры).

В эпоху железного века основными характерными изделиями гончарного ремесла древней Гянджи являлись белоинкрустированные керамические образцы. Блюда со скульптурными головами, триподы, соединенные керамические сосуды тоже были найдены в разных историко-археологических памятниках древней Гянджи и всего Гянджабасарского региона. Эти керамические изделия являются характерными образцами гончарного ремесла данного периода [3, с 63].

Основными характерными декоративно-орнаментальными особенностями гончарных образцов данного исторического периода являются зооморфные, антропоморфные и геометрические элементы.

Геометрические элементы состоят, главным образом, из заштрихованных треугольников, расположенных рядами и вписанных в другие, более сложные фигуры, а также ромбов и меандра. В этот орнамент входят углы, косые штрихи, прямые полосы, кресты, свастика и т.п.

Антропоморфные орнаменты (изображения людей) керамических белоинкрустированных изделий древней Гянджи эпохи раннего и развитого железа по манере исполнения разнообразны.

Изображения животных и птиц (зооморфные элементы) достаточно схематичные, но по манере исполнения они не одинаковы. Среди этих зооморфных орнаментов выделяются изображения животных, сделанные при помощи округлых линий и, как правило, заполненные точками [1, с. 30; 2, с. 94].

Отдельные, довольно сложные элементы получили очень широкое распространение, выйдя далеко за рамки этнических массивов. Ряд орнаментальных мотивов керамики древней Гянджи связывается с орнаментом крашеной керамики всего обширного переднеазиатского региона. Таковы, например, отдельные элементы геометрических, а также антропоморфных орнаментов белоинкрустированных керамических изделий.

Античный период.

В данной эпохе развитие художественной керамики являлось результатом традиционного продолжения мастерства гончарного искусства, преемственного от предыдущих поколений.

Одним из основных конструктивно — пластических форм художественной керамики древней Гянджи Эллинистического периода (IV — I вв. до н.э.) является фигурная керамика. В эту группу входят те зооморфные сосуды, которым древние мастера придали форму различных животных и птиц, а также керамические сосуды, имеющие над ручками, венчиками и сливами фигуры животных, которые составляют завершающую часть пластических композиций. Кроме того, зооморфные керамические сосуды, к которым присоединены пластические полуфигурки и головки животных также являются характерными образцами гончарного ремесла древней Гянджи и Гянджабасара данной исторической эпохи.

Характерные декоративно-орнаментальные особенности художественной керамики античной Гянджи этого периода составляют:

1. Врезная орнаментация.
2. Виды художественного убранства керамических сосудов.
3. Рельефно-декоративное убранство.

Данные декоративно-орнаментальные особенности характерны и для ряда других видов конструктивно-пластических форм художественной керамики Гянджи и всего Гянджабасара. Примером могут служить разные виды сообщающихся сосудов, а также керамических фляг. Художественные вазы тоже являются характерными изделиями этого исторического периода и были найдены при раскопках разных исторических памятников на территории долины реки Гянджачай [4, с. 73].

Декоративно-орнаментальные особенности художественной керамики Гянджи Эллинистического периода отличаются

оригинальностью. Гравировка керамических сосудов характеризуется применением белой массы и таких орнаментальных мотивов, как кружки, треугольники и др. Подобные украшения в основном обнаружены в сероглиняной керамике IV—III вв. до н.э.

Сосуды серого цвета получаются в тех случаях, когда в печи, после окончания задымления, еще сохраняется сравнительно высокая температура. В это время сажа, которая красит продукцию в черный цвет, частично выгорает, отчего цвет продукции светлеет. То же самое происходит, когда печь не закрыта герметически, и дым выходит из нее.

Среди художественных керамических изделий античной Гянджи IV—I вв. до н.э. были обнаружены сосуды красного и черного цветов. Известно, что цвет обожженной глины, в основном, зависит от примеси разного количества железных солей и их соединений. В результате обжига все железные соли и их соединения превращаются в окись железа, являющуюся красителем глины.

Среди характерных декоративно-орнаментальных особенностей художественной керамики античной Гянджи выделяются рельефно-декоративные украшения. По манере исполнения и другим характерным чертам рельефно-декоративные украшения керамических изделий рассматриваемого исторического периода могут быть классифицированы следующим образом, с выделением двух групп, носящих в одинаковой степени традиционный характер:

- 1) Керамические сосуды с рельефно-пластическими украшениями.
- 2) Сосуды с рельефно-орнаментальными мотивами, имевшие когда-то культовое значение.

Историко-культурный ареал гончарных традиций Гянджи характеризуется наличием особых керамических изделий и декоративных форм. По этой же причине и возник ряд новых названий керамических сосудов с упоминанием их принадлежности к местам раскопок.

Керамика, созданная на этой древней территории, отличается художественным своеобразием. Нужно отметить оригинальные способы, приемы и мотивы декорирования сосудов, а также наличие многих типовых моментов.

Техника оригинальной орнаментации данной керамики, обогащенной цветовым эффектом инкрустации белой массой, вырабатывалась на основе опытов предыдущих поколений. Художественная традиция керамики Гянджи и всего Гянджабасара продолжалась и в периоде последующей культуры, культуры кувшинного погребения. Но в связи с появлением красноглиняной керамики в большом

объеме уже не применяется декорировка инкрустацией белой массой, а традиция врезного рисунка продолжается и совершенствуется.

Весьма интересно продолжение традиции керамических марок в IV—II веках до нашей эры. Необходимо отметить, что традиция описываемых нами гончарных марок сероглиняной керамики предыдущей культуры в наиболее широком масштабе продолжалась и в периоде культуры кувшинного погребения, а также в I—VII веках нашей эры [5, с. 31;6, с.11].

Лаконизм является ведущим творческим принципом древних гончаров данного исторического периода Азербайджана (Кавказской Албании).

Вся декоративная основа этой художественной керамики создана именно на базе лаконичного выражения мысли древних керамистов. Поэтому-то художественное оформление рассматриваемых керамических изделий представляет собой не только внешнее убранство сосудов, оно органически вытекает из самой структуры изделий.

Этот творческий принцип наших предков, мастеров гончарного дела раскрывает перед современными художниками-керамистами новые творческие горизонты в деле эффективного использования богатейшего керамического наследия Гянджи и всего Азербайджана.

Дальнейшее историко-этнографическое исследование керамики Гянджи откроет новые перспективы в изучении отечественной этнологии.

Список литературы:

1. Акунова Л.Ф., Приблуда С.З. Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий: учеб. пособие — М. : Высшая школа, 1979. — 216 с.
2. Гасанов Э.Л. Гробница имамзаде Гянджи: монография — Баку: Адильоглы, — 2011. — 172 с.
3. Гасанов Э.Л. О развитии гончарного ремесла Гянджи в раннем железном веке// Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2011. — №2.
4. Гасанов Э.Л. Историко-этнографическая характеристика художественной керамики древней Гянджи// Международный научный журнал Интеллект. — 2010. — №3.
5. Кулиева Н.М., Гасанов Э.Л. Об историко — этнографическом исследовании художественной керамики Гянджи эллинистического периода// Молодой учёный. — 2011. — №4.
6. The dawn of Art: monograph / Ed. by M. I. Artamonov — Len.: Aurora Art Publishers, 1974. — 196 p.

СЕКЦИЯ 4.4.

ИСТОРИОСОФИЯ

ПРОБЛЕМА НЕИСТОРИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Простяков Сергей Станиславович

к. филос. н., СахГУ, г. Южно-Сахалинск

E-mail: prost.philos@mail.ru

Постановка вопроса о выявлении смысла неисторического, его мировоззренческих и социокультурных контекстах применительно к неклассической парадигме на первый взгляд выглядит несколько неожиданной. В самом деле, опыт философской рефлексии XX века, казалось бы, свидетельствует об обратном. Именно историческое становится предметом глубокого осмысления, одним из существенных результатов чего явилась его концептуализация как конститутивной характеристики бытия человека.

Так, Николай Бердяев исходит из идеи сущностной онтологичности исторического и его «сращенности» с человеком, что делает невозможным их разрыв [1, с. 21]; в концепции Хосе Ортеги-и-Гассета проблема исторического рассматривается в русле критического преодоления субстанциалистского подхода к человеку: не природа, как некая неизменная основополагающая сущность (субстанция), а историчность (изменчивость человека как «бесконечно пластичного сущего») является определяющей чертой человеческого бытия [4, с. 92—98]; Карл Ясперс рассматривает человека как находящегося всегда «внутри истории» и поэтому лишь из экзистенциального опыта исторического возможно постижение «вечного настоящего» истории в ее надъисторическом смысловом содержании [6, с. 277—279]. Невозможно здесь упустить из внимания и гениальные прозрения об историческом Мартина Хайдеггера, инициированные логикой его экзистенциальной аналитики. [5, с. 416—450]

В соответствии с устоявшейся традицией представляется корректным также интерпретировать историческое в контексте таких его импликаций как закономерный характер качественных изменений бытия человека, общества и культуры; преемственность социокультурного

опыта; смысл истории. В связи с этим следует признать справедливым и тезис, согласно которому именно посредством исторического сознания, схватывающего в смысловом единстве три модуса времени — прошлое, настоящее и будущее, становится возможной культурно-историческая идентификация человека.

Отсюда ясно, что в контекстуальном пространстве, задаваемом рассматриваемой проблемой, историческое предстает как смыслообразующий концепт в понимании общества, культуры и человека.

И все же, возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, следует признать, что несмотря на отмеченный выше опыт интерпретации, в неклассической мысли содержится и противоположная тенденция, общее содержание которой состоит в обесценивании исторического.

Прежде всего, интерес вызывает то обстоятельство, что сам неисторический взгляд может возникнуть внутри сознания исторического. И это совсем не означает того, что неисторическое здесь утверждается как некая всеобъемлющая антигега исторического. Здесь уместно было бы говорить об известной неисторической тенденции. Если исходить из того, что конститутивной характеристикой исторического сознания является такая его черта, которую Лев Карсавин определяет как «всвременность», понимая под этим данность прошлого, настоящего и будущего в их взаимопроникновении и смысловой целостности [2, с. 50—52], то тогда неисторическое может представлять собой ту или иную форму распада этой целостности. Например, временной модус прошлого, который несет в себе социокультурную память и является важным онтологическим основанием исторического, может в силу определенных причин утратить свое значение, и это приведет к деформации всевременной целостности исторического сознания. Именно такая установка, выраженная в форме радикальной идеологемы, была отчетливо артикулирована Фридрихом Ницше. История в оценке Ницше предстает как тяжесть прошлого, как «невидимая тяжкая ноша», подавляющая человека и отторгающая его от жизни [3, с. 161]. Поэтому история рассматривается Ницше как сила, опасная для динамичного жизненного начала. Чрезмерное развитие исторического чувства, как считает Ницше, «влечет за собой громадный ущерб для всего живого и, в конце концов, приводит его к гибели, будет ли то отдельный человек, или народ, или культура» [3, с. 163]. Отсюда ясно, что для Ницше, как родоначальника «философии жизни», само понятие «жизнь» выступало в качестве ценностно ориентированного концепта, востребованного европейской культурой в условиях кризиса ее рационалистических оснований. Жизнь представляется Ницше как выражение чего-то глубинного, бытийного, связь с которым сообщает человеку, народу,

культуре «пластическую силу», под которой понимается способность «расти из себя самого» и не быть подавленным историей [3, с. 163]. Поэтому возможность связи с жизнью и противостояния истории Ницше связывает со способностью человека чувствовать неисторически.

Очевидно, что неисторически ориентированная установка сознания была осмыслена Ницше как определяющее условие освобождения от прошлого культурно-исторической традиции, причастность к которой являлась способом идентификации европейца. Но именно эта идентификация оценивается Ницше как бремя, которое свидетельствует о дряхлости и безжизненности европейской культуры. Причем, интенция элиминации прошлого органически связана у Ницше с акцентированием значения временного модуса будущего. Такая позиция становится понятной, если учесть то обстоятельство, что в контексте опыта деконструкции культурно-исторического прошлого, которое определялось иудео-христианской традицией, будущее представлялось Ницше как время рождения «сверхчеловека» и формирования радикально обновленной культуры, связанной с жизнью.

Итак, характерная для Ницше неисторическая тенденция в известном смысле возникает внутри сознания исторического, так как несмотря на свое стремление радикально нивелировать значение прошлого, немецкий философ все же признает смысловое содержание времени, ставя акцент на будущем. И это говорит о том, что Ницше не порывает полностью с основополагающими принципами исторического сознания.

Если же ставить вопрос о возможности более радикально выраженной неисторической концепции, то таковая имманентно присутствует в христианском мировоззрении. Однако такое утверждение представляется довольно парадоксальным. В самом деле, христианство как теолого-философский комплекс одним из своих важнейших оснований имеет идею смыслового измерения времени, постигаемого в единстве с божественным и вечным. Именно на почве христианства сформировалась линейная модель времени и возникла философия истории (Августин Блаженный). И это должно было бы явно свидетельствовать о принципиальной невозможности какого-либо неисторического взгляда на почве христианского мировоззрения.

Вместе с тем сама возможность неисторического в христианстве в известном смысле кроется в концептуализации божественного и вечного как того, что имеет абсолютную ценность. И если занять радикально выраженную одностороннюю позицию, признающую смысл лишь в божественном, вечном, надвременном, то это приведет к отрицанию смыслового измерения всего временного, становящегося,

исторического. В контексте такого мышления время уже не будет внутренней эпохой вечности. Вечность и время предстанут здесь как несоизмеримые и разобщенные бытийные ряды. Такая логика в своих истоках восходит к классической античной метафизике, имплицитно логике бинарных оппозиций.

Именно такой подход к историческому характерен для основоположника протестантской неортодоксии, выдающего мыслителя XX века Карла Барта. Исходная мировоззренческая установка Барта задавалась его стремлением возродить истинную христианскую веру в условиях секуляризации современной культуры и кризиса духовных основ бытия человека. Понимая истинную веру, восходящую к библейским пророкам, апостолам и Христу как надвременное и надисторическое явление, Барт этим самым отрицает какое-либо значение временного и исторического. Согласно Барту, истины пророков, апостолов и Христа, будучи вневременными и неисторичными, всегда современны. Они несут в себе измерение божественное и вечное. Все же историческое, временное, лишено смысла. Барт утверждает, что «...мир и история движутся в секулярном и относительном контексте, который сам по себе предельно бессмыслен» [7, р. 107].

Таким образом, неисторическая позиция Барта, вытекающая из его неортодоксальной теологии, задаваемой принципом мышления из Бога как центра и, соответственно — концептуализирование несоизмеримости божественного и мирского, вечности и времени означает, что человек может обрести ценностный смысл своего бытия исключительно на почве вневременной христианской веры, но никак не посредством формирования исторического сознания и соответствующего действия.

Концептуализация ценностного содержания неисторического, реализуемая через такой концепт как «постистория», стала также одной из фундаментальных идейных программ в постмодернистской парадигме. В своих социально-философских построениях постмодернистские философы (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, М. Фуко и др.) отрицают логику истории, линейную модель социокультурных процессов, а также интерпретируют современность как лишенную возможности какой-либо принципиальной новизны. Постисторическое сознание конституирует себя как феномен, возникший в отрыве от исторической процессуальности, которая традиционно осмысливалась в контексте линейной модели времени. В этой связи современность в оценке постмодернистских философов предстает не как закономерное продолжение истории а как культура и ментальность, утверждающие свою автономность по отношению к историческому. Такая концепция является

мировоззренческой реакцией на неосуществленность «проекта модерна», проникнутого верой в исторический прогресс, разумность человека и смысл истории. Отсюда вытекает столь характерная для постмодернистской парадигмы идея конца исторического, наиболее отчетливо выраженная у Жана Бодрийера.

Однако концептуализация идеи конца истории в постмодернистской парадигме принципиально отлична от понимания конца истории в идейном наследии таких мыслителей как Августин, Г. Гегель и Ф. Фукуяма. При всех различиях своих воззрений, общим концептуальным основанием их философско-исторических взглядов является идея конца истории как смысловой осуществленности и временной завершенности исторического процесса. В постмодернистской же парадигме конец истории осмысливается как драматическое крушение ценностных ожиданий человека. Это в свою очередь инициирует отказ от поисков какого-либо смыслового содержания исторического, а современность понимается как состояние преодоленности истории, то есть как постистория.

Обобщить сказанное можно следующим утверждением: в неклассической парадигме прослеживается известная тенденция неисторического мышления, с помощью которого в различных мировоззренческих контекстах обосновывается ценностная модель бытия человека. Отмеченная тенденция окончательно оформилась в постмодернистской парадигме как деконструкция исторического, что явилось результатом глубокого кризиса ценностных установок, лежащих в основании концепта истории. И в связи с усиливающимся кризисом исторического сознания остро встает вопрос о необходимости вернуть веру в историю.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Смысл истории // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон +, 2002. 448 с.
2. Карсавин Л.П. Философия истории. М.: Хранитель, 2007. 512 с.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф.: Соч. в 2 т. — М.: Мысль. 1990. — Т.1
4. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Вопросы философии. № 6. 1996. С. 76—98.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. Фолио. 2003. 510 с.
6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика. 1994. 528 с.
7. Barth K. The Epistle to the Romans. N.Y. 1980. 462 p.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

19 сентября 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.09.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,875. Тираж 550 экз.

Издательство «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28
E-mail: info@a-ti.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28